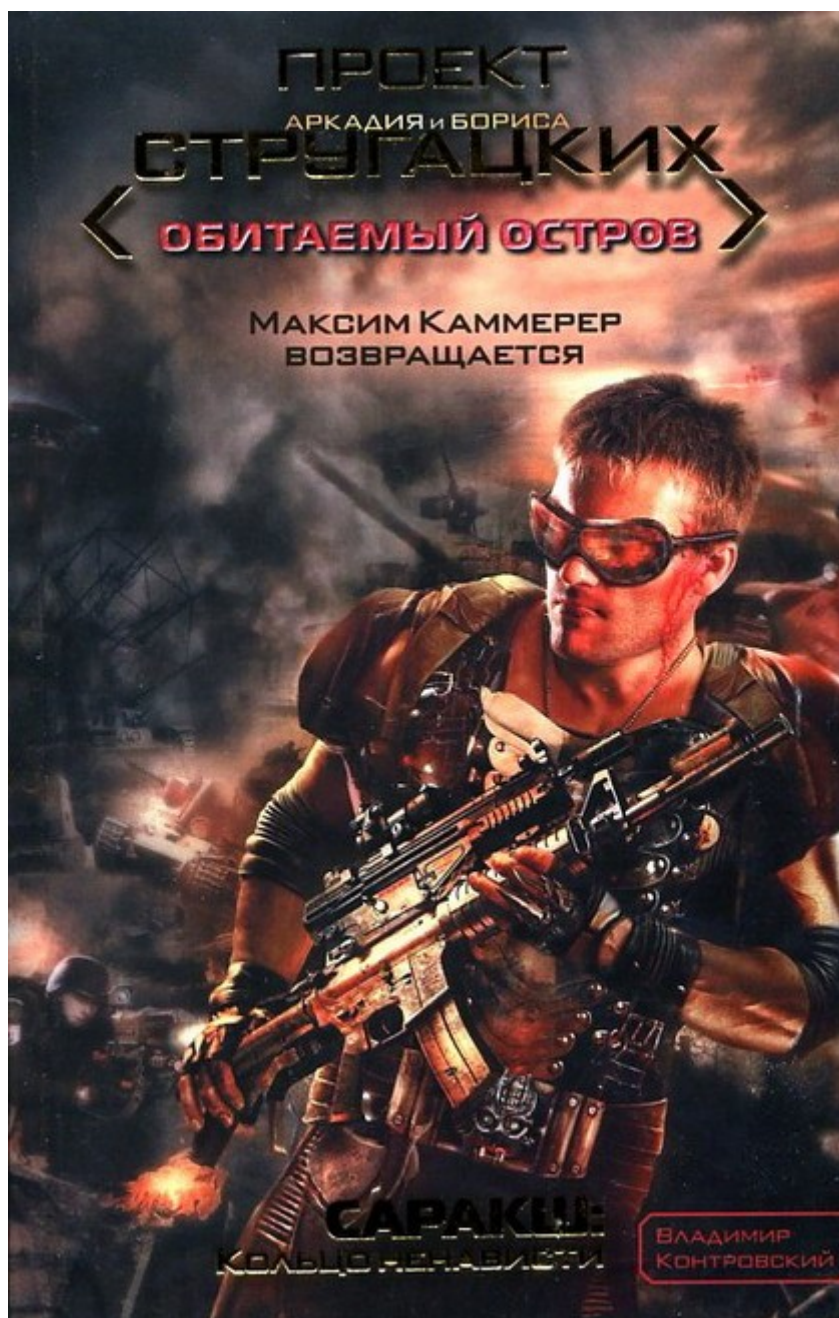

Владимир Контровский
Саракш: Кольцо ненависти

Книга подготовлена для библиотеки HL (Scan - the097; OCR, ReadCheck - Zladey; Conv - Zladey)

«Саракш: Кольцо ненависти / Владимир Контровский»: АСТ, Астрель, Terra Fantastica; Москва; 2011

ISBN 978-5-17-069931-5

Аннотация

Итак, режим Неизвестных Отцов пал. Система башен-излучателей разрушена. Центр взорван. Казалось бы, ничто не мешает установлению мира и согласия в истерзанной стране. Но вчерашний студент Максим Каммерер и прогрессор Рудольф Сикорски, более известный как Странник, понимают, что это — только начало, а свобода всегда имеет привкус крови. Лишенные воздействия излучателей, жители Саракша

впадают в депрессию, сходят с ума или гибнут, в то время как кучка мерзавцев торопливо делит власть. Экономика тяжело больна, в стране растут преступность и спекуляция, и уже близки голодные бунты. А ведь есть еще экзотическая Пандея, от которой можно ожидать чего угодно, есть Дикий Юг и Островная Империя с ее белыми субмаринами! Кажется, что зарождающаяся республика замкнута в глухое кольцо ненависти...

Владимир Контровский **Саракш: Кольцо ненависти**

Глава 1 **ЭХО ВЗРЫВА**

— Какого дьявола, массаракш!

Рыжая борода Аллу Зефа полыхала тревожным аварийным сигналом. Продравшись сквозь живую заросль, он подошел, нет, подбежал к машине, остановившейся у самых ворот Департамента. Видно было, что за полтора часа ожидания, прерванного к тому же внезапным лучевым ударом, у Зефа накопилось в адрес Мака большое количество слов, причем все они были очень далеки от образчиков изящной словесности, и словосочетание «какого дьявола» — это всего лишь легкий ветерок, предвестник большой бури.

Однако ожидаемый ураган не состоялся. Зеф увидел Странника, спокойно сидевшего за рулем рядом со спокойно сидевшим Маком, и замер на полушаге, поперхнувшись на полуслове. Пятерня Зефа дернулась было к автомату, висевшему у него на плече, но на полдороге изменила траекторию, нырнула в рыжие заросли на подбородке бывшего светила науки психиатрии, бывшего воспитуемого и бывшего штрафника-танкиста и закопошилась там, как будто силясь отыскать ответ на вопрос: «И что бы все это значило?».

— В машину, — процедил Странник, глядя на запертые ворота. Зеф, полуобернувшись к своим товарищам, ждавшим его у павильончика, сделал замысловатый жест рукой и молча открыл заднюю дверцу. Дверца испустила жалобный скрип. Странник нетерпеливо нажал на клаксон. Ворота распахнулись, медленно и даже как-то нехотя, словно пасть чудовища, крайне раздосадованного тем, что его потревожили.

Однако чудовище это отнюдь не спало и уже навестило уши, чутко прислушиваясь ко всему происходящему. В амбразурах каменной ограды Максим заметил вороненый блеск металла, а у ворот вместо legionera, час назад выпустившего с территории института Мака, якобы вывозившего рефрактометр, стоял какой-то молодой парень в цивильном платье. У него не было военной выправки и стати, но автомат он держал уверенно, и по его позе Мак понял, что стрелять этот паренек умеет. У входа в главный корпус расположилась мощная пятнистая туша бронетранспортера (и откуда он взялся, мельком подумал Максим, не видел я в гараже этого чуда истребительной техники), которую пришлось объезжать (орудийная башенка транспортера при этом шевельнулась — правда, тут же успокоилась); в холле стоял крупнокалиберный пулемет на треноге и сновали вооруженные люди в гражданской одежде. «А Странник-то ой как непрост, — подумал Мак, когда они втроем вошли в холл, — у него тут, оказывается, многое подготовлено и много чего припасено».

— Так, — сказал Сикорски, не обращая внимания на деловитую и целеустремленную суету. — Надо продержаться несколько часов, пока лучевое голодание не сделает девяносто девять процентов населения небоеспособным и малоподвижным. И не просто продержаться, но и кое-что сделать, пока нас не опередили... энергичные люди с несколько иными целями и задачами. Вы, Мак, быстренько введите господина профессора в курс дела, объясните ему, откуда выросли ноги, а то он у нас пока еще ничего не понимает, и действуйте.

— А... а что мне надо делать? — спросил Максим, чувствуя себя мальком, в поисках приключений сбежавшим из интерната в мир взрослых людей и растерявшимся, когда эти приключения обступили его со всех сторон. — С чего начать?

— С самого начала, — пояснил Странник: сухо и без тени насмешки.

* * *

— Папа? Это Умник.

— Слушаю тебя. Говори, если тебе есть что сказать.

— Папа, это Странник.

— Что Странник?

— Это его рук дело. Он взорвал Центр! Есть у него один человек или, вернее, мутант, невосприимчивый ко всему спектру излучения. Странник рвется в диктаторы, а мы все — мы ему не нужны.

— Все?

— Все, — торопливо повторил господин государственный прокурор, уловив в голосе Папы еле заметную тень подозрительности (не подумай плохого, Папа, я ваш, я с вами, это все Странник, упырь ушастый, а я с вами — весь, душой и телом).

— Откуда у тебя такие сведения?

— Я ведь Умник...

На том конце провода помолчали, и господин государственный прокурор, обливаясь холодным потом, все эти бесконечно длинные секунды ждал, что ответит Папа.

— Хорошо, — услышал он наконец. — Приезжай. Соберемся, обсудим.

В наушнике раздались писклявые гудки отбоя.

Приезжай, как же! Спешу и припадаю к стопам! Ты, Папа, возомнил себя новым императором? Как бы не так! Никуда я не поеду, то есть поеду, но только не к вам. А тебе я позвонил только для того, чтобы вы там зашевелились и вцепились друг другу в холки. А я постою в сторонке и понаблюдаю — послушаю, как будут хрустеть ваши загривки. Нет, Папа, теперь каждый за себя... Но прежде всего — Странник, этого дьявола надо убрать любой ценой. Знать бы еще, чем он купил Мака... Хотя — ясно чем: Рада. Эта глупая самочка у него, у Странника, и Мак, честный и прямодушный Мак, принял предложение Странника, лишь бы с головы этой, как ее там, Рады Гаал, не упал ни один волосок. Да, Странник, тут ты меня переиграл... Но ничего, партия еще не кончена — наоборот, она только входит в решающую стадию. Вот только голыми руками Странника не взять, да, не взять. Он, Странник, колючий — нужны перчатки, и желательно латные.

Вопрос: где взять такую перчатку (и желательно нужного размера, и желательно не своенравную, а то ведь она может превратиться в пыточное приспособление и поломать все кости руки). Лике Шекагу, генерал Легиона, или генерал Аахи Оду, командующий полевой армией? Или, может быть, Орсо Анипсу? Этот экс-полковник может быть полезен: люди, у которых ничего нет (особенно если у них когда-то что-то было, а потом вдруг они этого лишились), всегда полезнее тех, кто что-то имеет в настоящее время и боится это потерять. Генерал Шекагу наверняка сейчас прячется за щетиной легионерских штыков и выжидает, а вот генерал Оду — этот недоумок, потеряв на Стальном Плацдарме лучшие танковые части, очень боится мести хонтийцев. Он кинется в ласковые объятия Папы, и Папа по-отечески нежно сломает ему хребет. Полковник Анипсу, «Рыкающий Ветеран»... Неплох (пригодится как инструмент), но его еще надо найти — есть у бравого экс-полковника идиотская привычка уходить в разгул в самый неподходящий момент, причем неважно, с горя или с радости (поэтому, собственно, и стал полковник Анипсу бывшим полковником). Но в армии (и в Легионе) Анипсу все еще весьма популярен — как этаким образцом истинного имперского офицера, не знающего удержу ни в бою, ни на пиру, ни в любовных утехах, — и его нужно привлечь на свою сторону (если он, конечно, не погиб в атомной мясорубке на хонтийской границе).

Стоп, а ведь есть человек, у которого с Маком свои счеты! Как же я мог забыть — ну, да, конечно, есть такой человек, и он пойдет против Странника, потому что у Странника — Мак Сим, недострелянный выродок, покусившийся на основы. Лучшие борцы — это

идейные борцы, а если идеи приправлены еще и личными мотивами...

Господин государственный прокурор выдвинул ящик стола, оросил беснующийся мозг глотком алкоголя и взвесил в руке тяжелый автоматический пистолет — давненько я не стрелял, да. А потом вызвал дневного референта и распорядился:

— Мою бронированную машину. И личную стражу — всю, до последнего человека, на трех транспортерах. И еще: охранной бригадой Легиона, расположенной здесь, в столице, командует бригадир Чачу. Вызвать его ко мне и доставить — немедленно.

* * *

На улицах столицы трепетала дымка боязливого непонимания. Люди чувствовали — что-то произошло, что-то случилось, но что именно, никто понять не мог. Официальных сообщений не было — никаких, — и поэтому люди жадно ловили слухи, претендовавшие на достоверность (а как же иначе?). Одни говорили, что на радиотелецентр упал хонтийский баллистический снаряд, другие муссировали версию о пандейской смертнице, врезавшейся в здание на летающей платформе, начиненной взрывчаткой, третьи обвиняли в случившемся проклятых террористов-выродков (а кого же еще?). Из уст в уста передавались сведения о десятках тысяч жертв, и это в какой-то мере соответствовало действительности — погибших при взрыве и в самом деле было много, очень много. Но гораздо большее число смертей наступило от лучевого голодания: сердечная недостаточность, суицид, инсульт. Больницы были переполнены, и обитатели огромного города ждали, не понимая даже, чего именно они ждут.

Но самое главное: почти всеми подспудно ощущалось, что событие это из ряда вон выходящее и что за ним последуют серьезные перемены. И нельзя сказать, что мысль об этих переменах приводила в безудержный восторг всех от мала до велика. Да, монотонная серая жизнь в замкнутом (в искусственно замкнутом) пространстве, именуемом Страной Неизвестных Отцов, у очень многих вызывала неосознанное (трудно что-то осознать под воздействием поля башен) глухое раздражение, однако и перспектива неясных перемен не порождала неумной радости. Да, незримая длань Отцов давила, однако она же играла роль кровли, защищавшей от непогоды, пусть даже с кровли этой капало за шиворот и туда же падали иногда срывавшиеся с нее скользкие мокрицы. Взрыв телецентра смерчем сорвал эту крышу, но что будет дальше? Что прольется с неба над головой — тепло Мирового Света или струи ядовитого дождя? Конечно, мало кто из жителей столицы способен был мыслить такими философско-поэтическими категориями, но неопределенность будущего вызывала смутную тревогу у всех (и даже у тех, кто это будущее примерно себе представлял и пытался сделать его настоящим).

Растревоженный муравейник, думал Максим, наблюдая, как по встрепанным улицам перебегают редкие (большинство людей попрятались по домам, ошеломленные невиданной силы ударом депрессии) прохожие. Пришел большой дядя, ткнул палкой, сломал купол муравейника, и что теперь делать муравьям? Прятаться (а вдруг большой дядя придет снова и на это раз не порушит, а подожжет муравейник?) или дружно восстанавливать свое жилище по старой привычной архитектуре? А в роли большого дяди — я, и чувствую я себя не очень уютно, особенно после того ушата холодной воды, который вылил на меня Странник. Стоит исчезнуть липкой паутине отупляющего излучения, доказывал я, и все они тут же все поймут, воспрянут, сметут застенки, порвут оковы и так далее. И что же мы видим в городе? Ликующих толп, потрясающих воздух криками «Свобода! Свобода!», не наблюдается, и вряд ли можно ожидать появления этих толп. Практика сильно отличается от теории, тем более от теории восторженно-романтической, имеющей с реальностью очень мало общего. Нет, не зря Странник обозвал меня дураком и сопляком — прав он был, ой как прав...

Подобные мысли не способствовали уверенности в себе и в своих силах, и Максим постарался их задавить. Ничего, не боги горшки обжигают, сказал он себе, главное —

Центра больше нет, а люди — они еще просто не проснулись, не вышли из дремотного состояния, но они обязательно проснутся, и я им в этом помогу. А сейчас надо как можно быстрее сделать то, ради чего мы едем в город.

Бронированный транспортер с эмблемой Департамента специальных исследований с урчанием прокладывал себе дорогу — зачастую в буквальном смысле слова. Удар депрессионного поля оставил после себя хаос и мусор, в том числе множество брошенных автомобилей. Их приходилось то и дело объезжать, а иногда, поднатужившись, сдвигать с дороги к обочине — во многих случаях водителей разбитых и покалеченных машин и след простыл. Один из перекрестков оказался заблокирован опрокинувшимся автобусом, в который воткнулось еще несколько машин, и эту сюрреалистическую композицию из мятого металла и раскрошенного стекла пришлось объезжать по соседним улицам — для растаскивания такого завала понадобился бы бульдозер или мощный тягач. И, конечно, время, которое у Максима было в обрез.

Вепрь знал, где искать Мака Сима, и воспользовался своим знанием через полчаса после того, как Мак вернулся в институт. Тик Феску позвонил и сказал всего три слова «Нам нужно оружие», пояснив, куда это оружие требуется доставить. Мак сам вызвался взяться за это дело — дело было предельно конкретным, как раз таким, которое ему требовалось, и Сикорски, немного поколебавшись, согласился.

Дело оказалось рискованным. В отличие от гражданских лиц силы безопасности и легионеры не впали в растерянность, а быстро и слаженно взяли под контроль всю столицу. От задержания или от затяжной перестрелки с вполне предсказуемым исходом Максима и его группу спасла маркировка на борту транспортера — эмблему Департамента специальных исследований знали, и знали хорошо. Бронетранспортер, набитый ящиками с оружием и боеприпасами, трижды (и без всякого досмотра) миновал блок-посты, и Максим понял, что «институт» Странника являлся очень серьезной структурой, своего рода государством в государстве, что сотрудник Галактической безопасности Рудольф Сикорски за пять лет очень многое сумел сделать для спасения Саракша и что, не будь Странника, приключения Максима Каммерера на обитаемом острове, вероятнее всего, давно бы закончились.

До указанного места встречи они добрались без помех. Вепрь уже ждал, спокойный и невозмутимый, — как всегда. Такими же спокойными выглядели и его люди — немолодые, с жесткими лицами, и только по холодным взглядам Максим понял, что на самом деле эти люди представляют собой взведенные боевые пружины, готовые сработать в любую секунду.

— Спасибо, — просто и буднично сказал Вепрь, когда последний ящик был принят и унесен куда-то проходными дворами, — вы нам очень помогли, Мак. Сколько, по-вашему, должно еще пройти времени до наступления лучевого похмелья?

— Думаю... — начал Максим и не договорил: его прервало мяуканье коммуникатора.

— Мак, это Странник, — услышал он, нажав кнопку приема. — Где ты сейчас?

Максим объяснил, добавив, что оружие доставлено по назначению.

— Очень хорошо, — подвел итог Сикорски. — Тогда возвращайся, только осторожно.

— А что случилось? — спросил Максим, уловив в голосе Рудольфа что-то необычное.

— У нас тут визит вежливости непрощенных гостей. Департамент атакован. Думаю, мы с ними справимся, но ты постарайся разминуться с нашими визитерами, когда они поедут к себе домой после оказанного им теплого приема. Тут уже наш опознавательный знак тебе не поможет — наоборот, он привлечет к твоей машине нежелательное внимание.

— Я еду к вам, Рудольф! — выкрикнул Мак и отключился, не желая слушать очередные ценные указания, переходящие в нравоучения.

— Вам нужна помощь? — спокойно осведомился Вепрь. — Время у нас еще есть — мы не начнем активных действий, пока солдаты не утратят боеспособность, нас слишком мало. Арифметика — наука точная: десять стволов больше одного. А в нашем с вами случае — ваша группа плюс моя в сумме будут сильнее, чем любая из них поодиночке.

Максим не стал вдаваться в подробности прикладной математики — он молча кивнул.

Черный дым над комплексом института они заметили издалека, а вскоре услышали и треск частой пальбы, прерываемый тяжелыми вздохами взрывов. У стен Департамента (и за ними) шел настоящий бой, не хватало только дальнобойной артиллерии и танков высокой радиационной защиты. Максим передал управление машиной одному из «молодогвардейцев» Странника, а сам перелез в оружейную башенку и принял к визиру прицела спаренной автоматической пушки, ощущая нарастающую бойцовскую злость. И откуда это у меня, подумал он, память воинственных предков? Что по этому поводу говорит наука? Но вскоре ему стало не до отвлеченных рассуждений о природе генной памяти — по броне защелкали первые пули. Перед машиной встала стена ревущего пламени, транспортер дернулся и взвыл ушибленной собакой. Термический заряд, промелькнуло в сознании Мака, вот ведь пакость какая...

Массивные ворота Департамента были выбиты — похоже, направленным взрывом, — у догоравших остатков проходной, на ступеньках, лежал лицом вниз один из защитников, так и не выпустивший из рук автомат; рядом валялись двое в черных комбинезонах легионеров. Такие же черные тела виднелись вдоль всего основания стены, оказавшегося в поле зрения, — непрошеным гостям действительно оказали очень теплый прием.

Максим не знал, что Умник не смог бросить на Департамент всю охранную бригаду — личного авторитета господина бригадира Чачу хватило только на то, чтобы снять две роты с патрулирования улиц и послать их на штурм института. Остальные ротмистры продолжали выполнять никем не отмененный приказ командования, к тому же господам офицерам очень не хотелось связываться со Странником — с личностью загадочной, таинственной и даже, как поговаривали, всемогущей. Возможно, Чачу удалось бы их убедить, но на это требовалось время, которого у господина государственного прокурора уже не было. А двух рот Легиона и личных охранников Умника, как выяснилось уже в ходе атаки, оказалось недостаточно для осуществления авантюрного замысла загнанного в угол Прокурора.

Ничего этого Максим Каммерер не знал, зато он знал, что идет бой, в котором гибнут его товарищи и единомышленники, и что под угрозой дело, ради которого пролито столько крови и ради которого он, Максим, взорвал проклятье страны — Центр. И еще он знал, что в институте — Рада.

Прорваться во двор Департамента специальных исследований на броне не получилось — проем ворот загораживал сгоревший транспортер с едва различимым знаком Департамента юстиции на облизанном огнем борту. Тяжелая машина наполовину утонула в растопленном асфальте, как в трясине, и чем ее так приласкали, Мак не знал — похоже, его знания о саракшианской военной технике были далеко не полными.

Не дожидаясь команды и не спрашивая разрешения Максима, Вепрь с удивительной для однорукого ловкостью выскочил из заднего люка; за ним последовали его люди. И Мак понимал этих людей: они столько лет ждали возможности встретиться с врагами лицом к лицу, на равных, с оружием в руках, а не сидя на скамье подсудимых и не корчась от боли под лучевыми ударами, и теперь наконец-то получили такую возможность. Легионеров вне стен Департамента видно не было, но внутри каменной ограды стреляли, стреляли часто и безостановочно, и Максим махнул своим — вперед.

Бой уже затухал — Странник не ошибся, сказав Маку «думаю, мы с ними справимся». Яростные рукопашные схватки еще вспыхивали тут и там — в проходах между корпусами, на аллеях парка, у гаражей, — однако итог был уже ясен: легионеры проигрывали. Мак старался держать в фокусе всю картину боя, стараясь определить, где его появление будет нужнее всего, и мимоходом отметил, что «молодая гвардия» Странника не уступает по своей боевой подготовке — как стрелковой, так и рукопашной — лучшим солдатам Легиона. Сикорски знал что делал: отобранные им юноши и девушки не только были освобождены от отупляющего пресса государственной пропаганды, но и развивались физически — примерно по тем же комплексным методикам, что и молодежь Земли. Рудольф не планировал решить

дело одним ударом — он готовился, и готовился очень тщательно. И его «молодогвардейцам» помощь в бою не требовалась — они справлялись сами.

Максим бежал-скользил между деревьями, направляясь к главному корпусу института. Его вело туда труднообъяснимое чутье — спроси его кто-нибудь в этот момент, почему он бежит именно туда, он не смог бы ответить. По стволам изредка щелкали пули, но Максим о них не думал — он бежал, потому что знал: ему непременно нужно быть в холле главного корпуса, и чем скорее, тем лучше. И когда он добежал и влетел в холл, то столкнулся там нос к носу с темнолицым коренастым офицером с пистолетом в руке.

Они узнали друг друга мгновенно. В следующую секунду господин бригадир с очень похвальной быстротой выстрелил, но время уже замедлилось. Пуля ушла в потолок, расколов плафон, осыпавшийся вниз стеклянным дождем, а пистолет господина бригадира волчком завертелся на полу, по замысловатой траектории направляясь в дальний угол холла.

— Массаракш, — хрипло каркнул Чачу. — Проклятый выродок... Жаль, что тогда мне не хватило патрона...

Он болезненно морщился, прижимая к груди правую руку, вывихнутую Маком, он был уже не опасен и даже, как показалось Маку, жалок; и ненависть Мака уходила водой в песок, и тут вдруг в левой руке господина бригадира появилась граната.

Но господин бригадир не успел отщелкнуть кольцо — Максим выстрелил раньше.

А потом все кончилось. В холле появились люди, они уносили раненых и собирали оружие, и убитых они уносили тоже, и своих, и чужих, а Максим словно бы отключился: он наблюдал за собой со стороны и недоумевал, почему это Мак Сим стоит столбом, когда все вокруг заняты делом.

Из оцепенения его вывел Странник. Он появился непонятно откуда — вынырнул как из-под земли — и довольно ощутимо ткнул Максима в бок.

— Психика у вас, молодой человек, конечно, здоровая, однако запас ее прочности не безграничен. Я приказываю вам отдохнуть — немедленно. Вас проводят.

С этими словами он качнул своим лысым черепом в сторону лестницы, ведущей на второй этаж; Максим машинально проследил направление его взгляда, и...

На лестничной площадке стояла Рада — тоненькая, легкая, в темном платье, — стояла, прижав к груди руки и упершись кулачками в подбородок. Она стояла и смотрела на Мака, и в серых глазах ее тонула в слезах робкая улыбка.

Максим покачнулся и пошел к ней. Мир свернулся в кокон, и в коконе этом не было больше ни крови на полу, ни копоты на потолке, ни пулевых выбоин на стенах, ни стонущих раненых, ни мертвых тел, ни оружия, еще вонявшего смертью. И не было ни столицы страны еще не добытых Неизвестных Отцов, ни даже полумертвой планеты Саракаш — была только Рада и ее серые глаза, смеющиеся и плачущие одновременно...

А в проломленных воротах Департамента специальных исследований, в сожженном бронированном транспортёре, налетевшем на термическую мину-ловушку, догорал труп господина государственного прокурора, так и не узнавшего, чем же все-таки ушастый упырь Странник купил честного и прямодушного Мака Сима.

* * *

Рада лежала неподвижно. Лицо ее было восковым; она то едва слышно дышала, то затихала, и Максим холодел от мысли, что все, что ее больше нет. Какая гадость, говорил он себе, какая гадость. Бедняга Гай, солдат, тренированный крепкий парень, и тот очень тяжело переносил лучевое похмелье — Мак помнил, как это было, — а тут хрупкая девочка. Если она умрет, я никогда себе этого не прощу: если это цена свободы, я не готов платить такую цену.

Максим прижимал ей пальцами виски, чувствуя, как еле-еле, затихая, бьется у него под рукой тоненькая жилка, силясь протолкнуть засыпающую кровь, и держал девушку психо-массажем, настроившись на нее, переливая в себя ее боль и подпитывая Радку своей энергией.

Сумасшедший день, начавшийся со звонка господина государственного прокурора — как давно это было, прошла целая вечность, — и закончившийся перестрелкой в Департаменте, обернулся вечером, уже превращавшимся в глухую беспросветную ночь. Да, в беспросветную, потому что если Рада умрет... Максим стиснул зубы. Работай, приказал он себе, работай, массаракш, это тебе не под пулями скакать. Ты взялся спасти целую планету, так спаси для начала одного-единственного человека этой планеты, девушку, брата которой ты спасти не сумел. Если она умрет или повредится рассудком... Как там сказал Странник? «Ты знаешь, что это твое лучевое голодание в двадцати процентах случаев приводит к шизофрении?». А если Рада, моя маленькая Рада, как раз и попадет в эти проклятые двадцать процентов, массаракш-и-массаракш?

Он потерял счет времени, удерживая Раду, ускользавшую из его рук за ту грань, откуда не возвращаются, и не сразу заметил (а когда заметил, то не сразу поверил), что лицо ее порозовело, а дыхание наконец-то выровнялось. На Максима навалилась опустошающая чудовищная усталость, словно он голыми руками свернул шею тахоргу. Мак осторожно прилег рядом с Радой, взял ее за руку и уснул — мгновенно, как застреленный.

А проснулся он от ощущения тепла и света, хотя была глубокая ночь и темноту за окном разгоняли только отблески ламп наружного освещения. Максим чуть повернул голову и встретил мерцающий взгляд Рады: приподнявшись на локте, девушка смотрела на него, и глаза ее были глазами бездны, в которую нестерпимо хочется упасть, не спрашивая ни о чем. Он притянул к себе ее послушно прильнувшее к нему тоненькое тело и забыл обо всем, что происходило за пределами их ложа, их комнаты, за стенами Департамента и дальше, по всей встревоженной стране, до самого океана и до восточных гор, до северных границ с Хонти и Пандеей, до Голубой Змеи и до радиоактивных пустынь выжженного юга...

Раду он удержал, не дал ей соскользнуть в черное никуда и не позволил превратиться в полумразумное существо, блуждающее в сумерках сознания, но у Максима Каммерера была всего лишь одна пара рук, а в Стране Неизвестных Отцов (теперь уже в бывшей стране Отцов) страдали и мучались миллионы людей и каждый пятый из них был обречен на безумие.

...Выходящие из долгого ментального морока дорого платили за свое пробуждение. По улицам столицы бесцельно и бессмысленно бродили тысячи людей с потухшими взглядами; они падали и лежали неподвижно или, дергаясь в судорогах, вываливались из окон, гибли под колесами автомашин, на водительских местах которых сидели такие же, как они, плохо ориентирующиеся в перевернутом мире. Они кончали жизнь самоубийством или тихо умирали по закуткам и закоулкам — не было рядом с каждым из них своего Мака Сима, чтобы удержать и спасти. Психиатрические клиники были переполнены, страну захлестнула эпидемия шизофрении. А выродки у власти — им было не до своих безумных сограждан: выродки у власти делили власть.

* * *

— Народ, — стоявший на трибуне человек в добротном костюме театрально взмахнул рукой, — получил свободу! Тирания Неизвестных Отцов низложена, — человек переждал, пока стихнут положенные овации, — и власть перешла в руки Временного Совета. В истории нашей многострадальной державы открыта новая страница, на которой золотыми буквами будет вписано наше будущее!

Театр какой-то, подумал Максим. Слова, слова, красивые слова, но что скрывается за этими словами? Он знал человека, стоявшего на трибуне, — Тогу Говорун был ближайшим сподвижником небезызвестного Калу Мошенника, возглавлявшего фракцию вождистов до того, как Мошеннику удалось пролезть на официальный пост в Департаменте пропаганды (после чего Калу благополучно расстался с революционными идеалами). Говорун занял его место, стал лидером вождистов и теперь активно рвался к власти, не брезгуя ничем. Максим ничуть не сомневался в том, что вождисты возьмутся за оружие, если парламентские методы

борьбы не принесут им желаемого успеха — по сути своей эти люди нисколько не отличались от офицеров-заговорщиков, ставших в свое время Неизвестными Отцами.

— В настоящее время конституционная комиссия занята разработкой текста нашей новой Конституции, — продолжал оратор, явно наслаждаясь самим собой и своей ролью. — Во главе государства будет стоять Исполнитель Решений — Исполреш, — избираемый всеобщим тайным и прямым голосованием сроком... сроком на... ну, это мы еще обсудим. Главное — не может быть и речи о возврате ни к монархии времен Старой Империи, ни тем более к диктатуре наподобие диктатуры военных путчистов, неумных властолюбцев, именовавших себя Неизвестными Отцами! Страной должны управлять энергичные и грамотные люди, озабоченные ее процветанием и доказавшие свою состоятельность!

Состоятельность, мысленно усмехнулся Мак. В понимании вождистов — это от слова «состояние», выраженное в деньгах. Все повторяется — крайне правые взяли курс на блок с крупными финансистами: точно так же, как сделали когда-то путчисты. А энергичность для них тождественна неразборчивости: победителей не судят, цель оправдывает средства и так далее. И еще — вождисты с восторгом приняли бы известие о том, что башни снова работают, а они, правящая партия, получают доступ к пультам управления излучателей. Но это вряд ли — подобных людей и на пушечный выстрел нельзя подпускать к управлению психотронными генераторами (даже если допустить невероятное и предположить, что эти генераторы когда-нибудь снова будут включены). Во всяком случае, он, Максим Каммерер, сделает все от него зависящее, чтобы эти чертовы башни никогда больше не разинули свои незримые смрадные пасти, не говоря уже о том, чтобы какой-нибудь царь-король-исполреш получил бы возможность поиграть с их помощью с чужим сознанием. Однако с вождистами нельзя не считаться: они многочисленны, сильны и нахраписты — с ними не тягаться ни биологистам, для которых достаточно того, что излучения башен больше нет, ни аристократам, играющим в монархические бирюльки, ни пассивным либералам, ни горстке уцелевших коммунистов.

К удивлению Мака, крах диктатуры Отцов не сопровождался ни потоками крови, ни массовыми побоищами. А причина была простой: лучевое похмелье превратило армию, Легион и вообще всю сложную государственную машину в труху, в мякину, в аморфную массу еле передвигавшихся людей, не способных не только на активные самостоятельные действия, но даже на выполнение простейших приказов. В полусонной стране бодрствовали только немногочисленные выродки, причем в выигрышном положении оказались Вепрь и его люди, знавшие, что произойдет. Бывшие Неизвестные Отцы, перестав быть спаянной правящей группировкой и единым целым, рассыпались высохшим песком и вцепились друг другу в глотки (по примеру покойного Умника, решившего быть умнее всех), опираясь на свои личные дружины выродков-приближенных. На улицах сталкивались вооруженные группы, косили друг друга свинцом, подрывали машины, а люди (в том числе армейцы и легионеры) равнодушно смотрели на все происходящее, даже не пытаясь вмешиваться, — большинству из них хотелось просто лечь и умереть, чтобы избавиться от ноющей головной боли и слабости, превращающей тело в студень. В этой беспорядочной грызне скорпионов, высланных из их бронированной банки, шансов не было почти ни у кого — за исключением бывших подпольщиков и, конечно, Странника.

Сикорски действовал рассчитано и жестко. Первым делом его «молодогвардейцы», накачанные стимуляторами, помогавшими им справиться с синдромом лучевого голодания, взяли под контроль все передвижные излучатели и вывели из строя те, которые не удалось перегнать своим ходом или отбуксировать в институт. Это было сделано своевременно: кто-то из бывших правителей страны догадался попробовать восстановить боеспособность армии и полиции сеансами излучения, однако исправных излучателей под рукой у догадливых уже не было. Отчаянная попытка небольшой вооруженной банды прорваться к институтским гаражам была легко отражена — атакующим не удалось даже перелезть через стены. Почти все нападавшие полегли под плотным пулеметным огнем из бойниц периметра, немногие уцелевшие торопливо отступили. А «молодая гвардия» Странника захватила ключевые точки

города, в том числе и все средства массовой информации: в отличие от Максима Каммерера Рудольф Сикорски знал, что и как надо делать.

В беспощадных стычках между собой (и с шедшими за ними по пятам вырожденками-подпольщиками, имевшими все основания жаждать встречи с низвергнутыми властителями) погибли практически все «девери», «шурины», «свекры» и прочие «родственники», а сам Папа получил пулю снайпера на выезде из города, пытаясь удрать с горсткой приспешников. Власть Неизвестных Отцов рухнула в одночасье, погребенная под руинами Центра, — такого Отцы никак не ожидали, и все их заранее разработанные планы действий на случай острой ситуации рассыпались карточным домиком.

С разношерстными деятелями подполья удалось найти компромисс (несмотря на то, что Вепрь жаждал крови, непременно желая свернуть шею наиболее одиозным вождистам). В итоге, когда страна начала выходить из оцепенения, вся полнота власти была в руках так называемого Временного Совета, собранного на компромиссной основе «с бору по сосенке». Высказывались опасения, что какой-нибудь решительный военный чин, оклемавшись, тут же разгонит этот Совет танками, однако этого не случилось. И Максим знал, что стало тому причиной: все тот же Странник.

Странник, глава контрразведки и Департамента специальных исследований, научного института, очень сильно напоминавшего центр по подготовке элитных бойцов, был широко известен среди военных и ассоциировался с прежней властью, которой большинство из них в целом были довольны. Фигуру Странника окружал мистический ореол, и многие армейцы и легионеры, узнав о том, что в новорожденном Временном Совете он занимает неясный пост «советника по особым делам», пришли к выводу, что Странник фактически стал диктатором (его бойцов называли Молодой Гвардией по аналогии с Легионом — Боевой Гвардией Отцов) и что Временный Совет — это всего только ширма. А почему бы и нет, рассудили военные. Решительный человек, железная рука, броня и секира нации... В конце концов, пусть лучше будет один стальной диктатор, чем свора правителей, озабоченных вырыванием друг у друга жирных кусков и загнавших державу в глубокую задницу, где она сейчас и пребывает. И вооруженные силы, силы охраны правопорядка и даже тайная полиция — Департамент общественного здоровья — присягнули Временному Совету, демонстрируя лояльность новой власти, а точнее — Страннику. Сам же Странник воздерживался от публичных выступлений и хранил молчание, не подтверждая и не опровергая слухи о своем «теновом диктаторстве», — сложившееся положение вещей вполне устраивало Рудольфа Сикорски.

Он присутствовал на всех заседаниях Совета, проходивших в Большом зале бывшего императорского дворца, внимательно слушал всех выступавших, глядя на них холодными зелеными глазами, и молчал. Странник даже не подумал выдвинуть свою кандидатуру на пост Исполреша — ему это было попросту не нужно. Рудольф Сикорски делал свое дело — помогал новорожденной республике сделать первые робкие шаги, а заодно не заболеть чем-нибудь трудноизлечимым — например, синдромом «охоты на ведьм», сопровождаемым как обычно кровью.

* * *

— Я думал, все будет по-другому, — Максим с отвращением отодвинул на край стола грудку бумаг (глаза б мои на них не глядели!). — Сплошная болтовня, мнения-прения, а дела — настоящего дела — не видно.

— А чего ты, собственно, ожидал, если отбросить фантастические гипотезы о толпах угнетенных, радостно рвущих цепи в восторге прозрения? — осведомился Рудольф. — Люди — это материя тонкая, они изменяются медленно, шаг за шагом, и слишком часто бывает так, что на один шаг вперед приходится два шага назад. Ты надеялся сделать саракшиан настоящими людьми вот так сразу, одним махом?

— Я надеялся на вырожденков. Да, они разномастные, но ведь они все были противниками

режима! Башен больше нет, их уже не мучает боль, их не преследуют, на них не охотятся, как на загнанных зверей, почему же тогда они ведут себя так пассивно?

— Если бы дело было только в башнях как таковых, тебе, как разрушителю Центра, можно было бы поставить золотой памятник в натуральную величину на главной площади столицы. А насчет вырождков... Ты никогда не задавал себе простой такой вопрос: а почему выродки за столько лет не были истреблены все до единого? При их уязвимости к излучению и полном бессилии под лучевым ударом технически это вполне осуществимо. Они никуда не могут спрятаться, им некуда бежать, и защиты от излучения не существует. Одна облава, вторая, пятая, десятая, и все — нет больше вырождков, они отсеяны, отправлены в лагеря, расстреляны. А дальше — процедура проверки реакции на излучение делается обязательной, и ни один новорожденный вырождок даже не выползет из колыбели.

— Но ведь сами Неизвестные Отцы тоже были вырождками, — возразил Максим, — им, как и любым смертным существам, нужна смена.

— Верно. Но подконтрольные дети элиты, которых заранее готовят к их будущей роли, не представляют собой угрозы режиму — ведь это их режим, они плоть от его плоти, и они пользуются всеми мыслимыми благами, предоставляемыми им этим режимом. А как быть с вырождками-аутсайдерами?

Максим молчал.

— Я объясню. Среди вырождков нет противников режима, точнее, они есть, но число их ничтожно — Тик Феску, Генерал, Аллу Зеф, покойный Гэл Кетшеф. Сама по себе особенность организма обитателя Саракша, делающая его болезненно восприимчивым к психотронному излучению, отнюдь не делает из него убежденного противника диктаторского режима и борца с диктатурой. И большинство вырождков, в том числе и среди подпольщиков, все эти годы спали и видели, как бы им попасть в ряды элиты, раз уж они от рождения обладают способностью критически мыслить и не теряют эту способность, когда все остальные млеют от наведенного экстаза. Больно? Ну что ж, за право властвовать приходится платить. А вот когда больно, а власти нет, это уже нестерпимо. И все-таки они терпели, надеясь на лучшее.

Легальные выродки, вспомнил Максим, да, были ведь и такие. Тогда, во время моей первой и последней операции в рядах Легиона, вместе с группой Кетшефа мы взяли одного домовладельца, как бишь его, Рене Ноладу. Или Ноле Ренаду? Не помню имя, но помню, что он был вырождком. И еще там был какой-то вырождок-уголовник, которого потом забрал к себе человек в штатском. Да, не все выродки были подпольщиками...

— Но они не просто терпели, — продолжал Сикорски, — они еще и всячески старались выбиться наверх. И они продавали и предавали — легко плыть по течению. Выродки-аутсайдеры — это резерв вырождков-властителей, из которого отбирались наиболее мерзкие экземпляры, как нельзя лучше подходившие для пополнения так называемой элиты. А кроме того, вырождков держали специально, в качестве громоотвода. Несмотря на правильные речи с трибун, несмотря на радио, телевидение, газеты, рекламу, несмотря даже на излучение башен, копилось и копилось в людях раздражение и требовало выхода — реальность не заменить миражами, и никакие башни не убедят голодного в том, что он сыт. И тут как нельзя кстати — выродки. Вот они, враги, вот они, во всем виноватые, ату их! Голодной и обманутой толпе бросали кусочек мяса, и люди немного успокаивались — до следующего раза. Вот по этим причинам выродки и жили, а кое-кто из них жил очень даже неплохо. И если бы вырождков не было, их непременно бы придумали.

Свинство, подумал Мак, свинство непролазное. Грязь и подлость...

— Все это подполье, — Рудольф устало потер высокий лоб, — один большой балаган, театр кукол. Революционные романтики и фанатики-одиночки гибли, взрывая башни, их «злодеяния» показывали потом обывателям по телевидению во всех подробностях — тебе ли об этом не знать, — а подавляющее большинство подполья состояло из людей-марионеток, дергавшихся на ниточках в руках режиссеров-постановщиков. И выродки из подполья тоже выходили в элиту, как например Калу Мошенник, предшественник Тогу Говоруна. Оратор и

пламенный трибун, борец против тирании, за свободу и счастье для всех и каждого быстро сменил амплуа, оказавшись при Отцах в Департаменте пропаганды, и демонстрирует свой яркий талант на другом поприще. Вернее, демонстрировал — до него добрался Вепрь, и я не стал мешать Тику Феску поговорить с Мошенником по душам. Так что зря ты надеялся на высокие нравственные качества подпольщиков, Максим, и на то, что они безоговорочно тебя поддержат. Они себе на уме и посторонних советчиков-доброхотов не только не приемлют, но и считают их врагами, мешающими делать то, что они считают правильным. А массы... Не будет никакой вспышки праведной ярости обманутых и прозревших народных масс — думаю, ты в этом уже убедился. Диктатура Неизвестных Отцов была по-своему совершенна — совершенна в своем уродстве, бывает и такое. А теперь ее нет, и люди растеряны: они не знают, что их ждет и не придется ли им горько пожалеть о том, что Неизвестных Отцов, заботливых и мудрых, больше нет. Они карали? Да, карали, но они и заботились о своем народе, ночей не спали, можно сказать. Все познается в сравнении, Мак.

Ирония, прозвучавшая в последних словах Рудольфа, не соответствовала мрачному выражению его лица, и Максим не мог понять, шутит Сикорски или говорит серьезно.

— Так что же мне делать?

— На недостаток дел и забот нам с тобой, Мак, жаловаться не придется. Мы займемся упорядочиванием — кстати, придумал я, как будет называться твоя должность во Временном Совете, надо будет провести это предложение на ближайшем заседании. За наши северные границы можно не беспокоиться: я связывался с прогрессорами, работающими в Хонти, и развитие ситуации в неблагоприятном для нас направлении заторможено — пока заторможено, а что будет через месяц, сказать трудно. И есть еще экзотическая Пандея, от которой можно ожидать чего угодно, есть Дикий Юг и есть Островная Империя с ее белыми субмаринами. Но сегодня мы имеем возможность сосредоточиться на внутренних проблемах страны — проблем этих по горло.

— Инфляция...

— Что там инфляция — экономика вообще, больная экономика, требующая лечения. Это будет посложнее, чем стрелять и взрывать, хотя стрелять, полагаю, нам еще придется. В стране растет преступность — неизбежное следствие развала карательного аппарата Отцов и отсутствия дееспособной центральной власти. Так всегда бывает в смутные времена, было такое и на Земле. Спекулянты наглеют, а люди голодают — дело может дойти до голодных бунтов. Запасы зерна пока еще есть, нужно только сделать так, чтобы они дошли до людей, а не обогатили кучку беспринципных дельцов, готовых на все ради выгоды.

Выгода, подумал Максим. Неужели какая-то там выгода, да еще выраженная в каких-то там деньгах, может быть ценнее человеческих жизней? Ерунда какая-то...

— Тебе трудно это понять, — Сикорски словно прочел его мысли, — но в этом диком мире слово «выгода» — очень весомое слово, и даже ядерная война, опустошившая половину континента, началась из-за выгоды. Выгода — или, точнее говоря, прибыль, — это основа всей саракшианской экономики, это ее основной принцип. Экономика лежит в основе общества, а монархия, диктатура, республика — это формы правления, которые вторичны по отношению к экономике. На Земле экономика — это естественная социальная основа, которая существует для людей, а здесь, на Саракше, наоборот — люди для экономики. Саракшиане — топливо, пища для своей экономики, и по-другому здесь быть не может. Обитатели Саракша не могут себе представить экономику земного типа, и мы с тобой не можем это изменить в одночасье. История неспешна — ее не пришпорить и не погнать вскачь без применения форсированных методов, чреватых непредсказуемыми последствиями. Мы, земляне, можем только попытаться сделать местную экономику менее человекопожирающей и постараться, чтобы она перестала порождать уродливые формы правления. Прогрессоры — не боги, они не всемогущи. Мы не можем легко и просто изменить человеческую природу — это тебе не электронную схему перенастроить. Хотя...

Просветители, подумал Максим. Подпольщики-просветители — честные, искренние и очень неглупые люди. Просветители считали башни мощным средством воспитания народа.

Современный человек по натуре — дикарь и зверь, говорили они, и воспитывать его шаг за шагом, классическими методами — на это уйдут тысячелетия. Причем на пути к будущему обязательно будут срывы и откаты к прошлому — восхождение к вершине дается с трудом, а падение не требует никаких усилий: расслабился — и падай вниз, наслаждаясь свистом ветра в ушах. А с помощью башен за время жизни одного поколения можно выжечь в человеке зверя, можно научить его добру, любви к ближнему, можно привить ему неприятие лжи и жестокости и стойкое нежелание жить жизнью одноклеточного создания, озабоченного лишь удовлетворением первичных примитивных инстинктов, не требующих включения разума.

— Вы имеете в виду излучатели? — спросил он напрямик.

— Излучатели? — в глазах Странника мелькнул огонек, промелькнул — и тут же погас. — Излучателями интересуются многие. Тайны излучения не существует, засекречены только технические детали. Излучатели обслуживались тысячами людей — операторами, техниками-ремонтниками, монтажниками, — и наивно полагать, что все эти люди даже не догадывались о том, для чего предназначены эти установки. Есть такая поговорка «Шила в мешке не утаишь», и она вполне применима к психотронным генераторам. Эти машины были созданы гениальными людьми, вот только, как это часто бывает, создатели генераторов почему-то не предвидели, как и для чего будет использовано их изобретение. А может быть, они это и предвидели, но все равно работали, работали как одержимые, стараясь добиться успеха во что бы то ни стало. Парадоксы мышления ученых умов — у нас на Земле великий Эйнштейн приложил немало сил для создания атомной бомбы, а потом с неменьшей энергией боролся за полное запрещение ядерного оружия. Но такие открытия не закрываются — выпущенных из бутылок джиннов обратно уже не загнать. Излучатели на Саракше существуют, от этого никуда не денешься, и обязательно найдутся люди, желающие их применить. Ты думаешь, Умник бросил любезного тебе Чачу на институт только для того, чтобы выпустить мне кишки? Как бы не так! Нет, эта гуманистическая идея сидела, конечно, в воспаленном мозгу господина государственного прокурора, но его интересовал еще и мой технический комплекс обслуживания передвижных излучателей — уж кто-кто, а Умник-то знал, что это за штуки такие и на что они способны. Так что психотронные излучатели на Саракше, думаю, снова будут применены, вопрос только в том, кем и с какими целями.

— Никто и никогда, — медленно произнес Максим Каммерер, — не включит здесь снова эти дьявольские агрегаты. Никто и никогда, слышите? Я не для того взрывал Центр, чтобы... Так что — никто и никогда, Рудольф.

— Как знать, — спокойно ответил Странник, и в глазах его снова мелькнул загадочный огонек.

Максим не стал продолжать спор — на эту тему ему не хотелось даже говорить. Он опустил голову, несколько раз глубоко вздохнул, смирив кровь, гулко ударившую в виски, и спросил тоном дисциплинированного подчиненного:

— Так что вы там говорили о спекулянтах, Рудольф?

Глава 2

ЭТО СЛАДКОЕ СЛОВО СВОБОДА

Какой интересный, нет, своеобразный экземпляр, думал Максим, рассматривая сидящего перед ним человека (или человечка?). Вот уж действительно внешность бывает обманчива...

Человек, смирно сидевший на жестком стуле перед Максимом Каммерером (Маком Симом, полномочным представителем Временного Совета по упорядочиванию), выглядел предельно безобидным. Пухленький, кругленький, с веснушчатым лицом и курносый носом, человек этот был похож на добренького гнома, вышедшего на пенсию и по этому поводу сбросившего бороду, положенную по штату всем гномам. С волосатым покровом у человечка вообще было негусто: его лысый череп украшала редкая белесая поросль, жиденькие брови казались выщипанными, а на верхней губе сиротливо торчало всего несколько тонких

щетинок. Глаза его, скупой отороченные бесцветными ресничками, выражали оскорбленную невинность, и требовалась немалая наблюдательность, чтобы разглядеть в этих маленьких беспокойных глазках тлеющий огонек затаенной злобы: на первый (и даже на второй) взгляд человек этот являл собой жертву произвола, и наручники на его запястьях казались чьей-то глупой шуткой. Человека звали Тихоня Прешт, и это имя полностью соответствовало его внешности и манере держаться — как есть тихоня, и непонятно даже, за что с ним так сурово обошлись.

Тихоня Прешт был королем спекулянтов и одной из видных фигур преступного мира, оживившегося и бурно пошедшего в рост в хаосе, упавшем на Страну Отцов. Легальный выродок, при Неизвестных Отцах сидевший (в полном соответствии со своим прозвищем) тише воды ниже травы, Тихоня Прешт, как только онемели башни, тут же решил, что время его пришло. Добренький гномик обладал изворотливым умом и дьявольской энергией: он в считанные недели умудрился сколотить себе целое состояние, спекулируя тем, что стало одной из самых основных ценностей — продуктами питания. Размах операций «синдиката» Тихони поражал: целые эшелоны с зерном бесследно растворялись в воздухе, и никто не мог найти никаких концов — был эшелон, и нет его, исчез.

Максим с помощниками из числа ближайших соратников Вепря гонялся за Тихоней месяц — «король спекулянтов» имел звериное чутье и угрем выскальзывал из рук. Взяли его почти случайно, в заброшенном загородном доме в предместьях столицы. Внутри этот домик являл собой уютное гнездышко, набитое ценностями и всевозможными продуктами (вплоть до консервов стратегического запаса с военных складов, хранившихся там еще с имперских времен). Логово Прешта пришлось брать штурмом: Тихоню и его пышнотелых красоток с глазами безмозглых овец охраняли тупоголовые бугаи, промышлявшие раньше уличными грабежами и умевшие обращаться и с самодельными кастетами, и с армейскими автоматами.

Максим взял Тихоню лично. Вскарabкавшись по стене, он выбил ладонями окно, свернул шею трем телохранителям «короля», кинувшимся на него, и чудом избежал отравленной иглы, пущенной в него Тихоней из карманной «плевательницы». Мака спасло его умение ускоряться — Прешт не ожидал появления призрачной фигуры, перемещавшейся по комнатам со скоростью ветра. «Король» промахнулся — шестисантиметровая оперенная стальная игла впиалась в дверной косяк, оставив на нем желтую каплю яда, — а в следующую секунду, получив отключающий удар, он уже уплыл в блаженное бессознательное состояние.

Максим привез Прешта в Департамент и доложил Сикорски, полагая, что на этом его общение с добреньким гномом и закончится, однако Странник, скупой похвалив прогрессора-практиканта, как он называл Мака, поручил ему снять с Тихони предварительный допрос: мол, это тебе в будущем пригодится, раз уж ты решил, что твое место здесь, на Саракше.

Многочасовая беседа с Тихоней Прештом до предела утомила Каммерера. Допрашивая «короля», он чувствовал все более усиливавшуюся гадливость и пару раз поймал себя на том, что мечтает принять ионный душ или хотя бы хорошенько вымыть руки. В столице и по всей стране то и дело вспыхивали голодные бунты, люди убивали друг друга за корку хлеба, а «король спекулянтов» в ответ на вопросы Мака «Неужели вы не понимали, что делали? Вам не жалко было женщин и детей, умиравших с голоду?» только моргал своим пороссячими глазками, пряча прыгавшие в них злобные искорки, и монотонно бормотал «Не понимаю я, ваше превосходительство... Торговля — она того, требует... Какие дети, ваше превосходительство? И в мыслях не имел злодейского умысла — торговля, ничего крамольного...».

Никаких сообщников, связей и тому подобного Тихоня не назвал, хорошо понимая, что организованность преступной деятельности отягощает вину, и упорно стоял на своем «торговля — она того, требует», бормоча эту мантру с иступленностью пандейского дервиша. А связи среди старой администрации, вроде бы заявившей о своей лояльности, и новой, составленной из разнокалиберных деятелей бывшего подполья, Тихоня имел, причем широчайшие. Без этих связей — на самом верху! — невозможно было бы проворачивать аферы такого масштаба, какие проворачивал Прешт: не получил бы вчерашний легальный

выродок доступа ни к складам продовольствия, ни к распределителям, ни к транспортной сети. Эти связи очень интересовали Максима, и полномочный представитель Временного Совета по упорядочиванию сдерживал не раз вспыхивавшее у него желание взять этого добренького гномика за кадык и раздавить, как клопа. Что за люди, думал он, что за люди? Да полноте, люди это или хищные пандорские обезьяны, каким-то хитрым образом переселившиеся на Саракш? Неудивительно, что эти люди довели свою планету до состояния радиоактивного могильника...

От вспышки неконтролируемого бешенства Мака спас Сикорски, появившийся как раз в тот момент, когда полномочный представитель Временного Совета по упорядочиванию уже примеривался, как бы ему половчее придушить Тихоню. Странник появился в кабинете Мака, прижег мгновенно съездившегося Прешта взглядом — Тихоня стал похож на ящерицу, пытающуюся прикинуться сухой веточкой, — и спросил коротко:

— Ну, как?

— Никак, — уныло признался Максим, опуская глаза.

— Ничего страшного, — резюмировал Рудольф. — Подвергнем его, — он кивнул сторону притихшего Тихони, — ментоскопии и узнаем все, что нужно. А потом — расстреляем, выродков и без него предостаточно.

В глазах Прешта плеснул ужас. «Король спекулянтов» задергался на стуле, но тут по знаку Сикорски два охранника вывели Тихоню, не дав ему закатить истерику с воплями о пощаде и уверениями в собственной невинности.

Ментоскопия, подумал Максим. Ну да, конечно, я мог бы и догадаться...

— Рудольф, зачем вы устроили эту комедию? — спросил он, как только за Тихоней и его конвоем закрылась дверь.

— Комедию? В ходе любых революций — например, Великой французской, — власти всегда боролись со спекулянтами. Во время революционных преобразований спекулянты продовольствием переходят из разряда просто паразитов, существование которых хоть и неприятно, но еще терпимо, в разряд саботажников, существование которых уже нетерпимо, так как чревато серьезнейшими последствиями и даже поражением самой революции. Так что это уже не комедия, а трагедия.

— Я не об этом, это-то я понимаю. Но зачем надо было заставлять меня тратить кучу времени на этого слизняка, когда можно было сразу же прибегнуть к ментоскопии?

— А затем, — очень серьезно ответил Странник, — чтобы ты понял, с кем ты будешь иметь дело. Ты доброволец, специальной прогрессорской подготовки у тебя никакой, а тебе придется общаться с экземплярами и похлеще. Здесь не Земля, Максим, здесь Саракш, и эти люди — они еще только полуфабрикат будущего человечества, и не факт, что местное человечество это не умрет на взлете, перегруженное балластом, который оно тянет за собой. Однако не волнуйся, — он усмехнулся, — я не буду уподобляться одному приснопамятному ротмистру и заставлять тебя лично приводить в исполнение приговор, который вынесет Тихоне Прешту революционный трибунал.

— Знаете, — сказал Максим, — мне хочется его пристрелить.

Странник промолчал, только внимательно — очень внимательно — посмотрел на Мака.

* * *

Когда в детстве Максим впервые услышал слово «инфляция», он, еще не понимая, что оно означает, представил себе инфляцию чем-то вроде членистоногой сухощавой гусеницы, с тихим шелестом ползущей по прелым листьям. А когда он узнал, что по-английски «inflation» — это «надувание», его умозрительная гусеница обзавелась пухлым раздутым брюшком и выпученными глазами, готовыми вот-вот вывалиться и покатиться по земле. Когда же Максим добрался до истории экономики, которую они изучали в школах наряду со многими другими научными дисциплинами, то с удивлением понял, что его детская фантазия оказалась очень точной: «гусеница» по имени «инфляция» оказалась очень

прожорливой.

Впрочем, особого интереса к истории вообще и к истории экономики в частности он никогда не испытывал, и потому его знания в этой области остались весьма поверхностными — достаточный минимум для сдачи экзаменов, и не более того. Однако гусеницу — гусеницу с непомерным аппетитом — Максим запомнил, как запоминают забавную детскую игрушку. И ему, конечно, и в голову не могло прийти, что когда-нибудь он встретится с этой гусеницей на узкой тропе.

Для землян двадцать второго века экономика была наукой крайне неконкретной (чем-то вроде астрологии), и раритетные толстые бумажные тома, и кристаллографические копии, наполненные пространными рассуждениями и замысловатыми формулами, представляли интерес только для узких специалистов. Для землян середины двадцать второго века все было очень просто: объединенный социум планеты обеспечивает каждого своего члена всем необходимым, и понятия «товар», «инвестиции», «заработная плата» и «норма прибыли» стали архаичными — такими же, как охотничьи заклинания пещерных людей. Зачем так сложно? На Земле все гораздо проще и рациональнее. Есть практически неограниченные источники энергии, есть биосинтезаторы и синтезаторы материальных объектов с заданными свойствами, так что древнее искусство торговли, естественно, утратило свой смысл. И мало кто вспоминал, что совсем еще несколько веков назад на Земле все было по-другому...

Изучение экономики Саракша Максим начал практически с нуля, используя местные учебники. Многое сначала было ему непонятно, как специалисту по нуль-транспортировке непонятна схема на радиолампах, но вскоре привычка решать сложные логические задачи позволила разобраться в экономическом механизме обитаемого острова, варварском в своей законченности и законченном в своем варварстве. Эта экономика была по-своему совершенной, как совершенной бывает конструкция, многократно модернизированная и доведенная до предела возможностей, заложенных в изначальный проект. Дальнейшая ее модернизация невозможна, конструкцию пора менять на принципиально новую, однако она все еще работоспособна и движется, дымя, рассыпая искры и шипя вырывающимся паром. И главное — люди, создатели и операторы этой машины. Они нисколько не заинтересованы в замене древнего парового котла на новейший атомный — они привыкли главенствовать и подавать команды кочегарам, кидающим уголь в ненасытные утробы топок: зачем им нужен автоматизированный ядерный реактор, обеспечивающий всех морем энергии и стирающий статусную разницу, сложившуюся с незапамятных времен? Нет, подумал Мак, от реактора они бы тоже не отказались, но при условии, что вся вырабатываемая энергия оставалась бы под их жестким контролем и только они решали бы, кому и сколько этой энергии дать или не дать.

Да, сказал он себе, жители Саракша. Человек Земли — это часть могучего социума, в котором каждая личность вправе рассчитывать на любую помощь со стороны всего человечества, если таковая понадобится. И люди Земли получают эту помощь — разве может быть по-другому? И одновременно — любой человек Земли без всяких колебаний пожертвует всем своим личным — очень многим, вплоть до самой жизни, — если это будет необходимо Земле. Я в этом уверен...

А саракшиане, за редким исключением, — они другие. На них все еще давит память темных веков, наполненных борьбой за выживание, и память эта уродует их похлеще любой радиации. Каждый житель Земли знает, что всегда может заказать и получить все, что ему потребуется, и ни одному землянину и в голову не придет заваливать лужайку возле своего жилища грудami еды и охапками одежды «про запас» или выстраивать вокруг своего дома стадо глайдеров (Максим даже улыбнулся, мысленно представив себе такую картину). И не нужно человеку Земли декорировать свой дом редкими драгоценными камнями-кристаллами с далеких планет. Зачем? Техника, украшенная таким дикарским способом, не будет лучше работать — это понятно и ребенку. Эстетика по сути прагматична и функциональна, а все изыски — сфере искусства.

Они другие, вот в чем штука. Для людей Земли экономика не предполагает

возможности бесконтрольно пользоваться результатами чужого труда исключительно по собственному усмотрению и в собственных интересах, ни аляповатых статусных символов, демонстрирующих некие заслуги их носителя. А саракшианам, лишенным внутренних этических тормозов, требуется искусственный ограничитель, в то же время являющийся хоть каким-то мерилom социальной ценности любого члена общества. Те же деньги.

Саму по себе идею денег Максим нашел вполне разумной. И в самом деле, если уж развивается активный товарообмен между племенами и народами, то необходима некая условная единица обмена, удобная и компактная, — не менять же зерно на шкуры или топоры на глиняные горшки, пытаясь в каждом отдельном случае сравнивать ценность этих товаров. Деньги ускорили технический прогресс, они стимулировали развитие науки, они взорвали буржуазными революциями угрюмые феодальные замки с их пыточными подземельями и безвкусной роскошью, созданной на поте, слезах и крови миллионов людей. И сумма денег, которой располагал тот или иной человек, определяла количество тех благ, на которые он мог претендовать, а заодно и его социальную значимость.

Однако с развитием и усложнением товарно-денежных отношений, как очень скоро заметил Максим Каммерер, все ярче проявлялись негативные тенденции, заложенные в самом принципе «деньги как единое мерило всех ценностей». Во-первых, не имело никакого значения, каким именно способом человек становился обладателем той или иной денежной суммы: деньги, заработанные честным трудом, на вкус и цвет нисколько не отличались от денег, украденных или награбленных. А во-вторых — деньги начали жить сами по себе, размножаясь, как серая радиоактивная плесень в лесах за Голубой Змеей. Сложился и окреп слой финансовых воротил, промышленлявших узаконенным грабежом — ростовщичеством, и эти люди, как понял Мак, стали претендовать на верховную власть, медленно, но неотвратимо подминая под себя государственные структуры. А банки из обыкновенных аккумуляторов денег превратились в множительные агрегаты, делающие деньги из денег, не добавляя при этом в сферу реального производства ровным счетом ничего; общее количество денег росло и росло, все больше и больше превышая реальную стоимость всего произведенного и производимого человеческим трудом, и тогда из распухающей кучи бумажных банкнот, акций и облигаций выползла толстая и мохнатая гусеница по имени «инфляция» и начала пожирать все, до чего могла дотянуться. И гусеницу эту было не взять ни пулей, ни гранатой, ни даже термическим зарядом...

Несправедливость узаконенного грабежа бросалась в глаза. Не надо было даже особо и присматриваться — как это так и почему это я должен отдать соседу два куска хлеба, если я брал у него в долг один кусок? Военный путч, организованный будущими Неизвестными Отцами, преследовал, ко всему прочему, и еще одну важную цель: ограничить непомерные аппетиты финансистов и четко разделить «сферы влияния»: банкирам — банковать, кесарям — править. И Неизвестные Отцы, опираясь на башни, сумели установить если не социальный мир, то хотя бы социальное перемирие.

Хорошо, сказал себе Максим, Отцов больше нет, башни молчат. А экономика? Она осталась, хотя работоспособной ее можно назвать с очень большой натяжкой. Что мы будем с ней делать? Он вспомнил, как предложил Страннику демонтировать всю экономическую систему страны и заменить ее централизованной системой распределения наподобие земной. «Почитай специальную литературу, — сказал Сикорски, — а главное — подумай, хорошенько подумай. Хватит с нас твоих лихих кавалерийских атак». Максим почитал, подумал и очень скоро понял, что Рудольф прав: земная система на Саракше работать не будет по одной простой причине: люди. Максим видел депутатов Временного Совета, яростно дравшихся за предоставляемые им привилегии, видел чиновников старой администрации, деревянных людей с оловянными глазами, в которых живой огонек появлялся только тогда, когда эти люди чуяли личную выгоду, и с пронзительной ясностью осознал, что его благая идея обернется на саракшианской почве чистой воды утопией, причем утопией с очень неприятными последствиями для страны, да и для всей планеты. Максим понял, что любой местный чиновник, допущенный к системе распределения, в

первую очередь будет думать только о себе и заботиться только о том, чтобы лично ему перепало из общего котла как можно больше. А до рядовых граждан дойдут только жалкие крохи, потому что неограниченные, гипертрофированные потребности саракшиан не сможет удовлетворить даже вся мощь науки и техники Земли, не говоря уже о дышащей на ладан хиленькой и коллапсирующей экономике бывшей страны Неизвестных Отцов.

Все дело в людях Саракша, подумал Максим, они еще не готовы к коммунизму. Эти люди — они еще только полуфабрикат будущего человечества, как сказал Странник. Неужели правы просветители, считающие современного человека диким зверем, недалеко ушедшим от своих лохматых пещерных предков? Но если просветители правы в этом, то, может быть, они правы и в том, что для форсированного воспитания Человека Настоящего можно — и не только можно, но и нужно! — применить психотронные излучатели? Логично? Нет, сказал он себе, не хочу я такой логики и не хочу излучателей — нет, нет, и нет, массаракш! Никаких излучателей — точка.

Значит, остается только предложение Тогу Говоруна. Предприятия и банки остаются в руках частных собственников, а государство лишь в той или иной степени контролирует частный сектор экономики. При существующем порядке вещей и при нравственном уровне подавляющего числа саракшиан такое решение представляется оптимальным. Капитанами экономики должны быть энергичные и грамотные люди, озабоченные процветанием страны и доказавшие свою состоятельность, — так, кажется? Свободная конкуренция, соревнование, и в итоге наверх выберутся лучшие из лучших, достойные из достойнейших. И все бы хорошо, подумал Каммерер, да вот только что-то не очень верится мне в эту идилию...

* * *

Аллу Зеф был сумрачен и выглядел нехорошо. Он осунулся, сгорбился, и рыжая его борода увяла и даже как-то поблекла. А в глазах Зефа, в которых всегда светились ирония и ум, поселилась какая-то глухая тоска — Максим это сразу заметил. Зеф безвылазно пребывал в Центральной психиатрической клинике столицы, где и застал его Мак, оказавшийся в этой клинике по делам полномочного представителя Временного Совета по упорядочиванию.

Настоящие люди, думал Максим, глядя на Зефа. Истинные борцы, прошедшие через кровь и муки и сохранившие верность идеалам. Им было трудно, очень трудно — они не шли на компромисс со своей совестью, и власть имущие истребляли их со всем старанием. Их беспощадно казнили и при Империи, и во времена репрессий против вырожденцев, развязанных диктатурой Неизвестных Отцов; они первыми гибли на фронтах атомной войны, потому что не прятались от пуль за чужими спинами. Лучшие люди почему-то всегда погибают раньше конформистов, умеющих приспособиться к любым обстоятельствам и не лезущих на рожон. Эти лучшие люди будоражат сонное болото инертной человеческой массы, несут очищение и не дают этому болоту окончательно загнить. Болото не может без них жить — оно превратится в грязь, а затем пересохнет, — но в то же время болото ненавидит нарушителей его покоя и уродливого порядка. И болото топит, топит, топит в своей трясине тех, кто пытается превратить грязную лужу в цветущий луг и сделать скверное настоящее истинным будущим.

В многолетней мясорубке уцелели единицы, подобные Зефу или Вепрю, думал Мак. И сейчас, после падения диктатуры Отцов, они борются, но их слишком мало. В Совете их оттерли от всех ключевых постов — результаты голосования при подавляющем численном перевесе разного рода «умеренных» были вполне предсказуемыми. Болото успешно приняло новую конфигурацию, изменились породы населяющих его хищных жаб, и болото отторгает мечтателей — болото не хочет осушаться и превращаться в плодородное поле. И отчаянная борьба Зефа и его товарищей все явственней обретает оттенок безнадежности — их слишком мало. Они опередили свое время, и в этом их трагедия. И Зеф, наверное, хорошо это понимает, поэтому-то и взгляд его наполнен такой тоской. Вывод казался логичным, но Мак ошибся — Аллу Зефа тревожила не политическая ситуация в стране, а куда более насущная

проблема.

— Я не знаю, что делать, — признался профессор, рассматривая кончики ногтей. — Я бессилен. Это даже не эпидемия, это катастрофа. Только в столице выявлены тысячи душевнобольных, многие из которых социально опасны, а что творится по всей стране... Там счет, думаю, идет на сотни тысяч. Страшное дело, Мак... — Он поднял голову. — Кто мог подумать, что снятие излучения вызовет настолько дикие последствия? Следовало ожидать, что воздействие поля башен вызывало привыкание и зависимость, сходную с наркотической... Но масштаб! Мы имеем дело с десятками, сотнями тысяч лучевых наркоманов, испытывающих жестокую ломку, — человеческие потери соизмеримы с потерями от радиоактивного заражения после атомной войны. Да, эти несчастные не умерли — хотя есть и погибшие, которых немало, — но они и не живут: их разум притушен или совсем погашен. Кто мог предположить, что такое случится? Мы же ничего — ничего! — не знали о специфике этого проклятого излучения, Мак! Ничего, кроме того, что от этого излучения мы, выродки, испытывали дикие боли...

Я знал, с горечью подумал Максим. Я вывозил беднягу Гая за пределы поля и видел, что с ним творилось. Я мог — и должен был! — подумать о последствиях, но я был охвачен нетерпением потревоженной совести, как сказал Колдун, а теперь на этой совести страна, погруженная в безумие.

— Я не могу им всем помочь, — Зеф тяжело встал с жалобно скрипнувшего кресла и подошел к окну кабинета. — Их слишком много, — сказал он, вглядываясь в стелящиеся за окном космы смога, клубившегося над столицей. — Массаракш, как это гадко — чувствовать себя бессильным... Традиционные методы лечения не помогают или помогают не в полной мере, и я решил просить помощи у Странника. У него есть передвижные излучатели, и он мне не откажет, не посмеет отказать!

— Вы хотите...

— Да, массаракш, да! Подобное лечится подобным — больным нужна лучевая терапия. Дозированные сеансы облучения с последующим медленным — медленным и постепенным — снижением их продолжительности и интенсивности. Не знаю, сколько потребуется времени на реабилитацию пострадавших, но другого выхода я не вижу. И я готов сам сидеть рядом с ними и корчиться от боли, лишь бы это им помогло.

Теперь Максим видел перед собой прежнего Аллу Зефа — энергичного, сильного и уверенного в своей правоте. Наверное, подумал он, таким же был отец Рады и Гая, врач-эпидемиолог, отказавшийся во время войны покинуть зачумленный район. Имперская власть решила вопрос просто — на район эпидемии была сброшена бомба и отец Рады, ставивший свой врачебный долг превыше собственной жизни, бесследно исчез в ядерном вихре. И Аллу Зеф готов терпеть многочасовые пытки ради возвращения к полноценной жизни людей, которые сошли с ума по вине землянина Максима Каммерера. То есть виноват я, а страдать будет Зеф, вот ведь как интересно получается... То есть Зеф, плоть от плоти своего народа, готов идти ради него на муки, а я, житель благополучного мира, всего лишь пошел на поводу у своей потревоженной совести, не вдаваясь в подробности. Мне не по нраву были порядки, царившие на моем обитаемом острове, и я тут же взял палку и разворошил этот муравейник, нимало не задумываясь о том, сколько муравьев будет раздавлено моей палкой и не развалится ли после моего вмешательства весь муравейник. Дурак и сопляк, и нет тебе другого названия, сказал себе Мак, и за что только Рада к тебе хорошо относится.

— Но ведь излучатели — зло, — осторожно начал Максим. — Разве можно активировать их снова? А если кто-то захватит эти установки и использует их не для лечения больных, а для превращения здоровых людей в больных?

— Абсолютного зла не существует, — отрезал Зеф. — Ты знаешь, почему речка, за которой мы с тобой уничтожали старое боевое железо, называется Голубой Змеей? Не только потому, что извилистая, синяя вода и все такое... По ее берегам гнездятся змеи — вероятно, мутанты, шкура у них этакое сине-стального цвета. Так вот эти змеи страшно ядовиты, их яд действует не хуже нейротоксина — он убивает почти мгновенно. Но из него еще до войны

мы сделали лекарство от эпилепсии. И как, голубые змеи — зло? А если кто-то из недобитков или из новых властолюбцев захочет протянуть к излучателям свои грязные лапы — пусть только попробует, стрелять я, хвала Мировому Свету, не разучился. Излучатели...

Он несколько раз прошелся по кабинету от окна к своему рабочему столу и обратно, резко поворачиваясь на каблуках, потом сел, взъерошил бороду и задумчиво посмотрел на Максима.

— Не все так просто с этими излучателями, Мак. Я думал об этом, много думал. Страна Отцов походила на поле, которое непрерывно опрыскивали ядохимикатами. Там, на этом поле, росла трава — чахлая, правда, но росла. Ее подстригали по ранжиру, пропалывали и собирали какой ни есть урожай. А потом вдруг опрыскивание ядом прекратилось, агрономы поразбежались, поле пришло в запустение, и полезли на нем сорняки — сорняки ведь более жизнеспособны, чем пшеница или другие какие полезные злаки. Пропалывать поле некому, буйные сорняки разрослись и глушат всю прочую поросль, такая уж у сорняков природа. И не получится, я так полагаю, хорошего урожая: пшеница стала хлебом только после того, как начала расти под надзором человека. Ты не подумай, что я ратую за включение башен, я этими башнями во как сыт, — он провел ребром ладони по горлу, приподняв этим движением рыжий веник своей всклокоченной бороды. — Но надо что-то делать, иначе скоро мы получим олигархию или новую диктатуру.

Аллу Зеф помолчал, как будто подбирая слова, чтобы почетче выразить свою мысль.

— Три дня назад ко мне приезжал Дэк Потту — Генерал, ты его знаешь.

— Он жив?

— Живехонек и рвется в бой. Во Временном Совете не обрадовались его появлению, он им задницы поджарит. Но я хочу рассказать о другом. Генерал навещал Илли Тадер, мать Орди, — любил ее Дэк, Орди-то, такие вот дела, и погибла она на его глазах, можно сказать.

Да, я знаю, подумал Мак. Я сам вынес ее мертвое тело, а Генерал сказал мне: «Только раненых», и я оставил Орди в том проклятом мокром лесу. И про его любовь к ней я тоже знаю — это было видно...

— Генерал приехал в деревню Утки, где живет старая Илли, виделся с ней. Помянули они ее дочь, отдавшую жизнь за свободу народа, а потом старушка рассказала Генералу одну мерзкую историю — очень мерзкую, Мак.

— Что там случилось?

— В деревне появился некий штымп с замашками, как понял Генерал, воспитуемого из привилегированных, из уголовников. Приехал на роскошной автомашине, как рассказывала Илли, увешанный золотыми цепями, с эскортом из громил. Приехал он в деревню, созвал крестьян и заявил, что он законный наследник какого-то там имперского баронета или графа и что все эти земли — его законная собственность. Потрясал бумагой, залепленной печатями, — мол, Временный Совет восстановил меня в правах, так что будьте любезны. И сказал, что они, крестьяне, будут работать на этой земле — пожалуйста, он не против, — но за право пользоваться его собственностью они должны теперь платить ему, хозяину, арендную плату. Все онемели, а потом кто-то робко спросил, мол, а где нам взять деньги? Мы же нищие, мы в долгах перед банками, и вообще...

— А он? — спросил Максим, чувствуя, как голова начинает кружиться.

— Расхохотался, а потом, — Зеф скрипнул зубами, — вытащил из багажника сумку с деньгами, высыпал их на землю — дорожкой — сел за руль и проехался по этой дорожке, вмял купюры колесами в грязь, грязи там было по колено. Вот вам, говорит, деньги, берите! Но с условием: каждую купюру очистить от грязи — языком. Я проверю, и тогда она ваша, — Зеф замолчал, лицо его зачугунело от прихлынувшей крови.

— Меня там не было, — тихо сказал Максим.

— Нас с тобой много где не было, Мак. Такое творится по всей стране, эти поганки радиоактивные так и лезут изо всех щелей, откуда только что взялось... Генерал, конечно, за автомат, искать взялся этого помещика новоявленного, но того, похоже, кто-то предупредил — исчез. А на въезде в город в машину Дэка стреляли — к счастью, обошлось. Вот так, Мак,

а ты говоришь — излучатели. Я тоже думал, что как не станет этих проклятых башен, так сразу и начнется жизнь райская, старый я дурак. А оно вон каким боком поворачивается... Ладно, — Аллу Зеф снова встал и встряхнулся, — заболтался я с тобой, а у меня работы непочатый край — меня больные ждут, горец.

* * *

— Как я рад вам, дети, — дядюшка Каан по птичьей дернул головой, и по его щеке скатилась слеза. Слезка была маленькой и бледной, почти прозрачной, она быстро затерялась в морщинах дядюшкиной щеки, но Мак все равно ее заметил. — Как хорошо, что вы пришли!

Дядюшка Каан изо всех сил старался быть веселым и радостным, и он действительно был рад появлению Максима с Радой, Мак это видел, но веселье старика было натужным, и это Максим тоже видел. Ему было стыдно — ведь эта квартира была его первым настоящим домом на обитаемом острове (медицинская палата во владениях незабвенного Бегемота не в счет), и дядюшка Каан был хозяином этого дома, и Мака он любил искренне, как родного. А ведь Максим, если разобраться, принес в этот дом несчастье: не появись он в этом доме, Гай служил бы себе в Легионе, и не был бы разжалован (из-за него, из-за Максима), и не попал бы в штрафники, и не погиб бы на хонтийской границе среди холмов, обожженных атомным ударом. Мак посмотрел на постель Гая — суконное одеяло, покрывавшее койку, было ровно натянуто, на нем не было ни единой морщинки, только чуть заметной сединой лежал поверх темного сукна тонкий слой пыли: судя по всему, кровать никто не трогал с тех пор, как Гай, уходя из дому, заправил ее в последний раз. И еще Максиму было стыдно оттого, что ему и в голову не пришло навестить старика (и не навещал бы, если бы не Рада). Да, подумал Мак, очень легко оправдать все невероятно важными делами, которыми я все время занят, — мне надо спасать всю эту планету, до визитов ли тут к одиноким старикам.

Дядюшка Каан был жалок, как бывают жалкими никому не нужные старики, всеми забытые и доживающие свой век тихо и незаметно. У него, помнившего еще старые добрые имперские времена, все было в прошлом: и слава, и достаток, и семья. Теперь все это ушло, сметенное ядерной войной, хаосом, переворотом Неизвестных Отцов, монотонными годами их правления, новым переворотом, именуемым почему-то народной революцией, и новым хаосом, из которого мучительно медленно выкристаллизовывалось нечто неуклюжее. Все ушло, растворилось, припорошенное пеплом сгоревшего времени, оставив дядюшке Каану неухоженную квартиру, мизерную пенсию, заношенный пиджачок, стоптанные домашние туфли и старые книги о древних зверях, кости которых никого уже не интересовали. И сам дядюшка Каан походил на такого доисторического зверя, каким-то чудом еще не вымершего и топчущегося в гулкой пустой квартире в ожидании того часа, когда время наконец-то спохватится, вспомнит о нем и присоединит зверя по имени дядюшка Каан к мириадам его ископаемых собратьев. Старики — это первые жертвы всех переломных эпох, подумал Мак, глядя на дядюшку Каана, жернова перемен перемалывают их в первую очередь.

И все-таки старый ученый был рад. Он сидел за накрытым столом, уставленным едой, настоящей едой, вкус которой он давно позабыл, и украшенным пузатой бутылкой коньяка с серебряной этикеткой — такой коньяк он пробовал только на торжественных приемах Е.И.В. Академии наук, устраиваемых по особо важным случаям. Он смотрел на свою племянницу, священнодействовавшую вокруг этого стола, — молодую, красивую, лучившуюся счастьем, — и думал, наверное, что девочке повезло: она стала женой очень важного человека, по старым меркам — генерал-губернатора, не меньше! Официальный обряд пока не проводили, но она любит и любима, и от нее исходит тепло, которое греет и его старые кости. И еще он, наверное, вспоминал бедного Гая, который не дождался до этого дня — как бы он поразился за сестру.

Гастрономические чудеса целиком были заслугой Рады. Департамент Странника имел некоторые дополнительные возможности в снабжении продовольствием. Сам Максим

Каммерер об этом не задумывался. Но Рада на правах жены полномочного представителя Временного Совета по упорядочиванию очень быстро разобралась в статусных нюансах «кому что положено» и перед визитом к дядюшке загрузила в машину целую кучу свертков, пакетов, бутылок, банок и баночек.

Дядюшка Каан ел и пил, сначала степенно, потом все более и более оживляясь, и Мак увидел в потускневшем старике прежнего Каана, задиристого и ершистого. И все-таки что-то в нем надломилось, а что — этого Максим не мог пока понять. Рада заботливо ухаживала за ними обоими — «Мак, ты почему не ешь?», «Дядюшка, попробуй креветки!», и Мак видел в ее взгляде, обращенном на старика, любовь и какое-то смущение, словно Рада испытывала чувство вины за то, что у нее все хорошо, а вот у дядюшки... И Максим несколько не удивился, когда она вдруг решительно заявила:

— Дядя Каан, мы тебя забираем! Будешь жить у нас — там хорошо, там много света и зелени, там большой парк, где ты сможешь гулять. А я — я буду о тебе заботиться, вот. Мак все время занят, — она на мгновение прижалась щекой к плечу Максима, — так что времени у меня хватает.

Старик положил вилку, взял пустую рюмку, повертел ее в руках и тихо сказал, глядя куда-то в сторону:

— Нет, племянница, к вам я не поеду. Спасибо, конечно, но... Я привык быть один, и не надо мне никаких перемен. Мне помогают соседи иногда, и мадам Го тоже, так что...

— Но почему, дядюшка? — искренне изумилась Рада. — Неужели с нами, со мной, тебе будет хуже?

— Старики не должны жить с молодыми. Вы молоды, здоровы, полны сил, вы дышите друг другом и вашей любовью — глаза у старого Каана хоть и не те, что раньше, но это-то он видит, — зачем вам нужно постоянно созерцать ветхую развалину, живое напоминание о том, во что превратитесь вы оба, когда придет срок? Нет, племянница, я к вам не поеду, — старик упрямо наклонил голову.

— Какие глупости! — возмутилась Рада. — Даже слышать ничего не хочу! Мы без тебя отсюда не уедем, так и знай!

Что-то темнит наш дядюшка Каан, подумал Максим. Целую теорию развел, сейчас еще будет ссылаться на обычаи первобытных племен, оставлявших своих стариков на съедение диким зверям, чтобы старики не мешали роду бороться за выживание.

Он встал из-за стола и подошел к окну. За окном было темно и горели редкие огоньки — здесь, на окраине, да еще при лимитированной подаче электроэнергии, уличное освещение считалось ненужной роскошью. За его спиной Рада продолжала уговаривать старика, а тот бубнил свое, отнекиваясь. Максим глядел в студенистую заоконную тьму, размышляя о том, что Энергетический концерн безбожно задирает тарифы, что действия концерна уже можно классифицировать как экономическую диверсию и что Озу Буку, главу корпорации, пора брать за жабры. А потом он увидел в стекле дырку.

Это была типичная пулевая пробоина, окруженная ореолом мелких трещинок. Вернее, две пробоины: пуля пробила оба оконных стекла — и внешнее, и внутреннее. На стекольника дядюшка Каан, видимо, решил не тратить — обе дырки были заклеены белым медицинским пластырем, заклеены неаккуратно и неловко; на внешнем стекле пластырь местами отошел и скукожился.

— Откуда это? — спросил Максим, повернувшись к спорщикам и указывая на дырки.

— Стреляли, — буркнул дядюшка Каан. — У нас под окнами дикий вещевой рынок — людям нужна одежда и обувь, им неудобно ходить голыми и босыми. Рынком правит Зубоед, и все торговцы платят ему дань, как во времена баронов-разбойников. А десять дней назад, нет, уже две недели, появились какие-то приезжие и заспорили с ним. Стреляли, — старик дернул шеей, — долго, минут сорок. На улице лежали трупы... Когда пуля разбила окно, я сел на пол и спрятался за шкаф — глупо как-то погибнуть от шальной бандитской пули в своей собственной квартире.

Сорок минут, подумал Максим, сорок минут. А куда же смотрела полиция?

— Полиция так и не появилась, — Каан как будто прочел мысли Мака. — Они приехали уже потом, когда все кончилось: ходили, составляли какие-то бумаги, потом пришла черная машина и увезла убитых — среди них были две женщины и девочка-подросток, не успевшие спрятаться.

У меня есть оружие, думал Мак, да и не нужно мне никакого оружия, чтобы перебить шайку бандитов и заставить этого Зубоеда съесть собственные зубы, забить их ему в глотку. Его можно найти, легко, он чувствует себя местным хозяином и даже, наверно, не прячется. Нельзя, не имею права: теперь я — прогрессор, посланец Земли, мое дело — содействовать системным изменениям в масштабе социума, а ловить вооруженную шпану — это дело не мое, я не могу заниматься такими мелочами даже как уполномоченный по упорядочиванию, это не мой уровень ответственности, я теперь выше этого... Ух! Да и пришибешь Зубоеда, появится какой-нибудь Ухогрыз, и все останется по-старому. А ведь хочется пришибить, да еще как...

— А что делал ваш околоточный?

— А что он может сделать? — старик вскинул голову. — Околоточный тоже человек, и он тоже хочет жить, и хочет жить не хуже других. Говорят, он в доле с бандитами — не знаю, может быть. Он тоже собирает деньги с жильцов окрестных домов, а если кто ему не платит, тем по ночам какие-то хулиганы бьют стекла и лампочки в подъездах.

Рада молчала, и Максим тоже молчал. Что он мог сказать? Повторять затертые слова о непростых временах? Так дядюшка наверняка этих слов уже наслушался, их повторяют по всем каналам телерадиовещания. И Мак сказал первое, что пришло ему в голову:

— А как поживает ваш давний научный оппонент, профессор Шапшу?

— Никак не поживает, — очень спокойно ответил Каан, — он умер. Его убили — ко мне приезжала его свояченица, звала на похороны. Я не поехал — далеко, транспорт работает плохо, у меня больные ноги и страшно вечером возвращаться домой по темным улицам, — он помолчал. — Профессора Шапшу убили у него дома — кто-то распустил слух, что у него есть коллекция золотых украшений, собранная в древних курганах. К нему пришли и разбили ему голову молотком, а у него не было никого золота, мы с ним изучали древних зверей, а эти звери не носили золотых зубных коронок. Его убили, и я даже не смог перед ним извиниться за все несправедливые слова, сказанные мною в его адрес...

Максим смотрел на бедного старика, но боковым зрением видел побелевшее лицо Рады и ужас в ее глазах. Эх вы, звери-люди, люди-звери... Он вернулся к столу, сел, слегка сжал ладонь Рады, успокаивая ее, и сказал, внимательно глядя на старого ученого:

— Послушайте, дядюшка Каан, скажите честно, почему вы не хотите ехать к нам?

— Честно? А разве сейчас принято говорить честно? Все врут на каждом шагу, потому что все торгуют, а не обманешь — не продашь. По радио говорили, что Неизвестные Отцы подло обманывали народ целых двадцать лет, но я за все те годы не видел столько лжи, как сейчас. Честно ему скажи...

Он решительно наполнил рюмку, выпил, подцепил вилкой маленький кусочек рыбы и прожевал — торопливо, словно боясь, что его у него отберут.

— Месяц назад была организована инвестиционная компания «Золотая шахта». Нам говорили — честно, очень честно! — что мы получим сто процентов прибыли, если вложим наши деньги в эту компанию. И действительно, первые вкладчики удвоили свои капиталы, и тогда люди понесли в «Золотую шахту» все свои сбережения. А три дня назад этот мыльный пузырь лопнул: двери управления компании закрыты, никого нет, и только ветер гоняет по мостовой никчемные бумажки с печатями и очень красивыми рисунками. Мадам Го рыдала — она продала все, что у нее было, и еще залезла в долги, надеясь вырваться из нищеты и спокойно прожить свои последние годы. И что ей теперь прикажете делать?

Тяжелое наследие башен, подумал Максим. Они привыкли верить слову печатному и слову сказанному, особенно с высокой трибуны или по радио, они не сомневались и потому даже не задавались вопросом, откуда может взаться такая прибыль — из вакуума?

— А внучка мадам Го? Хорошая, красивая, славная девушка, бедняга Гай так на нее

смотрел... Она участвовала в конкурсе красоты «Звезда столицы», и чтобы попасть в число призерок и получить ангажемент в пандейский шоу-балет «Лесные красавицы», ей пришлось пройти через постели трех организаторов конкурса, — дядюшка Каан крикнул и посмотрел на Раду. — А кончилось тем, что вместо балета «Лесных красавиц» она оказалась в хонтийском публичном доме, ее туда продали. И никто — никто! — даже пальцем не шевельнул.

На впалых щеках дядюшки Каана проступили красные пятна. Он говорил, говорил, говорил — ему нужно было выплеснуть наболевшее, ему нужно было, чтобы его выслушали: кому еще он мог все это высказать?

— Все помешались на деньгах... — старик снова наполнил рюмку, но пить не стал. — Я не смотрю телевизор — телевидение стало куда страшнее, глупее и грязнее, чем было при Отцах. На любом канале голые женские тела, кровь и трупы и многосерийные комедии, где надо смеяться по сигналу, когда раздастся смех за кадром... А трансляция заседаний вашего Временного Совета — это уже не комедия, это прямая передача из зоопарка, из вольера с приматами.

Да, думал Мак, к дядюшке Каану явно вернулась способность критически оценивать все происходящее. Вот тебе и кабинетный ученый, анахорет не от мира сего. А ведь мне обо всем этом пришлось узнать — и о финансовых пирамидах, и о бандитах-рэкетирах, и о торговле женщинами, и о коррупции в органах власти, сверху донизу. Я читаю статистические сводки и отчеты, мне это по должности положено, но одно дело колонки цифр и сухие факты, за которыми не видно живых людей, и совсем другое дело, когда эти цифры и факты обретают плоть и кровь и оборачиваются людьми, которых ты знаешь, — такими, как Илли Тадер или та же мадам Го.

— В свое время коллега Шапшу высказывал одну гипотезу по поводу того, почему вымерли древние звери — могучие, бронированные, с большими клыками и острыми когтями. Я, конечно, смеялся над ним и доказывал, что это ненаучная чушь, а теперь вот я думаю, что Шапшу был не так уж и неправ. — Каан немного подумал и пригубил свою рюмку, осушив ее до половины. — Древние звери вымерли оттого, что перестали заботиться друг о друге, они стали каждый сам по себе — они ведь были такие большие и сильные! Они превратились в стадо одиночек, где каждому на каждого плевать. И тогда другие звери — маленькие, хитрые и очень проворные — постепенно истребили больших. Они подкрадывались к ним по ночам, прокусывали горло и выпивали кровь, они разоряли гнезда и пожирали яйца гигантов, а те ничего не могли сделать — ведь они были каждый сам за себя и никто за всех. Так и мы сейчас — мы перестали быть народом, утратили все, что нас объединяло... Нам было тяжело, да, но мы трудились. Мы разбирали радиоактивные развалины и надеялись, что наши дети будут жить лучше нас. Мы были винтиками тупой машины, как сейчас говорят, но мы были вместе. А сейчас мы все врозь: каждый считает себя свободной личностью и требует, чтобы все вокруг уважали его права. Однако при этом он забывает, что у всех остальных тоже есть права, такие же точно права, и что кроме прав существуют еще и обязанности. Но об этом мы помнить не хотим, а тем временем маленькие хитрые звери тихо подкрадываются к нам в ночной темноте, присасываются и деловито пьют нашу кровь.

— Дядя, не надо, — жалобно попросила Рада. — Не надо, а?

— А почему не надо, собственно говоря? — старик взъерошился. — Твой муж попросил меня сказать честно, вот я честно и говорю. Вы хотели знать, молодой человек, почему я не желаю ехать к вам, да? Скажу, — он снова ухватился за рюмку. — Вы, Мак, я знаю, один из руководителей этой вашей новой революции, большой вождь, генерал-предводитель. Вы один из тех, кто сломали старую систему, — у вас свои убеждения, и я не буду спорить с вами, рассуждая о том, правильные они или нет. Вы действовали, а вы спросили нас, хотим ли мы перемен? Я помню времена Империи, я жил при Отцах, и я знаю, что было хорошо и что было плохо и при Неизвестных Отцах, и при Его Императорском Величестве. И я не могу сказать, что сейчас все стало гораздо лучше, — нет, не могу, хоть

мне и говорят, что Империя — это было плохо, а диктатура Отцов — это еще хуже. При Неизвестных Отцах люди не ходили по улицам с оружием, шарахаясь от собственной тени, и если бы на какой-нибудь столичной улице раздался хотя бы один выстрел, то через пять минут там появились бы brave солдаты Легиона и на этом все бы и кончилось. А при отце-государе Императоре провинившихся чиновников казнили на площади — публично, все это видели и знали, за что карают этих людей.

Привычка к покорности, подумал Максим, привычка к рабской жизни. Кто-то там за меня все решает, а мне остается только следовать за перстом указующим. Стадо, охраняемое собаками и пасущееся на отведенной лужайке, за пределы которой никто не смеет выйти. Не слишком гуманно, согласен, но разве гуманнее убрать сторожевых псов и выпустить на овец стаю голодных волков, а потом стоять в сторонке и наблюдать, как этих овечек будут рвать на части, утешая себя тем, что это-де естественный отбор и что самые жизнеспособные особи выживут и дадут отборное здоровое потомство? И это ведь не овцы, это — люди, пусть даже люди несовершеннолетние, разве можно так с ними обращаться?

— Вы развалили старую систему, Мак, — дядюшка Каан допил рюмку и закашлялся, содрогаясь всем своим тщедушным телом. — Гхм-гх... Но вы сломали не только систему, вы сломали жизнь множеству людей, и вы за это в ответе. — Старик поставил рюмку на стол, она упала набок и покатилась; Рада едва успела ее поймать на самом краю стола. — И я не хочу жить в тепле и уюте, оплаченном жизнями тысяч и миллионов людей, Мак. Вы дали нам свободу — а зачем нам такая свобода?

Глава 3

ЛЕСНАЯ ВЕДЬМА

О чем ты все время думаешь? — Рада тихонько дотронулась кончиками пальцев до щеки Максима. — Ты где-то далеко-далеко, ты уходишь, и мне становится так одиноко, — она завопилась, устраиваясь поудобнее на сгибе руки Максима, словно котенок, которому очень хочется, чтобы его погладили, и коснулась губами груди землянина. — Что тебя беспокоит?

Что я могу ей сказать, подумал Максим. Как оказывается трудно бывает найти очень простые и верные слова, такие, чтобы тебя поняли... Хорошо еще, что мне удалось найти эти слова для дядюшки Каана. «Вы обвиняете меня, — сказал я ему, — и вы правы: я сам чувствую себя виноватым. Но дайте же мне возможность хотя бы немного загладить мою вину, начав с малого! Из-за меня погиб Гай, из-за меня чуть не погибла Рада, когда ее начали вырывать друг у друга сильные мира сего, из-за меня несчастны многие, и вы в том числе. Я не бог, я не могу помочь всем и сразу, и даже постепенно вряд ли смогу это сделать. Но вам — вам я могу хоть немного помочь, пусть моя помощь станет маленькой каплей в чаше искупления, как говорили ваши древние философы. Надо же с чего-то начинать, разве не так?» И старик сник, его ершистая злость куда-то ушла, и он, поуправившись для виду, дал себя уговорить и согласился на переезд. Он сидел и смотрел, как Рада собирает его вещи (их и было-то всего ничего), и даже покрикивал на нее, когда она, по его мнению, не слишком бережно обращалась с его драгоценными книгами. А потом он сидел в машине, придерживая стопки своих книг, и лишь изредка бросал настороженные взгляды в темноту, проглотившую автомобиль. Первое время дядюшка чувствовал себя в Департаменте Странника неуверенно, как рак-отшельник, которого бесцеремонно извлекли из его раковины, но потом освоился и ожил, и мне стало хоть чуть-чуть легче на душе: доброе дело остается добрым, даже если оно очень маленькое и касается не миллионов людей, а всего-навсего одного-единственного человека. И кто сказал, что легче сделать счастливым одного человека, чем сто или тысячу? А теперь вот Рада... Она чувствует, что мне беспокойно, и переживает: и за меня, и за себя — она ведь давно уже нас не разделяет, мы для нее единое целое, она растворилась во мне и подспудно ожидает того же и от меня.

Он осторожно провел ладонью по мягким волосам Рады, и та тут же уткнулась носом

ему в подбородок, и он ощутил теплое ее дыхание — легкое, как дуновение ветерка, запутавшегося в густой лесной траве. Может, прав был Сикорски, и ему, Максиму, надо было просто забрать Раду и вернуться вместе с ней на Землю, в привычный добрый мир, где нет грязи, подлости, злобы, жадности и лжи, и забыть Саракш как страшный сон? Пусть этой планетой занимаются профессионалы, он же, в конце концов, не прогрессор! «Что, добрый молодец, кишка тонка? — произнес ехидный внутренний голос. — Наломал дров — и в кусты, наслаждаться своим маленьким личным счастьем? Прошел через колдовской лес, сразил дракона, развалил по камушку злодейскую твердыню, спас летаргическую принцессу, развеяв мрачный морок, и получи награду? (Каммерер вспомнил, как шел в радиоактивном лесу в первые часы пребывания на Саракше.) А мусор грязный пусть за тобой другие убирают, не царское это дело. Несподручно нам по кирпичику строить-созидать, нам бы ломать-сокрушать непотребство всякое, чтобы глаза не мозолило и совесть нашу чуткую не тревожило. Домой захотелось? А ты забыл, что мир-то твой тоже не сразу строился и много в нем было такого, о чем и вспоминать не хочется? Нет, мил друг, взялся за гуж, так полезай в кузов!». Нет, возразил Максим ехидному внутреннему собеседнику, эта пословица звучит как-то по-другому. «Тоже мне, знаток старинных пословиц, — обиделся внутренний голос. — Ты лучше скажи, братец, что ты дальше делать намереваешься, а? Пока что от всех твоих благих порывов толку — ноль целых, ноль десятых, и никаких подвижек к лучшему не наблюдается, а на одних добрых намерениях далеко не уедешь. Помнишь, в какие теплые края благими намерениями дорожка вымощена?»

Внутренний голос умолк. Рада тихо уснула, и Максим старался не шевелиться, чтобы ее не разбудить. Устал я, подумал он. Мне душно здесь, в этом мире, который я так самонадеянно вознамерился спасти и облагодетельствовать. Вокруг меня смыкается какое-то трясиное кольцо; я вижу всех этих людей насквозь, и эта моя обретенная здесь способность меня отнюдь не радует, скорее наоборот. Я устал дышать гнилью, устал от бесконечной лжи и от бессилия что-либо изменить. Я смотрю на всех этих людей, читаю — то есть угадываю — все их несложные мыслишки, и мне становится тошно, и земной гуманизм слезает с меня, как упаковочная пленка с механозародыша, и мне хочется стрелять или даже душить их голыми руками. Прогрессор — это катализатор, как говорит Странник, а мне вот кажется, что все мы — и я, и даже умница Рудольф Сикорски, который не мне чета, — просто капли чистой воды, упавшие в стоячий затхлый пруд и растворившиеся в нем бесследно. Стрелять и взрывать — это мелочи, детские шалости, а ты попробуй-ка поднять к свету всю эту серую аморфную громаду, которая расплзается и шлепается обратно грязными комьями, липнувшими к ногам. Да, есть здесь, на Саракше, люди, настоящие люди, но их слишком мало — критическая масса не набрана, а без нее реакция не пойдет, нет, не пойдет.

Мне надо встряхнуться, сказал себе Максим, административная работа — это не по мне. Я не собираюсь отступать, бежать, бросать начатое дело и прятаться в кусты — мне всего лишь нужно делать то, что у меня получается и где от меня будет больше пользы. Вчера на очередном заседании Временного Совета что-то такое было, Странник о чем-то упомянул, вскользь, мимоходом, но меня это почему-то сразу заинтересовало. Что же там у нас было, о чем говорили? Очередной коррупционный скандал, дело фальшивомонетчиков, волнения на военных заводах, продовольственный вопрос... Нет, это все рутина, тягучая рутина, то же, что позавчера и третьего дня, только имена, названия и цифры другие. Новости с Юга? Нет, что-то другое... Вспомнил! «На пандейской границе какое-то неясное оживление», — сказал Рудольф, и когда он обронил эту фразу, он посмотрел на меня, и я сразу же заинтересовался, но потом забыл, потому что речь зашла о недоверии действующему Исполрешу, о досрочных выборах и о связях армейской верхушки с организованной преступностью. Пандея, Пандея, а что я вообще знаю о Пандее?

Максим тихонько высвободил руку, на которой спала Рада — она пробормотала во сне что-то невнятное, но не проснулась, — встал, поправил одеяло, укрывая Раду от ветра из приоткрытого окна; неслышно ступая, вышел из спальни и закрыл за собой дверь. Накинул пижаму и прошел в кабинет. Зажег настольную лампу — световой круг выхватил из темноты

его рабочий стол, заваленный бумагами. Где это тут у нас? Ага, вот!

Он выудил с книжной полки увесистую книгу, на обложке которой был изображен конный рыцарь в доспехах. Книга была старинной, еще довоенной, очень довоенной, и пахла она древностью — пылью веков, — и напечатана она была угловатым имперским шрифтом, отмененным вскоре после военного путча Неизвестных Отцов. «Габеллу-Ниспровергатель. Протазан пронзает горы. Хроники пандейского похода» значилось на ее титульном листе и пониже, помельче — «Собрание раритетов Е.И.В. Хранилища, в особых случаях для дарения предназначенных».

«Ведьмы обитали в северных лесах исстари, — прочел Максим, наугад раскрыв книгу. — Святой подвижник Туку, осиянный благодатью Мирового Света, припадая к стопам Его Величества и взывая к неизреченной мудрости Его, сообщал странное, отчего посеяно было в сердцах немалое смятение...»

* * *

Телега угрожающе накренилась на ухабе, и лежавшая на ней грузная туша бомбарды — кургузая уродливая труба, сделанная из сваренных вместе толстых полос кованого железа, скрепленных набитыми на них железными обручами, — дрогнула, намереваясь соскользнуть. Защелкали кнуты; лошади, храпя и сисясь встать на дыбы — невозможное дело для мощных северных тяжеловозов, — натужно выворачивали шеи, возвращая повозку на ровную дорогу. Капитан в помятой каске и потертом нагруднике что-то закричал, зло и отрывисто; солдаты муравьями облепили скособочившуюся телегу со всех сторон, удерживая норовистый груз: если бомбарда вывалится, плетей не миновать никому.

«Массаракш, — угрюмо размышлял Габеллу, наблюдая за возней, — сколько хлопот с этими неуклюжими чудовищами... Сначала их надо довести, для чего потребно множество лошадей, потом уложить на деревянную колоду и упереть заднюю часть орудия в земляную насыпь, усиленную деревянным срубом. Канонир засыплет порох; солдаты, пыхтя от натуги, закатят в ствол каменное ядро. Затем к задней части бомбарды подтащат приставное дно и закроют трубу, плотно подперев дно клиньями и бревнами, чтобы при выстреле огонь не вылетел назад. И только потом к запальному отверстию поднесут раскаленный железный прут, и бомбарда с грохотом, окутавшись клубами едкого дыма, выплюнет ядро, летящее на тысячу шагов. Это далеко, но пройдет не меньше часа, прежде чем можно будет сделать следующий выстрел. А час — это много, за час можно и выиграть и проиграть битву. И я ни за что не взял бы с собой эти несуразные сооружения, но без них трудно брать горные замки лесных язычников с крепкими стенами, сложенными из дикого камня. Но и с бомбардами эти осады стоят большой крови, и дорого обходятся короткие яростные стычки в лесу, когда отовсюду летят беспощадные стрелы — ведьмы стреляют без промаха».

Маршал вспомнил, что не далее как вчера паж, подававший ему боевой шлем, вдруг рухнул как подкошенный, упав ничком к ногам Габеллу. Из затылка паж торчала короткая толстая стрела, а когда тело юноши перевернули, то увидели, что из правой его глазницы высунулось острое жало наконечника — стрела пробила голову насквозь. Опытные вояки, прошедшие с Габеллу не одну тысячу лиг по дымным дорогам Юга и скрещивавшие мечи и с лихими баронами-разбойниками, и со скороспелыми заносчивыми королями, спешившими объявить себя владыками всех земель от моря и до гор, и с кочевниками Крайних Пустынь, поедавшими сырое мясо и пившими горячую кровь, долго не могли понять, как это слабые женские руки могут сгибать лук, мечущий на пятьсот шагов стрелы, пробивающие броню. Но потом поняли: во-первых, руки лесных амазонок оказались не такими уж и слабыми, а во-вторых — пандейские воительницы были вооружены не только луками, но и воротковыми самострелами, легкими и компактными. И очень неудобно чувствовали себя ветераны южных походов на узких просеках, окруженных высокими деревьями с густыми кронами, в которых мог прятаться кто угодно...

В бряканье амуниции и тихий говор марширующей пехоты ворвался глухой стук

копыт. Из-за поворота змеившейся дороги вылетел всадник, горяча и без того взмыленного коня, пронесся вдоль колонны и осадил своего скакуна у невысокого холма, на котором расположился маршал Габеллу с офицерами штаба.

— Засада, о светоч острия! — выкрикнул он, натягивая поводья. — Передовые пикеты обстреляны лучниками! Их не обойти — справа болото, слева непролазная чащоба!

Опять засада, раздраженно подумал имперский маршал, все как вчера, и позавчера, и как третьего дня. И снова невидимые лесные стрелки отойдут, не принимая боя, как только железные шеренги его батальонов, сомкнув щиты «черепахой», двинутся напролом. И снова он недосчитается десятка-другого солдат — это вроде бы и немного, но когда каждодневные десятки складываются в сотни, из которых затем получаются тысячи...

— Зажечь лес! — отрывисто бросил Габеллу. — Арбалетчики — вперед! Щитоносцам — прикрыть стрелков!

Все приходится делать самому: испытанные капитаны, привыкшие к равнинам Юга, теряются в этих проклятых зарослях и делают ошибки. А три дня назад допустил ошибку и он сам, светоч острия разящего клинка отца-императора, — сгоряча повесил капитана Инзу, завязшего в болоте и положившего под стрелами амазонок полсотни солдат. Не надо было этого делать, хватило бы ему и плетей — теперь начальники рот чересчур осторожничают, не желая совать голову в петлю, и как бы не пришлось вешать кого-нибудь еще, теперь уже за нерадивость и трусость.

...Сырой лес загораться не желал — в подлеске струились бесчисленные ручейки, и зажечь мокрую чащу можно было, только обложив вековые деревья хворостом до середины ствола или хотя бы на высоту человеческого роста — затея явно немыслимая. Стрелы летели и летели, однако закованная в броню от глаз до пят железная змея имперской пехоты, густо обросшая щетиной алебард и протазанов, упрямо вгрызалась в пандейские леса, нацеливаясь на Гааг-До — крепость на быстрой реке, откуда торные дороги, петляя в межгорьях, паутиной расходились по всей северной Пандее, к ее городищам и святилищам древних языческих богов, хранящих тайны пандейской магии...

«Сегодня погиб генерал-интендант Арсу, — записал на пергаменте преподобный аббат Туку, летописец похода (и по совместительству — бдительное око Святого Престола). — В сих лесах опасность таится за каждым стволом древесным. Дряхлый с виду старец вырос злым чудом прямо из пыли дорожной рядом с конем его милости и деревянным своим посохом без натуги чрезмерной пробил двойной панцирь Арсу. Изрубленный алебардистами грязный дервиш умер быстро, а господин генерал расставался с жизнью долго и мучительно, изрыгая хулу и брань и обильно харкая кровью. В сердцах солдат поселяется робость, и только мои молитвы ежедневные укрепляют дух воинства отца-императора».

Да, скромный летописец явно хотел оставить посильный след в истории, отметил Максим, переворачивая страницу.

* * *

У Гааг-До пандейцы приняли бой. Вынуждены были принять: поредевшая, но все еще могучая армия маршала Габеллу вышла туда, откуда ее мечи могли поразить Пандею в самое сердце. Фланги пандейского войска упирались в лес, и светоч острия разящего клинка отца-императора нанес фронтальный удар панцирной кавалерией, рассчитывая смять ряды лесных воинов тяжким разбегом стали. Расчет не оправдался: имперские рыцари напоролась на «чеснок». Лошади калечили ноги на щедро рассыпанных в густой траве четырехконечных железных колючках и сбрасывали седоков; стальная волна всадников дрогнула и смешалась, атака захлебнулась под тучами стрел, и тогда из-за холмов вынеслась пандейская конница. Элита лесного народа, сыновья и дочери вождей кланов рвались в бой, сбивая в кучу и гоня перед собой доселе непобедимых имперцев. Чаша весов заколебалась...

Битву переломили бомбарды. Железные трубы метнули навстречу пандейцам вихрь рубленого железа, засыпанного в стволы бомбард вместо каменных ядер. Пушки дали всего

один залп, реальный эффект которого был невелик, но пандейцы не имели огнестрельного оружия, знали о нем только понаслышке и были ошеломлены. Габеллу заслуженно считался лучшим полководцем Империи: он не преминул воспользоваться замешательством лесных воителей. Перестроившаяся имперская кавалерия опрокинула горячую пандейскую конницу и погнала ее, устилая землю поверженными лошадьми и распластанными телами людей.

Отступающая конница расстроила ряды пандейской пехоты. Пандейцы не успели еще восстановить свои боевые порядки, как на них молотом обрушился сомкнутый строй пеших имперских латников.

От железного лязга дрожали холмы и трепетала листва на деревьях. Резались жестоко и беспощадно, наваливая кучи трупов, и к вечеру имперцы взяли верх: выгнувшаяся линия пандейцев дрогнула, разорвалась и рассыпалась, быстро превращаясь в скопище беглецов, искавших спасения в окрестных лесах и за стенами крепости. Имперские стяги качнулись и двинулись вперед, и уже утром взрыгнула первая бомбарда, пославшая в сторону зубчатых башен Гааг-До первое ядро.

«Лесные дикари склонились перед мощью имперского оружия», — записал аббат Туку.

Красиво писал монах, подумал Максим, преподобный Туку, чем-то осиянный... Или осененный? Блеск оружия, плюмажи из перьев на иссеченных шлемах, победные знамена, реющие на ветру... А на самом деле все там было грязно и смрадно: люди, одетые в душное железо и сбившиеся в многотысячную толпу, с рычанием и воем самозабвенно вскрывали друг другу грудные клетки, животы и черепа уродливыми железными инструментами, ни для чего другого не предназначенными. И мозг, средоточие разума, разбрызгивался студнем по щитам и лезвиям топоров, и лопались под ногами кишки, вывалившиеся из распоротых животов, и стонали раненые, и кричали в смертной тоске умирающие. И люди, живые люди, превращались в отвратительно выглядывшие гниющие трупы... Какая все-таки мерзость это дикое саракшианское средневековье... А чем лучше местное цивилизованное нововековье с его атомными грибами и всеми прочими прелестями?

* * *

Башня покачнулась, дрогнула, осела и осыпалась, разваливаясь на каменные обломки. Взлетела туча седой пыли, насыщенной мелким крошечком; с шорохом раскатились осколки, царапая неровные спины вывороченных глыб, уложенных в основание башни. «Порохом рвать быстрее, — подумал Габеллу, наблюдая, как солдаты оттаскивают от руин громоздкий таран, бревно которого еще раскачивалось, — но война не окончена, и порох нужен для бомбард, приводящих гордых амазонок в ужас. Так что придется разрушать это змеиное гнездо без помощи пороха — ничего, время у меня есть».

Над развалинами Гааг-До стлался черный дым: камни не горят, но во взятой крепости хватало деревянных построек. Кое-где слышались крики и даже звон клинков — последние защитники пандейской твердыни еще продолжали драться, бессмысленно и безнадежно, и умирали на окровавленных камнях.

— Господь благословил ваше оружие и даровал вам победу, светоч острия, — елеинным голосом проговорил преподобный Туку, стоявший рядом с Габеллу.

— Господь благоволит сильным и смелым, преподобный отец, — ответил маршал, сдерживаясь, чтобы не сказать лишнего. Габеллу не любил попов, а этого хитрого аббата он и на дух не выносил, однако вынужден был терпеть его присутствие: со Святым Престолом считается сам отец-император.

Из пелены оседающей пыли показалась небольшая кучка людей. Пленные — с десятков истерзанных пандейцев, окруженных солдатами с протазанами наперевес. Лесные воины не сдавались, сражаясь до конца и умирая, да и сами имперцы не слишком охотно брали их в плен — разве что повинаясь строгому приказу.

Аббат Туку оживился, а наметанный глаз маршала сразу выхватил из кучки пленных высокую темноволосую женщину в иссеченной кольчуге. Лицо амазонки было в крови, но

когда Габеллу поймал ее взгляд, сердце сурового маршала, светоча острия и опоры трона Его Величества, вдруг сдвоило удары: глаза пленницы горели раскаленными угольями. Руки ее были связаны и даже скованы цепями — имперцы уже знали, на что способны воительницы лесов: они умудрялись змеями выскальзывать из пут, выхватывали откуда-то из-под одежды и из волос небольшие зазубренные диски и металы их, безошибочно попадая в щели забрал.

— Ведьма, — тихо произнес кто-то из офицеров. — Они умеют залезать в души...

— Отродье дьявола, — злобно прошипел аббат. — Святой Престол повелевает немедленно отправлять таких на костер!

Габеллу промолчал. Он вдруг почувствовал, что дорого дал бы за то, чтобы эта ведьма, красивая какой-то дикой и необузданной красотой, оказалась бы не на костре, а на его походном ложе, пусть даже это грозило бы маршалу серьезным осложнением отношений с церковниками. Что могут знать эти попы о любви, хотя и ходят слухи об их «священных» оргиях? И неужели он, Габеллу-победитель, окруженный преданным ему войском, откажется от заслуженной награды из страха перед чернорясниками? Да никогда! Пусть аббат Туку жарит кого угодно, но только не эту женщину — так хочет он, имперский маршал Габеллу, светоч и опора!

— Пандейские ведьмы не годятся в наложницы, — негромко сказал отец Туку.

«Что он, мысли мои читает?» — изумился полководец.

— Их любви невозможно вкусить против их воли: богопротивным своим колдовством они превращают мышцы своего тела, в том числе и мышцы лона, в камень, и мужская плоть не в силах этот камень преодолеть.

— Откуда ты это знаешь, святоша? — Габеллу не выдержал. — Сам пробовал, да?

— Пути познания многочисленны, — аббат скромно потупился. — Чтобы узнать, что огонь жжется, совсем не обязательно касаться его рукой. Ведьму можно изнасиловать только кинжалом, но это, — преподобный вдруг гнусно хихикнул, — значит просто убить ее... очень оригинальным способом.

Маршал снова посмотрел на пленницу. В глазах амазонки полыхало беспощадное злое пламя, и Габеллу понял, что надеяться на ее добровольную любовь так же безрассудно, как с десятком телохранителей прорубиться через все Срединные Королевства и степи варваров до южной оконечности материка, до мыса Драконий Клык, где расположена столица разбойничьего княжества Ондол.

— Будь по-твоему, преподобный, — хрипло произнес Габеллу и отвернулся.

Он еще не знал, что эта женщина будет сниться ему до конца его дней и что он до глубокой старости будет сожалеть о том, что не попытался сделать невозможное...

«А когда мы ворвались в святилище, — сообщал аббат Туку, — то застали там десяток ведьм, дравшихся с остервенением бешеных волчиц. Они полегли, сражаясь, а мы нашли там каменного истукана, отвратительного видом. Идол являл собой статую женщины, свирепой ликом и с голой грудью, а на шее ее висело ожерелье, составленное из срамных уд мужских, отрезанных, по всей вероятности, от убиенных солдат наших. И когда солдаты это узрели, то пришли они в ужас и неистовство, и в дальнейшем избивали лесных дикарей без разбора...»

...Амазонка взшла на костер спокойно, презрительно глядя на толпившихся вокруг имперских солдат. Она молчала, и только когда политые маслом дрова вспыхнули и огонь вздыбился широким красным парусом, закричала пронзительно, перекрывая гул пламени:

— Слушайте и знайте, черви, полагающие себя людьми! Я, Итана, жрица Духа Лесов, прорицаю! Придет время, и придет тот, кто даст начало новой расе, расе истинных людей, а все ваши потомки сгинут, отравленные эхом страшного оружия, убивающим поколения! А-а-а-а!

Пророчество, подумал Максим, закрывая книгу. Ну, это уже сказки. Обойдемся как-нибудь без пророчеств — у нас и без них хлопот полон рот.

* * *

— Это хорошо, Мак, что ты сам хочешь взяться за это дело, — Сикорски побарабанил пальцами по столу. — Я, признаться, подумывал о тебе, подходишь ты для этой миссии... по многим параметрам, — он изучающе посмотрел на Максима. — Стрелять тебе, полагаю, не придется, хотя — кто знает. Но лучше все-таки обойтись без стрельбы, нам совсем не нужен еще один фронт — если ты не забыл, с Хонти мы все еще находимся в состоянии войны, официально мира никто не заключал. Впрочем, никто и войны не объявлял, просто поехали наши славные танки через границу и нарвались на атомные мины; дальнейшее тебе известно. В Хонти закипает терпкое варево, и хонтийцы до сих пор не ринулись на Республику только потому, что у них там идет вялотекущая гражданская война, в которой попеременно берет верх то Хонтийская Уния Справедливости, то Хонтийская Патриотическая Лига.

Эту гражданскую войну, подумал Максим, инициировали земляне-прогрессоры — во спасение бывшей Страны Неизвестных Отцов, а ныне Республики. Благими намерениями... Однако вслух он ничего говорить не стал — какой смысл?

— Пандея пока безмолвствует, — продолжал Странник, — но в ее давней и очень пылкой любви к Старой Империи — неважно, как эта Империя сейчас называется, — сомневаться не приходится.

— А что оно такое есть, Пандея? — спросил Максим.

Кое-что он уже знал и сам, но ему хотелось услышать, что скажет Сикорски: формулировки прогрессора-профессионала всегда отличались точностью и высокой информативностью.

— Пандея — весьма своеобразное государственное образование. В ходе многовековых феодальных войн, когда в центре материка — там, где сейчас мертвые пустыни, зараженные радиацией, — стремительно возникали и столь же стремительно распадались сколоченные мечом лоскутные королевства, эта северная область оставалась нейтральной, хотя наемники-пандейцы — и наемницы-пандейки — иногда воевали в рядах легионов Железного Воителя, основателя Первой Империи, расширявшего свои владения на юг. Этнически пандейцы, как и хонтийцы, родственны жителям имперских областей, и языки похожи — северная языковая группа, и это в какой-то мере способствовало взаимопониманию, хотя между собой все эти родственники резались порой с ожесточенным вдохновением — обычная практика раннего средневековья. После ряда кровопролитных войн и заключения мирных договоров границы между Севером и Югом по Голубой Змее и восточным отрогам хребта Зартак были признаны навек ненарушимыми — хотя, естественно, ненарушимость эта вскорости была беззастенчиво нарушена, экспансия Первой Империи на юг приостановилась, и тогда имперский маршал Габеллу обратил свой взор на север, намереваясь покончить с независимостью Пандеи.

Габеллу, сказал себе Максим, как же, как же, знакомый персонаж. Интересно только, насколько «Хроники» отражают реальные события и сколько в них намешано легендарно-былинных сказаний: каково, так сказать, процентное содержание.

— Война была ожесточенной. Имперским батальонам трудно приходилось в теснинах лесистых гор Пандеи — негде развернуться, — они несли серьезные потери и прибегали к тактике выжженной земли, уничтожая города и деревеньки, истребляя население и разрушая горные крепости. Жестокость войны была обусловлена и ее религиозной окраской: пандейцы оставались язычниками, стойко придерживавшимися древней веры предков, и это никак не могло нравиться отцам церкви. К тому же в Пандее — кстати, и по сей день сохранились основы матриархата, а согласно церковным постулатам, женщина — существо низшее, сосуд греха и так далее. А пандейские «сосуды греха» очень неплохо владели оружием — меткость лесных лучниц вошла в поговорки. Имперцы не церемонились с пленными амазонками, и те платили завоевателям той же монетой. Там тогда много чего было: и сжигание на кострах, и закапывание живьем в землю, и сдирание кожи, и скармливание связанных людей муравьям, причем этим занимались обе противоборствующие стороны. От полного геноцида пандейцев спасло только нашествие южных конных варваров, опустошившее центральные королевства материка и на века отвлекшее силы Империи. В конце концов после целой череды долгих

войн Пандея сохранила право суверенитета, хотя формально стала частью Старой Империи. Пандейцы живут по своим клановым обычаям, очень сложным и запутанным, хотя в целом Пандея — централизованное и промышленно развитое государство. Ядерная война Пандею почти не затронула — разрушения и потери, в отличие от той же Хонти, были невелики, а как только Неизвестные Отцы захватили власть, Торир Энгу, кёниг Пандейский, племянник старого императора, объявил о выходе Пандеи из войны. С тех пор время в стране как будто замерло: кёниг Энгу, верховный правитель, объявил себя регентом Империи и ее законным правопреемником. Он грезит, вернее бредит, сладкими воспоминаниями о старых добрых временах и смотрит на бывшую Страну Неизвестных Отцов, а заодно и на Хонти, как на неразумных вассалов имперской короны, которых надо бы как следует проучить, да некому, а ему все недосуг. Однако сам великий кёниг давно уже не является реальной политической фигурой — стар, слаб и не слишком крепок умом. Замшелый обломок имперского прошлого, ходячий экспонат музея. В Пандее всем и вся управляет его молодая жена, кёнигин Итана Энгу.

— Женщина?

— Женщина. Если ее супруг — ходячий музейный экспонат, то она — ходячий атомный реактор или даже ходячая атомная бомба. Энергии у мадам Итаны хоть отбавляй, и хорошо бы использовать эту энергию в мирных целях. Пандейские амазонки — это отдельная и очень обширная тема. Достаточно сказать, что женщины составляют большую — и лучшую — часть пандейской армии. Воинственные правнучки воинственных прабабок...

— А пандейские ведьмы? — безмятежно осведомился Мак.

— Ведьмы? Вижу, Максим, ты уже ознакомился с этой темой. Да, есть такие. Судя по имеющимся у нас данным, так называемые пандейские ведьмы обладают недюжинными экстрасенсорными способностями. Считается, что воспитанием ведьм занимаются дервиши — это нечто среднее между сектой и официальной религией. Пандейские дервиши напоминают Колдуна — того самого, с южного пограничья. Эти старцы в рубищах обладают целым рядом загадочных способностей и сильно влияют на внешнюю и внутреннюю политику Пандеи, хотя вроде бы держатся особняком. Вот такой там экзотический клубок, Максим. А теперь давай по существу.

— Я слушаю вас, Рудольф.

— Пандея — это наиболее благополучное государство континента. Там нет ни нашей разрухи, ни хонтийской политической чехарды, ни, тем более, атомных пепелищ. У Пандеи имеются к нам серьезные претензии, однако пандейские амазонки сочли преждевременным хвататься за оружие и решили начать с переговоров. В Пандее, естественно, уже в курсе всех наших перемен, и не далее как вчера я получил от пандейцев официальное приглашение на переговоры. Место встречи — небольшой пограничный городок, райский северный уголок, который война обошла стороной. Это, пожалуй, одно из немногих мест на Саракше, где еще можно увидеть, какой была эта планета до того, как безумцы из Центральных Держав отдали команду на запуск атомных ракет и в воздух поднялись бомбардировщики с ядерным грузом на борту.

— И вы поедете?

— Нет — ты поедешь. Один — без меня.

— Я? — изумился Максим.

— Да, ты. Есть у меня основания полагать, что ты для этого более пригоден, чем я. А протокол соблюден: пандейцы осведомлены о твоём высоком статусе и прекрасно знают, что ты отнюдь не рядовой чиновник для поручений. Что они нам предъявят, я могу только догадываться, — с пандейцев станется и потребовать возврата дани трехсотлетней давности, и даже признания Республикой своего вассального положения по отношению к пандейскому сюзерену. Полагаюсь на твой интеллект, Максим, а также на то, что ты уже приобрел здесь кое-какой опыт общения с саракшианами. Война с Пандеей нам не нужна — худой мир лучше доброй ссоры, важно только, чтобы этот мир не оказался слишком уж худым. Кое-

какие детали мы с тобой еще обговорим, а в общих чертах ты свою задачу, надеюсь, понял.

— В общих чертах — понял. Рудольф, я хотел бы вас вот о чем попросить: пока меня не будет, позаботьтесь о Раде и о старике.

— Само собой разумеется. О них ты можешь не беспокоиться, побеспокойся лучше о себе. Тебе предстоит встретиться с ведьмой, — а во главе пандейского посольства наверняка окажется именно такая особа, — и это может оказаться не самым простым делом. А теперь о деталях. Компиляция информационных материалов по Пандее для тебя уже подготовлена, и, кроме того...

...Интересно, думал Мак, возвращаясь к себе, и почему это Странник счел меня более подходящим для этой ответственной дипломатической миссии, чем себя? Темнит?..

* * *

— Вот, ваше превосходительство, — сидевший на переднем сиденье невысокого роста ротмистр пограничной стражи, одетый в изрядно поношенную и выцветшую форму Легиона, махнул короткопалой кистью, перевитой жилами и похожей на старый древесный корень. — Мы почти приехали.

Ротмистр был стар. Служить он начал, по всей видимости, еще во времена Империи, многое видел, многое пережил, карьеры не сделал, и потому выработал философский взгляд на жизнь. К «высокоуполномоченному Временного Совета» он обращался почтительно, но без подобострастия, и это Максиму нравилось — слишком уж надоел ему за последнее время явный и скрытый подхалимаж, царивший в коридорах власти.

Кортеж — длинная черная бронированная машина «представительского» класса и два транспортера с охраной (один спереди, другой сзади) — перевалил через гребень пологого холма и покатился вниз, к реке. Последние двадцать километров пришлось преодолеть по земле: пандейцы нервно воспринимали появление летательных аппаратов у своей границы, и Максим сменил летающую штабную платформу на эту автоколымагу, которую он сразу же окрестил «катафалком». Окна в «катафалке» были маленькими и подслеповатыми, и поэтому видно из него, да еще с заднего сиденья, массаракш, было плохо: Максиму удалось только различить впереди мост через реку и какие-то строения на том берегу. Ему страшно надоело сидеть в тесном чреве посольского авто, где душно пахло старой кожей обивки салона, и как только кортеж остановился, Максим сразу же выбрался наружу, вдохнул полной грудью воздух — хороший, чистый, настоящий воздух, без примеси дыма, не говоря уже о радиации, — и огляделся.

Да, подумал он, прав был Странник. Это действительно райский уголок, невозможное место среди исполинского кладбища полуживых, именуемого Саракшем. Неширокая река с прозрачной водой: видны желтое песчаное дно и рыбная мелочь, резвящаяся у дна. Пара пестрых птах, сосредоточенно прыгающих у самой воды в поисках снеди; живая и сочная зелень лугов, разрезанная бурой полосой ненаезженной дороги, по которой прибыл кортеж. Оазис жизни в мире смерти, оставшийся не тронутым атомной чумой, — за рекой лесистые горы, скругленные и уютные, словно греющиеся на солнце домашние коты; и где-то там есть засеянные поля и уютные города без грязи. Вот какая ты, Пандея, мир древней магии и лихих амазонок... Хотя, быть может, это всего лишь прихожая, а дальше там все как везде на этой несчастной планете: и пыль, и мусор, и неустроенность, и ложь, и злоба. И все-таки — красиво и похоже на Землю, бережно хранимую руками людей, ставших людьми...

Так, сказал себе Максим, отставить расслабляться. Хозяева — и хозяйки — всей этой буколки настроены не слишком дружелюбно по отношению к бывшей Империи, бывшей Стране Отцов, а ныне Республике: они вроде бы имеют к ней основательные претензии. И ты, Ваше превосходительство, Высокий уполномоченный по дипломатической части, прибыл сюда не отдыхать-дышать свежим воздухом, а дело делать. Так, и что тут у нас насчет дела?

Имперский берег реки был пустынным, только у основания моста, возле полосатого

шлагбаума и такой же полосатой будки, стояли двое часовых-пограничников с автоматами. На противоположной стороне моста, возле серого шлагбаума и серой будки, виднелись две фигуры в пятнистых камуфляжных комбинезонах пандейской пограничной стражи, а сразу же за этим контрольно-пропускным пунктом начинался городок, вернее поселок: несколько десятков игрушечных разноцветных коттеджей, беспорядочно разбросанных вдоль берега. И еще Максим заметил вдалеке, на заречном холме, какие-то развалины, похоже старинные, — они были сплошь увиты дикой зеленью.

— Что это? — спросил он пограничного ротмистра, вылезшего из машины и стоявшего рядом с ним, показывая на эти развалины.

— Руины древней пандейской крепости Гааг-До, Ваше превосходительство. Восемьсот лет назад войска имперского маршала Габеллу Непобедимого...

Вот это да, подумал Мак, вглядываясь в расплывшиеся очертания разрушенных стен и башен. Случайно или умышленно пандейцы выбрали для «дипломатических переговоров на высшем уровне» именно это место? Ох, чую, неслучайная это случайность... Значит, мы ехали там, где когда-то шагали через леса железные батальоны этого самого Габеллу, как его там, светоча острия? Лесов давно нет, свели их начисто за сотни-то лет, а вот развалины — развалины остались. Историческая память, массаракш...

— Значит, это там сожгли пандейскую жрицу? — спросил он, в упор глядя на старого служаку.

— Да, если верить легенде, — ротмистр пожал плечами. — В старину воевали жестоко, Ваше превосходительство. Где-то вон там, — он махнул рукой в сторону лесистых пандейских гор, — есть Роща Черепов, в которой ведьмы согнутыми стволами деревьев разрывали на части пленных солдат Империи. Если верить легенде, Ваше превосходительство.

На противоположном берегу реки вспыхнул яркий огонек, похожий на солидных размеров солнечный зайчик, и ротмистр встрепенулся.

— Идемте, Ваше превосходительство, — сказал он, подбираясь и становясь как-то даже выше ростом, — вас уже ждут.

Они — Максим, ротмистр, переводчик-секретарь и четверо солдат почетного эскорта — подошли к основанию моста на этой стороне реки, когда на той стороне показалась группа людей в форме, быстрым шагом двинувшаяся им навстречу. Дипломатический протокол официально-конфиденциальных встреч на высшем уровне соблюдался до мелочей: имперцы (для хозяев этих мест они оставались имперцами) и пандейцы встретились точно на середине моста.

Пандейцев было пятеро. Все они были одеты в комбинезоны «хамелеон», менявшие окраску с зеленой на серо-голубую, — в униформу пандейского спецназа, — и все они были молодыми женщинами. Об их принадлежности к элитным частям говорили зеленые береты, скрывавшие волосы, и нагрудные знаки: дикая кошка, вытянувшаяся в прыжке. У четырех «кошек» висели за плечами автоматические винтовки, у пятой на правом боку — кобура, из которой виднелась рубчатая рукоять пистолета, на левом — клинок, представлявший собой нечто среднее между длинным ножом и коротким мечом. Наверное, мелькнуло в голове Мака, такими вот ножичками предки этих девиц, если верить легенде, и творили бусы для своей богини. Для Духа Лесов — или как там будет «дух» в женском роде?

Максим не часто общался с саракшианками, и поэтому сейчас он во все глаза (стараясь все же не выходить за рамки дипломатической вежливости) разглядывал пандеек. Девушки были симпатичными, однако их портило каменное выражение лиц, делавшее их похожими на ожившие статуи. Интересно, умеют ли они улыбаться, подумал он. Наибольший интерес у Максима вызвала старшая из «кошек». На вид ей было около тридцати, и она была вооружена мечом. Старшая, несомненно, была красива, но глаза... Зеленовато-серые глаза амазонки источали льдистый холод — это были глаза профессионального убийцы, и хотя пандейка несколько не походила внешне на незабвенного ротмистра Чачу, Максим ничуть не сомневался в том, что по духу они брат и сестра — одного поля смертоносные ягоды. Вот

же головорезка, подумал Максим, и откуда только такие берутся...

— Есаул Аанни, — представилась «головорезка». — Имею радость препроводить вас в Дом Беседы.

Она говорила на староимперском, твердо выговаривая согласные, но никакой особой радости ее ледяные глаза отнюдь не выражали. Ритуал, подумал Максим. Есаул? Ну да, в Пандее кавалерия как род войск существовала дольше всех других стран континента, а затем кавалерийские чины и звания переключались в спецназ, в корпус «яростных лесных кошек». И тут только он сообразил, что «кошек» только пять, а не семь, как имперцев, и что Аанни — всего лишь командир эскорта, а никак не глава миссии. Странно... Неужели пандейское посольство возглавляет какая-нибудь ветхая старушка, которой сложно добрести до моста?

— Высокий уполномоченный Временного Совета Республики Мак Сим, — ответил Максим по-пандейски (не зря практиковался!), соблюдая вычурные обороты речи. — Радуюсь встрече, есаул Аанни, и готов идти с вами путем, который вы укажете.

На красивом лице пандейки не дрогнул ни один мускул. Она повернулась и пошла, нимало, похоже, не заботясь, следуют ли за ней гости. Аанни шла перетекающей походкой, походкой сильной, ловкой и уверенной в себе хищницы, и Максим подумал, что пяток таких вот «кошек» могут стать серьезными противниками даже для него.

Они шли недолго. Миновав пандейских пограничников (эти оказались мужчинами, механически-отточено взявшими «на караул»), делегация прошла метров сто и остановилась у одноэтажного белого здания с тонированными окнами и широким каменным крыльцом.

— Здесь, — лаконично уронила Аанни, показывая на крыльцо. — Вас ждут, Высокий уполномоченный.

Сказав это, она спокойно отошла в сторону (ее солдаты последовали за ней), села на невысокую скамеечку слева от крыльца и застыла-окаменела. Богопротивным колдовством они превращают мышцы своего тела в камень, вспомнил Максим. Пограничный ротмистр со своими легионерами расположился напротив (он казался ничуть не удивленным), а Максим в сопровождении секретаря-переводчика поднялся по ступенькам крыльца и потянул на себя тяжелую деревянную дверь.

* * *

В просторном холле было полутемно. Вероятно, это было сделано специально — кому-то, наверное, хотелось проверить, как будет себя вести посол бывшей Империи, прибывший на переговоры и оказавшийся вдруг в пустом помещении, где мало света. Но этот кто-то не знал, что Максим хорошо видит не только в полумраке, но и в полной темноте.

Максим огляделся, не обнаружил ничего примечательного, спокойно пересек холл и раздвинул висячую занавеску из стеклянных бус, разошедшуюся с легким звоном; секретарь следовал за ним безмолвной тенью. Комната за занавеской была освещена и не была пустой: в самой ее середине за низким квадратным столом из темного дерева сидела темноволосая женщина в строгом сером брючном костюме: смуглая, с яркими и очень выразительными глазами. А перед столом стояло второе кресло, пустое, и поодаль, у стены, — еще одно.

— Мак Сим, Высокий уполномоченный Временного Совета Республики. С кем я имею радость встретиться?

— Итана Энгу, великая кёнигин Пандейская, — ответила женщина, беззастенчиво рассматривая его с головы до ног. — Радуюсь встрече с Маком Симом — я слышала о тебе.

Голос у кёнигин был бархатно-вкрадчивый. Мягкая кошачья лапка с коготками, подумал Мак, пытаюсь собрать в кучу мысли, разлетевшиеся сухими листьями под порывом ветра. Вот это да... Фактическая правительница Пандеи собственной персоной — кто бы мог подумать? Так вот почему она не вышла мне навстречу — статус не позволяет: кто она и кто я... Но обращение на «ты» — это отнюдь не фамильярность царственной особы: согласно пандейскому этикету, оно означает предрасположенность. Хороший знак... И одновременно он понял, что почувствовал маршал Габеллу восемь веков назад, глядя на плененную

жрицу, — это было как удар в сердце. Да, пандейские ведьмы действительно существуют, это тебе не сказки... Сколько же ей лет? По виду — лет тридцать, не больше, да и Странник говорил о «молодой жене» кёнига Торира Энгу. И тут вдруг Максим ощутил легкое, почти незаметное покалывание в висках. Э, нет, на экстрасенсорику нас не возьмешь...

— Садитесь, гости, — Итана чуть шевельнула рукой, — будем говорить.

Только тут Мак заметил еще одну женщину, сидевшую за спиной кёнигин, — скорее всего, та была переводчицей. Вряд ли правительница Пандеи в ней нуждалась — она без всякого акцента говорила по-имперски, — однако протокол есть протокол. Каммерер сел, продолжая чувствовать на себе ошупывающий взгляд великой кёнигин. Ах так, сказал он себе, ощущая какую-то странную неловкость, ладно, я тебя сейчас тоже буду рассматривать, ведьма лесная...

Взаимный обмен испытующими взглядами продолжался недолго. Но даже если бы у Максима было больше времени, он вряд ли смог бы описать внешность великой кёнигин. Он сказал бы коротко: эта женщина совершенна (и даже удивительно, что она дочь дикого варварского мира). Единственное, что запомнил Максим, — глаза Итаны, словно две «черные дыры», два провала в параллельные вселенные, где умирает и вновь рождается свет. Да, пандейские ведьмы действительно существуют, и встречаться с ними — не самое простое дело...

— Итак, — похолодевший голос кёнигин вернул его к действительности. — Мне очень бы хотелось, чтобы наша встреча оказалась полезной для обеих наших держав. Запоминайте и записывайте, — она посмотрела на секретарей, — все, что услышите. Волею великого кёнига Пандейского, являющегося также законным императором всех северных земель, я имею сказать: наилучшим разрешением противоречий между Пандеей и бывшей Империей, ныне именующей себя Республикой, станет присоединение бывших имперских областей к Пандее и признание населением этих областей Торира Энгу, великого кёнига, императором Новой Империи. Что имеет на это сказать Мак Сим, Высокий уполномоченный Республики?

Максим выдержал небольшую паузу.

— У меня вопрос, великая кёнигин: зачем это нужно Пандее?

— Вам незнакома суть нашей истории, господин Высокий уполномоченный? — на смуглом лице Итаны проступило легкое презрение.

— Более чем знакома. Но мне известно, что ваша страна под мудрым управлением его светлости кёнига Пандейского процветает: у вас нет ни особых внутренних трудностей, ни насущных проблем, требующих немедленного решения. Зачем же вам брать под свою руку разоренную страну с полуразрушенной экономикой и неустойчивой политической структурой? Какая вам от этого польза? Вам остро нужны заговоры, преступность, неустроенность и озлобленность сорока миллионов голодных людей? Чем вы их будете кормить, и какой вам от них прок? Вы получите закон сообщающихся сосудов: наша разруха перетечет к вам и уровень жизни в Пандее снизится — это неизбежно. Мир изменился, и многие земли уже не столь ценны, как это было в прежние времена... Так не выгоднее ли Пандее заключить прочный союз с Республикой и торговать, извлекая из этого гораздо больше пользы? Или, преследуя суть истории, вам непременно нужна война? На это я могу сказать одно: единственное, что мы еще не разучились делать, — это стрелять. Война с нами не будет для Пандеи ни легкой, ни победоносной. Будут горы трупов с обеих сторон, и что в результате? Чего вы добьетесь? Того же, с чего мы начали, — присоединения земель, уже окончательно доведенных до нищеты. Вам это надо? Великому кёнигу Пандейскому мало власти? (Максим чуть было не сказал: «Тебе, великая кёнигин, мало власти?», но вовремя себя одернул.) А если дело дойдет до атомных бомб — нужна ли великому кёнигу власть над радиоактивными пустынями: такими, как за Голубой Змеей? А эти пустыни могут появиться и здесь, на месте этих живописных гор. Подумайте об этом, правители Пандеи. А я волею Временного Совета Республики имею сказать: мы гарантируем вам ненападение с нашей стороны. Республика — это не Страна Неизвестных Отцов, великая кёнигин Итана, у нас иные планы на будущее.

— И какими же планами вы можете нас увлечь? — спросила пандейка. В ее голосе крошился лед.

— Просто жить. Хорошо жить и радоваться жизни. И все это — не за чужой счет.

Наступило долгое молчание, прерываемое только шорохом бумаги — оба секретаря торопливо поправляли свою скоропись.

— Я выслушала, — произнесла кёнигин, нарушая затянувшееся молчание. — А ты не только... — она вдруг запнулась, — ты еще и умен, Мак Сим. Это хорошо...

Итана сделала знак своему секретарю, та исчезла за стеной, оказавшейся искусно выполненной ширмой, и вскоре вернулась, неся маленький поднос с четырьмя чашечками, истекавшими ароматным паром. Лесной чай, вспомнил Максим, — он подается, когда между гостями и хозяевами наметилось взаимопонимание. Хороший знак...

— Я обдумала твои слова, Высокий уполномоченный, — сказала пандейка, поднося к губам чашку и пристально глядя на Максима, — и я отвечу тебе сегодня вечером. Приходи, когда начнет темнеть, — приходи один, и без оружия.

И великая кёнигин Итана Энгу, правительница Пандеи, рассмеялась — звонко, как молоденькая девочка, беззаботно радующаяся жизни.

Что бы это значило, думал Максим, возвращаясь со своим эскортом во временный лагерь дипломатической миссии за рекой. Он знал, что саракшианская идиома «приходи один, и без оружия» означает «можешь ничего не опасаться», но ему почему-то казалось, что в словах Итаны таился и другой смысл.

* * *

Максим, разумеется, не воспринял слова Итаны «приходи один, и без оружия» буквально. Высокий уполномоченный Временного Совета, в одиночестве отправляющийся под вечер к верховной правительнице Пандеи через имперско-пандейскую границу — это выглядело бы до крайности нелепо. Не хватало еще переправиться через реку вплавь, выше или ниже по течению, а потом в темноте разыскивать в поселке нужный дом. Максим возглавлял важную дипломатическую миссию, и ему и в голову не могло прийти совместить эту миссию с чем-либо еще. Вечерний визит на пандейский берег был обставлен официально: Максим прибыл в сопровождении своего привычного эскорта и сверх того прихватил с собой двух офицеров контрразведки, раздосадованных тем, что они не смогли принять участие в утреннем визите к великой кёнигин. Последнее было со стороны Мака чистым мальчишеством: ты сказала мне прийти одному, а я приведу с собой еще больше народу — я сам это решаю.

Впрочем, кёнигин Итана и не предполагала, что Мак Сим поймет ее буквально: в Доме Встреч, судя по накрытому столу, ждали не гостя, а гостей — во множественном числе. Сам по себе накрытый стол был еще одним хорошим знаком, но Мак испытал вдруг что-то похожее на разочарование: ему почему-то хотелось, чтобы Итана ждала только его — одного. Несуразность этой мысли была очевидной, и Максим постарался выбросить ее из головы.

Банкет был строго официальным. Дружеским его назвать было нельзя: слишком много взаимных обид накопилось между двумя странами за долгие века, и забыть эти обиды было не так-то просто. Поднимались тосты за здоровье Исполреша Республики, за здоровье кёнига Торира Энгу и его несравненной супруги, за взаимопонимание и за процветание, за мир и дружбу, но холодок не уходил, он отчетливо витал в воздухе: кёнигин Энгу так еще и не дала ответа на предложение Мака Симе. Есаул Аанни с холодной улыбкой принимала цветистые комплименты офицеров-контрразведчиков, поочередно глядя на них обоих из-под полуопущенных ресниц, переводчики молчали и слушали, и только старый ротмистр налегал на пандейское вино и дичь, радуясь редкой возможности скрасить свое унылое пограничное существование. Максим ждал слов кёнигин, но Итана, сменившая свой деловой костюм на длинное искрящееся вечернее платье, молчала — казалось, она погружена в какие-то свои

тайные мысли, не имеющие никакого отношения к переговорам на высшем уровне. Время от времени она бросала на присутствующих быстрые взгляды, и когда Максим встречался с ней глазами, ему казалось, она что-то намерена ему сказать. Отчего-то хотелось, чтобы все остальные участники банкета поскорее наелись и ушли, оставив их с Итаной наедине.

Что за наваждение, думал он, опять пандейская экстрасенсорика? Или древняя пандейская магия, в которую он готов был с удовольствием поверить? Или?.. Ну, же кёнигин! — говорил он себе, заедая душистыми лесными ягодами терпкое вино.

Максим ждал, и все-таки развязка была для него неожиданной. Итана допила бокал, встала из-за стола и сказала, глядя на Мака своими бездонными черными глазами, — сказала так, словно вокруг никого больше не было:

— Ты ждешь моего ответа, Высокий уполномоченный? Идем — я дам тебе ответ, Мак Сим.

И Мак встал и пошел за ней, чувствуя, как плывет под ногами прочный деревянный пол. Он ощущал спиной взгляды имперцев и взгляд Аанни и понимал, что ему все это безразлично. Он шел за Итаной, желая получить ответ, и не особенно признавался даже самому себе, что ждет от нее большего, чем несколько слов, пусть даже слов государственной важности.

Они миновали несколько комнат, оставляя за спиной ширмы, смыкавшиеся с тихим шорохом, и оказались в почти полной темноте, прореженной множеством слабо светящихся зеленых огоньков, окружавших их со всех сторон и казавшихся живыми. Итана повернулась к Максиму — глаза ее мерцали в такт живым огонькам на стенах — и прошептала:

— Ты ждешь ответа, посланник? Вот мой ответ: между нашими странами будет мир.

С этими словами она резким движением рванула рубашку на груди Мака.

Ну вот, промелькнула в голове Максима несвоевременная и предельно нелепая мысль, оправдывайся теперь перед интендантом Департамента за испорченную новенькую форму. Вторая — любопытная версия дипломатии. И третья мысль, гораздо менее нелепая: а как же Рада? Но тут же эти мысли были смыты потоком взбунтовавшейся крови. Он подхватил Итану на руки — она показалась ему легче перышка — и понес ее к широкому ложу: землянин Максим Каммерер отлично видел в темноте.

* * *

— Я не ошиблась в тебе, посланник, — шепот Итаны вырвал Максима из накатывавшей на него дремоты. — Скажи мне, откуда ты появился?

— Что? — последние слова пандейки стряхнули с него сонное оцепенение. — А с чего ты взяла, что я откуда-то появился?

— Я смотрела тебя — так, как умеем делать это мы, потомственные ведьмы лесов. Ты не прост, Мак Сим, и дело даже не в том, что ты силен, как демон Тайных Пещер. Ты другой — есть в тебе что-то, чего я не встречала раньше ни в одном мужчине, а их я познала немало.

Ведьмовское чутье, подумал Максим. Да, Страннику не стоит направлять в Пандею своих сотрудников-землян: наверняка кёнигин Энгу не единственная ведьма на всю эту экзотическую страну. И версия с горцами не прокатит — за сотни лет пандейцы что-нибудь о них да узнали и отличат подделку от подлинника. Да, об этом надо обязательно сообщить Сикорски.

— Я не знаю, откуда я, то есть не помню. Ученые называют это амнезией, а я сам...

— Не хочешь говорить — не надо, — Итана дотянулась до шеи Максима и ощутило ее куснула. — Думаю, ты пришел из-за небесной тверди, есть у нас легенды о таких пришельцах. Но это не важно — важно то, что тыходишь.

— Подхожу для чего? — подозрительно осведомился он, приподнимая голову.

— Для исполнения древнего пандейского пророчества, Мак Сим.

Пророчества, мелькнуло в сознании Мака, уж не того ли самого пророчества жрицы Итаны, о котором сообщал преподобный Туку в своих «Хрониках»?

— Ты станешь отцом моего сына, — Итана зажмурилась и закинула руки за голову. — У меня будет сын — мы умеем регулировать пол ребенка, — он вырастет, у него будет много жен, которые родят ему много сыновей, моих внуков, и через несколько поколений новая раса людей овладеет всем нашим миром. Древнее пророчество исполнится, посланник.

Оригинальный способ прогрессорства, ядовито подумал Максим, надо будет предложить его КОМКОНу. Но что самое интересное, в нем есть рациональное зерно: земляне биомодифицированы и отличаются от аборигенов Арканара или Саулы, и от своих предков-землян они тоже отличаются. Вот тебе и ведьма пандейская...

— Так ты затеяла все это лишь потому... — спросил он, ощущая себя уникальным образцом.

— Не только, — Итана обняла землянина и с неожиданной для Максима нежностью поцеловала его в щеку. — Ты понравился мне — сразу. Женщины редко обращают внимание на мужчин только по необходимости, и никогда это не доставляет им большого удовольствия. У меня будет сын, Мак Сим, и он будет расти в мире — между нашими державами не будет больше войн.

— Так ты решила покончить с враждой Пандеи и бывшей Империи только по этой причине?

— Не только, — повторила Итана. — Ты мудр, ты нашел простые и понятные слова и показал мне бессмысленность старых вассальных распрей между нашим странами. И я окончательно решила, что ты обязательно станешь отцом моего ребенка.

Благодарность, выраженная в очень своеобразной форме, подумал Максим.

— Спасибо и на этом, — он усмехнулся, надеясь, что в темноте Итана не заметит его усмешки.

— Только спасибо? Мне этого мало... — пандейка привстала. — Наше путешествие еще не закончилось, посланник...

Глава 4

КОЛЬЦО НЕНАВИСТИ

Ночь завершилась самым обычным утром, и безудержная Итана снова стала великой кёнигин Пандейской, холодной властительницей. Никто ни единым словом не позволил себе даже намекнуть о событиях этой ночи, хотя в ледяных глазах есаула Аанни Мак увидел какой-то странный огонек. Он насторожился, но вскоре заметил блуждающую шалую улыбку на лице одного из контрразведчиков и пятно у него на шее и сообразил, что есаулу нет никакого дела до дипломатических собеседований ее госпожи — этой ночью у пандейской головорезки была своя собственная дипломатия.

...Пышных проводов не было — было деловое совещание, в ходе которого высокие договаривающиеся стороны приняли совместный меморандум, определяющий дальнейшие отношения между Пандеей и Республикой. Условия меморандума устраивали всех, и после ратификации его правительствами обеих стран договор о дружбе и взаимовыгодном сотрудничестве должен был вступить в силу. Максим не сомневался, что кёниг Торир Энгу подчинится своей энергичной супруге и поступит так, как она пожелает.

Дипломатическая миссия Мака завершилась. Дело было сделано, и вскоре пограничная река разделила его и Итану. Как подозревал Максим — навсегда: минувшая ночь уже принадлежала прошлому. На полевом аэродроме Мак расстался со старым ротмистром, пожав ему на прощанье руку и подарив бутылку коньяка из представительских запасов. Пограничник держался молодцом, но Мак видел, что ему нездоровится: старый вояка накануне явно переусердствовал, сражаясь с алкогольными напитками потенциального противника. Каммерер пересел на летающую платформу, ожидавшую высокоуполномоченного Временного Совета.

Взвыли винты. Секретарь-переводчик, хмурый, как осенний день в дождливую погоду, возился в углу салона, сосредоточенно сортируя документы, офицеры охраны дремали, и

Максим, вытянувшись в кресле, получил возможность поразмыслить.

Это что же получается, думал он, глядя на проплывавшие внизу серые равнины бывшей страны Неизвестных Отцов, я целовал Итану сугубо в дипломатических целях? Нет, брат, ты целовал бы ее не менее жадно, даже если бы на следующий день между Пандеей и бывшей Империей началась атомная война. Ты целовал ее не ради мира во всем мире, а ради себя. И был ты свиньей по отношению к Раде... А ведь мне с ней тепло, и ей тепло со мной. Рада мне ближе, а не пандейская ведьма-кошка, которая гуляет сама по себе. Да, по отношению к Раде я поступил не очень хорошо, но что-то я не хочу искать для себя никаких оправданий.

...Сикорски, получивший от Максима кодированное сообщение, состоявшее всего из одного слова — «успех», встретил его сразу по приземлении, несмотря на позднее время. Он сам вел машину, и по пути в Департамент Максим рассказал ему все, от и до.

— Кольцо ненависти разорвано, — сказал Рудольф, выслушав его рассказ. — В одном месте, но разорвано. Я был прав, Максим, — ты прекрасно справился со своей задачей.

Вот тебе и дипломатия любви, подумал Максим. Или любовь, или ненависть, или-или, третьего не дано. Хотя нет, есть еще равнодушие. А Странник — он у нас кто: ненависть, любовь, равнодушие?

— Послушайте, Рудольф, а вы с самого начала отводили мне роль дипломатической игрушки кёнигин Энгу? Поэтому меня и послали?

— Я не исключал такой возможности, — спокойно ответил Сикорски, — хотя и не знал, что пандейское посольство будет возглавлять именно она. Не надо делать из меня чудовище — я не рассчитывал на такое решение великой кёнигин Пандейской, ты сам кинулся во все тяжкие, и, насколько я понял, с немалым удовольствием. Ты сумел убедить кёнигин, и это главное, а ваши с ней истории — это другой вопрос. Хотя, не скрою, я доволен таким поворотом событий — и как советник по особым делам, и как прогрессор. Но политика политикой, а отношения между мужчиной и женщиной — материя тонкая; жаль, что этому тебя не учили в школе. В объятиях прекрасной пандейки ты ведь наверняка не думал о союзном договоре, не так ли?

— Не думал, — признался Максим. — Я тогда вообще ни о чем не думал, даже о Раде.

— Рада, — Сикорски бросил на него быстрый взгляд, — Рада у тебя умница, и она тебя любит. Надеюсь, она тебя поймет — если, конечно, ты сумеешь найти нужные слова. Но тут я тебе не советчик, Максим, — это личное дело.

...Рада выслушала его, молча. Она грустно молчала и потом, когда он закончил рассказ. Нет, сказал он себе, между нами не должно быть никакой лжи. Итана — Итана уже растаяла, превратилась в дымку, в легкий туман, а Рада — вот она, рядом, и будет рядом с ним всегда.

— Я знала, что это случится, — тихо сказала она, не поднимая головы. — Ты большой вождь, Мак, генерал-предводитель, как назвал тебя дядюшка Каан, а вождей всегда любили женщины. У тебя будет много женщин, да? — она подняла голову, и Мак увидел в ее глазах набухшие капли слез.

— Ну что ты, что ты, Рада, — сказал он, взяв ее за плечи. — У меня есть ты, и не нужен мне никто, и вообще...

— Не надо, — попросила она, высвобождаясь из его объятий. — Я тебя люблю, и я согласна, что я никогда не буду для тебя единственной. Если надо, я уйду... — добавила она с горечью.

Нашел слова, называется, растерянно подумал Максим. И что же мне теперь делать, как ее успокоить? Ему вдруг пришло в голову, что самое лучше — это взять Радку на руки, закрыть все замки и целовать ее долго-долго, до самого утра, пока горечь ее не растает.

Но осуществить свое благое намерение Максим не успел — раздался телефонный звонок, показавшийся ему пулеметной очередью в спину.

— Да, — произнес он, взяв наушник (наверняка это Странник, массаракш!).

— Максим, — в наушнике действительно раздался голос Сикорски, — даже если у тебя серьезные осложнения в личной жизни, отложи их на потом. Ты мне нужен — срочно!

— Господин генерал, пора принимать решение, — настойчиво повторил «кошелек». — Коммерческую схему мы с вами обсудили, технические вопросы тоже. Остались пустяки, сушие пустяки: ваше согласие или несогласие. Итак, ваше слово: да или нет?

Попался бы ты мне пару лет назад, с бессильно злобой подумал Лике Шекагу. Я не стал бы даже марать о тебя свои честные солдатские руки и тратить на тебя пулю — я отдал бы приказ, и мои легионеры, содрав с тебя дорогой костюмчик и попинав тебя сапогами, отвезли бы тебя в грязном грузовике — в кузове, массаракш, мордой вниз, — в Департамент общественного здоровья, где тебе очень бы обрадовались. И там ты очень быстро признался бы в том, что ты хонтийский шпион — собственно, это так и есть, — а заодно и в шпионаже в пользу Пандеи, Островной Империи и даже в пользу южных варваров и мутантов-выродков. А теперь я, кавалер двух Золотых Знамен, носитель знака «Порыв и натиск», гроза и пламя, броненосный кулак Отцов, слушаю тебя, мозгляка, и даже киваю благосклонно... Где они, Отцы, — времена изменились, сила и величие рассыпались в пыль, и такие «кошельки» царят и правят. Массаракш-и-массаракш, тридцать три раза массаракш...

Никуда ты не денешься, с уверенным презрением думал хонтиец, потому что некуда тебе деться. Ты привык властвовать, распоряжаться жизнями, приказывать и повелевать, ты слишком к этому привык. Ты любишь власть, тупорылый солдафон, а еще ты очень любишь молоденьких девочек и коллекционный коньяк. Все это — и власть, и удовольствия — раньше ты имел по статусу, а теперь за все это надо платить «оливковыми», которые у нас — есть, а у тебя — нет. И ты обменяешь на деньги свой патриотизм, непременно обменяешь, потому что весь твой патриотизм — дутый, прыщ ты бронированный... А с ответом ты тянешь только потому, что боишься продешевить; ты считаешь-прикидываешь, как тертая уличная девка. Но в итоге проститутка все равно задерет подол и снимет трусы, по-другому не бывает.

— Я хотел бы знать, от кого исходит предложение, — угрюмо буркнул генерал-легат.

— С самого верха, Ваше превосходительство, — «кошелек» снисходительно улыбнулся. — Операция санкционирована Кимси Туном, президентом демократической Хонти и главой Хонтийской Унии Справедливости. Военную часть акции обеспечивает лично генерал Тензе Ронг, начальник сухопутных сил Хонти. А мы, Союз Честных Негоциантов, обеспечиваем финансирование нашей сделки.

«Честный негодант, — подумал Шекагу, — это все равно что шлюха-девственница».

— Более того, — продолжал хонтиец, добавив в голос задушевной проникновенности, — мы хорошо понимаем, что дальнейшее ваше пребывание на территории бывшей Империи — по завершении операции — может оказаться для вас не слишком, э-э-э... комфортным. И мы предлагаем вам политическое убежище — разумеется, в достойном обрамлении, — и даже, — он сделал многозначительную паузу, — может быть рассмотрен вопрос о назначении вас начальником Южного военного округа вместо Тем Фанга, креатуры премьер-министра Ли Шана, руководителя Хонтийской Патриотической Лиги.

«Как он сладко поет, этот „кошелек“, — думал генерал-легат, — и как мягко стелет, как стелет, массаракш! Вам позарез нужны эти машины, и ради этого вы не пожалеете денег, и даже забудете о том, что генерал Шекагу считается в Хонти военным преступником, автором плана подлого нападения на вашу беззащитную и предельно миролюбивую страну. Там, на границе, до сих пор так и торчат из остекленевшего от атомного жара песка оплавленные башни танков со скелетами мертвых экипажей, однако эти экспонаты вы предпочитаете не замечать. Сорок тысяч погибших хонтийцев и здоровенное радиоактивное пятно, с которого ветры несут ядовитую перхоть в глубь вашей страны, — какая мелочь...»

— Послушайте, милейший, — сказал он, стараясь, чтобы это прозвучало как можно пренебрежительное, — а если я сейчас позвоню в контрразведку или, скажем, прямо самому Страннику, а? Что тогда?

— Тогда, генерал, вы потеряете прекрасную — и, полагаю, единственную — для вас возможность вернуть себе прежний вес и значимость, — невозмутимо парировал хонтиец.

«А ты не настолько глуп, чтобы ее потерять», — добавил он про себя.

— В бывшей Стране Отцов для вас больше места нет. Конечно, вы можете попытаться организовать военный переворот, но каковы ваши шансы на успех? Странник — это вам не государь-император, и повторение бенефиса двадцатилетней давности не состоится. А если и состоится, что вы будете делать дальше? Башни-то молчат, и оживить их вам не удастся.

— А вам? — резко бросил Шекагу.

— Мы так далеко не заглядываем, — уклончиво ответил «кошелек». — Наши цели скромнее. Но мы теряем время, господин генерал. Итак, — жестко повторил он, — ваше слово?

— Хорошо, — с деланным отвращением выдает из себя главнокомандующий Легиона, — я согласен. Вы получите все данные по базе «Дзета» — охранные системы, прикрытия и так далее, — и главное: расположение ангаров и коды доступа к управлению интересующими вас машинами. Остальные военно-технические мелочи — это уже ваше дело.

— Не беспокойтесь, генерал, у нас есть специалисты нужного профиля.

— Я позабочусь и о том, чтобы большая часть войск была заранее выведена с базы: на внеплановые учения по уничтожению хонтийской банды, перешедшей через границу.

— Тема учений меня не интересует, — хонтиец равнодушно пожал плечами, — важно, чтобы на «Дзете» к часу «Х» было поменьше солдат.

— Ну, а вы, — подытожил генерал-легат, слегка раздосадованный тем, что его шпилька насчет «хонтийской банды» осталась без внимания, — перечисляете деньги на мой именной счет в Центральном банке Хонти и выполняете все прочие ваши обещания, включая мою своевременную и безопасную эвакуацию.

— Само собой разумеется, — заверил его «кошелек».

Он истекал благодушием, словно ему только что сообщили о том, что Мировой Свет удалось перевести в денежные единицы и уложить в бронированные подвалы Центрального банка хонтийской столицы.

* * *

...Капли мелкого дождя барабанили по шлему, но капрал Бузудеш не обращал на них внимания: во-первых, от сырости защищает плащ-накидка, а во-вторых — он старый солдат, капрал Легиона, а не жеманная барышня из тех, что бегают на танцы в военный городок и ахают, томно закатывая глазки, когда солдаты рассказывают им о тяготах суровой службы, между делом забираясь слушательнице под юбку, — что ему какой-то там дождик?

Танцы, массаракш, развлечения, капрал с досадой сплюнул. Службы не стало: теперь считается доблестью уклониться от призыва, заплатив продажным медикам из тех, кто за деньги найдут у здорового молодого парня весь букет старческих хворей, вплоть до малярии и полного паралича. Когда-то — совсем еще недавно! — считалось высокой честью попасть в Легион кандидатом в действительные рядовые, не говоря уже о том, чтобы по-настоящему встать в ряды, а сейчас доброволец — явление редкое. По большей части такими становятся людишки с темным прошлым, желающие скрыть свои старые грешки под черной легионной формой: отребье, наркоманы и просто те, кто не в состоянии найти себя в мирной жизни из-за природной лени и неспособности к чему-либо вообще, кроме как брюхатить окрестных вертлявых дур. Капрал вспомнил, какими глазами смотрели на него эти пародии на солдат, когда он распинался перед ними, говоря о патриотизме и высоком долге, — да они таких слов не слышали даже в пьяном бреде! И это новобранцы-легионеры, сила и доблесть, а что тогда говорить об армейском пополнении? Тьфу, массаракш... Расскажи им, с каким восторгом мы пели «Наш славный Легион тяжелыми шагами» или «Слава Отцам Неизвестным», так они за твоей спиной покрутят пальцем у виска — мол, совсем того,

старый дурак, и будут думать о чем угодно, только не о службе. Они считают, что раньше было одно сплошное вранье, и что Хонти или там, скажем, Пандея на самом деле никакие не враги, а лучшие друзья, и что надо брать пример с того, как они живут, а не стрелять из автомата по поясным мишеням, изображающим этих самых друзей. Ага, живут они, как же... Не знаю, как там Пандея, там я не был, но нищая Хонти с ее бесконечной гражданской войной; страна, где бабы отдаются за банку консервов или за обойму патронов — проверено! — такого примера мне не надо.

А все оттого, что не стало твердой руки. Армию объявили язвой на теле общества, черной дырой, где бесследно исчезают народные деньги, и любой мелкий лавочник смотрит теперь на офицера-ротмистра или даже на бригадира как на убогого неудачника, хотя раньше глядел на него — если осмеливался! — исключительно снизу вверх, со страхом и почтением. Все газеты полны разоблачительными статьями, поливающими армию потоками грязи, — писак по заказу сочиняют истории о том, что военные продают все, что могут, и даже организуют вооруженные банды, грабящие мирное население, и что наилучшим решением этого вопроса будет распустить армию, а всех ее бывших солдат и офицеров направить на принудительные работы по расчистке и дезактивации зараженных южных территорий. Да, и армейцы, и даже легионеры, действительно кое-что продают, ну да, и оружие... Но что им остается делать, если у правительства находятся деньги на что угодно, но только не на выплату полного жалования военным? Есть хочется всем, в том числе и солдатам... Распустить армию... А что вы будете делать, если через северную границу хлынут хонтийцы, если на юге зашевелиятся мутанты и варвары, а у побережья снова всплывут белые субмарины? Вы будете уговаривать их жить в мире и дружбе, стоя с голыми руками под стволами автоматов и дулами орудий? Хотел бы я посмотреть на такую картину (но только сидя в бетонном бункере за пулеметом с добрым запасом патронов). Взять бы вас за шкуру, пацифистов, да в бой, в самое пекло!

Капрал вспомнил, как ревели моторы и лязгала броня, когда со Стального Плацдарма шли в атаку танки. Он, капрал Бузудеш, принимал участие в этом прорыве — в прорыве, из которого вернулись немногие. Штрафная бригада так вообще целиком сгорела, когда начали рваться атомные мины. Сначала все шло хорошо, «драконы» проломили оборону хонтийцев и вдавились на территорию врага. Атомные мины и радиация — оно, конечно, несладко, но танк есть танк, и его броня от многого спасала... Правда, не всех, далеко не всех, война есть война... Эх, если бы тогда подошли резервы... Но резервы не подошли, и стал падать боевой дух — говорили, это произошло оттого, что атомная артиллерия хонтийцев повыбивала почти все танки-трансляторы, передававшие воодушевляющие передачи, — может, оно и так... И все-таки мы тогда шли вперед по раскаленному пеплу, поднимая тучи пыли, и враг бежал, бежал, бежал... Победа была близка, но она выскользнула из рук, и мало кому повезло так, как ему, капралу Бузудешу, — он вернулся и даже не схлопотал радиационной дозы, ни умственной слабости, которой тогда страдали многие, наверное, от всего увиденного и пережитого.

...Дождь не переставал. Конечно, приятнее сейчас сидеть в кантоне и глотать горячую водку, но он старый солдат, верный своему долгу. Как сказал ему господин ротмистр Доон (капрал не признавал новомодного обращения «гражданин», да оно и не прижилось в армии): «Надеюсь на тебя, капрал Бузудеш, — не подведи!». И он, капрал, не подведет, тем более что людей на базе раз-два и обчелся: большая часть гарнизона «Дзеты» по личному приказу его превосходительства генерала Шекагу была выведена на учения. Большая и лучшая часть — на базе «Дзета» остались только смена караула, тревожная рота, больные в лазарете да сидельцы на гауптвахте. А это нехорошо, потому что в подземных ангарах стоит спецтехника — шесть машин-трансляторов, уцелевших еще от того памятного прорыва, а хонтайская граница — вон она, рукой подать, от силы часа четыре езды по шоссе, даже по шоссе раздолбанному. Спецмашины вообще-то полагалось отогнать в столицу, но пока собирались это сделать, в столице началось черте что, и танки-трансляторы законсервировали, и высокое начальство о них, похоже, позабыло. Хотя ему, капралу

Бузудешу, не по чину рассуждать о таких вещах — его дело следить, чтобы охрана базы во время его дежурства неслась как положено, а не абы как, как все нынче делается. За этими новобранцами, не знающими, где у автомата магазин, нужен глаз да глаз, и поэтому капрал Бузудеш шел вдоль периметра, невзирая на дождь.

Ну вот, так и есть: у седьмого поста не видно силуэта часового, массаракш! Скотина малахольная — спит, наверно, спрятавшись от дождя под навес, или, хуже того, накурился какой-нибудь дряни, чтобы не скучно было стоять на посту. Ну, погоди, сейчас ты у меня получишь... Да, так и есть: лежит, урод, и даже не шевелится! Обкурился, массаракш, я так и знал!

...Острое чувство опасности настигло капрала, когда он еще только наклонился над неподвижным телом часового и еще не понял, что тот не спит, то есть спит, но уже вечным сном. В следующую секунду мышцы опередили разум — капрал дернулся в сторону; в столб, возле которого он стоял, вонзился метательный нож, а перед Бузудешем возникла размытая темная фигура.

Автомат, который бывалый капрал по многолетней привычке держал наизготовку, не подвел. Перечеркнув «паяца» короткой очередью, капрал Бузудеш, словно прыгая с обрыва в бурлящую воду, бросился к постройкам центра базы «Дзета».

Ночь взорвалась. На вершине сторожевой вышки с громом вспух огненный шар, из него, вопя и размахивая руками и ногами, вывалился горящий человек. Стреляли уже со всех сторон, тут и там мелькали «паяцы» — хонтийские диверсанты-коммандос, прозванные так за их дергающиеся «резиновые» движения; в пролом стены, рассыпая снопы искр, втиснулось рыло легкого боевого транспортера. И капрал Бузудеш чутьем вояки-профессионала понял, что бой если еще не проигран, то будет проигран в считанные минуты: нападавшие, похоже, были хорошо осведомлены о системе обороны «Дзеты» и практически одновременно вывели из строя все огневые точки ее внешнего периметра. И еще он понял, что к ангарам бежать уже поздно, как поздно бежать и к казарме тревожной роты: здание казармы уже полыхало, из темноты на свет били пулеметы, и суетливые фигурки солдат, заполошно выскакивавших на плац, падали одна за другой. И капрал побежал к бункеру связи, на какую-то пару секунд опередив «паяцев».

Пуля ударила его в бок, когда он был уже у самого бункера, и чуть не сшибла капрала с ног, но все-таки он смог ввалиться в бункер и даже закрыть за собой бронированные двери. Капрал знал, что долго он тут не продержится, хонтийцы подорвут бункер гранатами, но он надеялся успеть сделать то, что может и должен сделать настоящий солдат Легиона.

Пошатываясь и сжав зубы — комбинезон быстро набухал кровью, и боль обжигала, — он добрался до аппаратной и нажал приметную кнопку тревожного сигнала, успев запоздало удивиться тому, что в аппаратной нет дежурного связиста.

Вспыхнула зеленая лампочка, и капрал почувствовал облегчение: значит, диверсанты еще не вывели из строя все линии связи. Сжатый в пакет импульс ушел по назначению, и в столице уже знают о нападении хонтийцев на базу «Дзета». Но там не знают еще кое-что, и капрал Бузудеш, из последних сил выдираясь из накатывающего на него небытия, прохрипел в микрофон:

— База «Дзета» атакована хонтийским десантом. Под угрозой захвата спецтехника, шесть единиц. Доложил капрал...

И, теряя сознание, повалился на пульт, а потом медленно сполз на пол, пачкая кровью приборную панель.

* * *

— Один только вопрос, Рудольф: почему я? Разве у вас не хватает своих людей, хотя бы этих ваших молодых ребят из института?

— Потому что, — Сикорски устало потер лысину, — у меня нет под рукой никого, кроме тебя, кто был бы невосприимчив ко всему спектру пси излучения. Ты, конечно,

отправишься не один, но захваченные излучатели могут быть включены, и тогда... Вот поэтому мне и пришлось тебя вызвать, невзирая на все твои личные трудности и все остальное. Неужели ты сам еще этого не понял?

Действительно, подумал Максим, я мог бы и сам догадаться, как только узнал, что речь идет о похищенных передвижных излучателях. Значит, размолвка с Радой очень сильно выбила меня из колеи, раз уж я не в состоянии логически мыслить. Как все не вовремя...

...Он не знал, что летающая платформа, на борту которой находился генерал-легат Легиона (уже бывший генерал) Лике Шекагу, кавалер двух Золотых Знамен, носитель знака «Порыв и натиск», гроза и пламя, броненосный кулак, привыкающий к роли очень важного политического эмигранта, была сбита случайной зенитной ракетой на подлете к хонтийской столице. Скорее всего, эта ракета была выпущена боевиками Хонтийской Патриотической Лиги, ведущими борьбу за отделение западной Хонти от Хонти восточной и за ее полную независимость. Впрочем, этот факт был незначительным и ничего уже не менял.

* * *

И почему Сикорски до сих пор не запросил с Земли хотя бы пару глайдеров? Вон, в Арканаре прогрессоры летают на вертолетах, вместо того чтобы трястись на конских спинах по скверным дорогам, и ничего. А эти саракшианские летающие платформы, нечто среднее между самолетом и вертолетом, неуклюжие сооружения о четырех тягово-несущих винтах, — это не техника, это карикатура на технику, массаракш. Нельзя, массаракш, уровень развития. В Арканаре замеченный аборигенами вертолет породит еще одну легенду о летучих демонах, а на Саракше последствия могут быть иными: здешние обитатели хоть и недалеко ушли от арканарцев в смысле этики, но в технике они разбираются. Но можно ведь было как-нибудь замаскировать земное изделие под местный колорит — зачем создавать лишние трудности, коих здесь, на Саракше, и так хватает?

Ладно, сказал себе Максим, не ной: летели себе и долетели, и вроде бы не опоздали. Успели — благодаря безымянному капралу с базы «Дзета», сумевшему послать тревожный сигнал и сообщить о захвате танков-излучателей...

Светало. Утренний туман редел и оседал, потихоньку обнажая пологие лысые холмы и дорогу, петлявшую между этими унылыми холмами. Знакомые места, доводилось мне тут бывать не так давно. Правда, в несколько ином качестве — в качестве вшивого штрафника, которого прикладами запикивали в ржавую жестянку старого имперского танка вместе с сотнями таких же, как он, во исполнение команды пьяного экс-полковника Анипсу: «Рычаги на себя — и вперед, на коварного врага!». И мы пошли, подгоняемые лучевыми бичами, и мой Гай, бедный Гай, не вернулся — он остался там вместе с мертвым уголовником по кличке Крючок и вместе с тысячами других убитых: раздавленных траками гусениц, разорванных снарядами, сгоревших в атомном огне... Пандейцы верят в духов, и если их вера истинна, то по этим холмам ночами должны бродить тысячи и тысячи неупокоенных призраков, завывая и стеная и протягивая в никуда бесплотные руки. Правда, за тот отрезок ночи, что мы здесь провели, я ни одного призрака не видел, но это еще ни о чем не говорит. Хватит, оборвал он сам себя, что за чушь ненаучная. Сосредоточились: если расчеты верны, на дороге вот-вот должна появиться хонтийская колонна. Хонтийцам некуда деться: это самый короткий путь к границе, по бездорожью танки-излучатели идут куда медленнее, а кольцо смыкается — все приграничные части уже подняты по тревоге и стягиваются, окружая десантников. Однако перехватить их надо до того, как они пересекут незримую пограничную черту: дипломатия, массаракш-и-массаракш, к тому же очень может быть, что во-о-он за теми холмами, по ту сторону границы, спрятались хонтийские бронемашины. А полномасштабный конфликт нам никак не нужен, нет, не нужен, хватит с нас полномасштабных конфликтов...

Мак посмотрел на тяжелый револьверный ракетомет, торчавший из наспех отрытого гнезда. «Ракопаук» пандорский, растопыривший суставчатые конечности в ожидании

добычи, подумал он. Когда этих монстров, созданных еще военными инженерами Империи, грузили на летающие платформы, Максим опасался, что с такой тяжестью ветхие винтолеты просто не взлетят, однако они взлетели, и полетели, и даже долетели — все до единого. Барабанные «бомбарды» выглядели древними чудовищами вроде тех, которых изучал дядюшка Каан, но имели очень ценную (учитывая специфику предстоящего боя) конструктивную особенность: они были многозарядными и были снабжены блоками автоматики (примерно такими же, как боевые автоматы в мрачных лесах за Голубой Змеей). Одиннадцать «ракопауков» устали пусковыми лотками на дорогу — если хонтийцы задействуют трофейные излучатели и все расчеты ракетометов станут небоеспособными (и легионеры, и даже молодогвардейцы — они ведь саракшиане, не имеющие иммунитета к психотронному излучению), «бомбарды» все равно выплунут на шоссе весь свой боезапас. Эффект, конечно, будет невелик, но шуму будет много, и тогда Максим под этот шум должен будет сжечь все излучатели, захваченные хонтийцами, — в одиночку. План этот сильно смахивал на авантюру, но лучшего плана не было (не наносить же удар по колонне ядерной бомбой, да еще вслепую). Хонтийцы могли обойти засаду, но военные советники Странника пришли к выводу, что диверсанты пойдут напролом: не будет у них времени для обходных маневров и прочих изысков военной науки тактики. И тяжелого вооружения у них тоже нет, значит, у Максима есть шанс эту авантюру осуществить. поголовное истребление всех неприятелей в его задачу не входило, главное — уничтожить спецтехнику, по халатности (а может, по злому умыслу) не перебазированную в свое время в гаражи Департамента специальных исследований. Ох, не нравится мне все это, подумал Максим, а что делать. Как там сказал ехидный внутренний голос? Взлся за гуж, так полезай в кузов? Вот и приходится лезть, лишь бы эти дьявольские машины не оказались в Хонти...

Хонти, Хонти, кто ж тебя так покорежил... Бывшая богатейшая провинция Империи, страна мягкого климата, тучных нив и добродушных людей. У северо-западного побережья, там, где горы сходят на нет, сплошной полосой тянутся знаменитые Золотые Пляжи, куда до войны приезжали отдыхать со всего материка, со всех концов Империи и из Центральных Держав. Океан здесь неглубок, многокилометровые отмели, где воды не выше человеческого роста, защищали хонтийский берег лучше любой береговой обороны — белые субмарины тут не показывались. И звенел на пляжах женский и детский смех, и никто не верил, что всему этому может прийти конец.

Во время войны Хонти досталось крепко, хотя до сплошных разрушений дело не дошло. Хонти издревле (еще с тех пор, как маршал Габеллу пресек мечом все поползновения Срединных Королевств, зарившихся на плодородные хонтийские земли) следовала в русле имперской политики, но как: только Неизвестные Отцы взяли власть, приверженцы полной независимости Хонти решили, что наконец-то пришло их время. Хонтийские негоцианты оказались людьми энергичными: отделившись от Империи, они учредили демократическую республику, в которой должность президента была выборной, а пост премьер-министра, по хонтийским законам, занимал его ближайший соперник, набравший в ходе выборов второе количество голосов. Такая социальная схема выглядела заманчиво, но на деле «демократические» хонтийские выборы очень быстро превратились в аукцион, в соревнование «кошельков», покупавших голоса избирателей оптом и в розницу. Положение усугублялось тем, что главы обеих противоборствующих группировок — Унии Справедливости и Патриотической Лиги — страдали непомерной амбициозностью, раздирая страну пополам и не останавливаясь перед применением оружия, если прочие аргументы не приносили желаемого результата. В итоге Хонти скатилась в нищету, особенно заметную на фоне кричащей роскоши, в которой купалась кучка правящих толстосумов.

Им плевать на народ, подумал Максим, народ для них — это рабочая скотина, которой положено тянуть ярмо и не положено мычать без разрешения. Что за мысли, удивился он, я рассуждаю как истинный житель Саракша, хотя всего лишь год назад, на Земле, мне такое и в голову бы не пришло. Быстро же этот мой обитаемый остров адаптирует меня под себя...

Демократическое правление... Демократия — это, конечно, хорошо, но зачем же этой

хваленой хонтийской демократии, которой грезят очень многие в нашем Временном Совете, понадобились пси-машины? Для чего они предназначены, хонтийцы (с их-то разветвленной агентурной сетью и большими деньгами) наверняка в курсе, значит... Значит, хонтийской демократии без излучателей уже никак. Хонти скатывается в коллапс, и гражданская война вот-вот перейдет в тотальную войну всех против всех, а в такой войне на вилы непременно поднимут и организаторов, и вдохновителей, как бы они ни прятались и какие бы охранные меры ни принимали.

Хонтийцам нужны излучатели, очень нужны. Излучатели созданы на Саракше, это не мы доставили их сюда, и хонтийские инженеры — а такие есть, в Хонти имеется вполне даже приличная промышленность, — разберутся в их устройстве, особенно если им будут помахивать перед носом толстой пачкой денег, одновременно угрожая автоматным стволом. Они разберутся, и производство пси-генераторов будет поставлено на конвейер, а потом по всей Хонти будут построены башни — такие же, как у нас при Неизвестных Отцах. И новый Центр будет запрятан подальше и защищен поосновательней — термоядерной боеголовкой не прошибешь, и уж, во всяком случае, не пробежишь по коридору к шахте лифта, ведущего в святая святых.

Не ты ли клялся, что на Саракше не появится новый Центр, пока ты жив? Вот и давай, исполняй свою клятву и не говори, что обнимать пандейскую красавицу-кёнигин гораздо приятнее, чем стрелять в людей. Придется стрелять, и скоро — на дороге вот-вот покажутся хонтийские машины. И не вот-вот, а уже: вон они, легки на помине...

Максим поднес к глазам бинокляр. Да, так и есть, это они. Впереди три броневика, за ними ползут излучатели, покачивая горбами сферических антенн-эмиттеров. Шесть штук, все верно. И еще сзади то ли три, то ли четыре бронемашины, точно не сказать, плохо видно. Торопятся, очень торопятся, спиной чувствуют погоню... А вот засаду они, похоже, не чувствуют. Ну что ж...

Он повернул голову к лежавшему рядом с ним молодоговардейцу с двумя шевронами на рукаве и приказал, отчетливо произнося каждое слово:

— Капитан Итарру, открыть огонь, как только противник войдет в расчетный фокус поражения. Стрелять без предупреждения, из всех «бомбард». Цель — танки-излучатели.

* * *

Пленные сидели на земле, согнув спины и положив руки на затылок, окруженные кольцом автоматчиков, следивших за каждым их движением. Их было немного, всего около сотни, и Максим сначала даже удивлялся этому обстоятельству, но потом понял, что так и было задумано: более многочисленной диверсионной группе, да еще на колесах, труднее было бы просочиться на территорию бывшей страны Неизвестных Отцов, дойти до базы «Дзета» и выполнить задание. Он смотрел на пленных хонтийцев и испытывал облегчение: ему не пришлось никого убивать, и вообще обошлось почти без жертв.

...Боя как такового не было: как только «бомбарды» метнули первые ракеты и они разорвались на шоссе, превратив один из танков-излучателей в пылающий факел, хонтийцы тут же включили депрессионное поле. К операции они готовились тщательно: нашлись у них и специалисты по генераторам излучения — свои или купленные, а программное обеспечение подобрать несложно.

Увидев бессильно поникшие тела своих бойцов, Максим тихо выругался сквозь зубы, закинул за спину ручной противотанковый гранатомет и вытащил из нагрудного кармана портативный блок дистанционного управления автоматикой «бомбард». Он уже хотел было нажать кнопку, когда заметил странное: хонтийская колонна не понеслась вперед на полном газу, а замерла на месте, причем потеряв строй и сбившись в кучу; авангардный транспортер и вовсе съехал в кювет и там застрял, уткнувшись носом в землю. Неужели...

Догадка превратилась в уверенность, когда Мак встал в полный рост, а со стороны противника так и не прозвучало ни единого выстрела. И тогда он, ускорившись, побежал к

замершим хонтийским машинам, на всякий случай держа гранатомет наготове.

Оружие не понадобилось — ни один из хонтийцев не был способен не то что стрелять, но даже унять льющиеся слезы и утереть сопли. Все оказалось просто: кто-то из хонтийских операторов в спешке и по недостатку опыта сделал ошибку, и купол излучения накрыл все вокруг в радиусе трех километров. Скорчер детям не игрушка, подумал Максим, снова закидывая за спину ставший ненужным гранатомет.

Картина была ему уже знакомой — видел он такое в коридорах Центра: бессильные тела, искаженные лица, тоска в глазах и слезы, слезы, слезы... Поплачьте, поплачьте, думал он, пробираясь между машинами. Это, говорят, полезно — душу очищает (правда, лишь тем, у кого она есть). Он собирал оружие, вынимая автоматы из безвольных рук, и складывал его в один из броневинов, предварительно вытащив оттуда экипаж, оглушенный неизбывным горем. Свинчивать с бронетранспортеров пулеметы Максим считал делом чересчур долгим, и поэтому он попросту срывал магазины и сминал дырчатые пулеметные стволы. Все оказалось проще, чем он предполагал.

А потом трудолюбиво выволакивал из машин беспомощных хонтийцев, стаскивал их к обочине и укладывал в ряд — пусть полежат. Сначала он еще поглядывал с некоторой опаской на холмы по ту сторону границы и даже прикидывал, успеет ли он нажать кнопку на дистанционном пульте и обрушить на дорогу и себя самого огненный ракетный смерч, если оттуда все-таки выйдут хонтийские танки, но потом сообразил, что если гипотетический враг и высунет нос, границу ему не пересечь — вляпается в зону действия излучателей и встанет намертво.

Этот враг так и не появился, хотя перетаскивание многих десятков мешкоподобных тел отняло у Максима немало времени. Закончив уборку, он пролез по кабинам всех танков-излучателей и определил, какая из машин держит поле. Работали два излучателя — это было видно и снаружи, по еле заметному дрожанию воздуха вокруг их горбов, — но Максиму надо было определить диаграмму направленности излучения, какая из машин дает сплошное поле, какая направленное.

Оказалось — работала всего одна, генератор второй машины работал на холостом ходу. Вероятно, оператор не успел включить активный режим до того, как получил лучевой удар.

Выключив эту вторую машину, Максим подорвал термической гранатой броневинок с оружием и посмотрел, как он весело горит. Потом забрался в работающий танк-излучатель, решительным движением снял поле и бросил в коммуникатор несколько команд, надеясь, что капитан Итарру его поймет и сделает все как надо.

В придорожной канаве зашевелились проходящие в себя хонтийцы, и тогда Максим рывкнул через динамик:

— Не двигаться! При попытке оказать сопротивление все вы умрете от болевого шока! Руки вверх!

Честно говоря, он не очень рассчитывал взять на испуг хонтийских командос и даже снова достал дистанционный пульт: как бы все-таки не пришлось разваливать дорогу ракетами. Но обошлось. Диверсанты кое-что слышали об излучателях, а специалисты-техники даже кое-что знали — именно кое-что, — и эти отрывочные знания произвели на них примерно такой же эффект, как на дикарей слухи об огнестрельном оружии и первые впечатления от его действия. Хонтийцы не сомневались, что таинственное излучение может свести с ума (что было не так далеко от истины) и даже убить (иначе зачем тогда надо было так охотиться за этими машинами?), и предпочли не рисковать, тем более что очнулись они безоружными и не совсем еще пришедшими в себя.

Прошло несколько томительно долгих минут, в течение которых Максима пробил пот. Он быстро соображал, что ему делать, если у кого-то из врагов осталось оружие и они решатся на нападение, — давить их гусеницами танка-излучателя или снова включать депрессионное поле, а потом он увидел бегущих к нему молодоговардейцев и вздохнул с облегчением: использовавшие химиотерапию ученики Странника очень быстро оправались от последствий лучевого удара, а их молодой капитан правильно понял полученный приказ и

выполнил его наилучшим образом. Все было кончено, и теперь можно было заблокировать и наконец-то убрать подальше этот проклятый блок управления автоматикой «бомбард».

...Метрах в трехстах от шоссе, в свисте винтов, садилась летающая платформа. Надо поговорить с Радой, думал Максим, наблюдая, как она опускается. Сколько же я не спал? Две ночи, да. Ничего, сил для примирения у меня хватит — приеду домой, выключу все линии связи, и пусть там хоть конец света случится. А здесь мое присутствие уже не требуется: к границе подтянулись полнокровная бригада Легиона и армейская дивизия, так что хонтийцы на обострение не пойдут. И вряд ли им нужен обмен ядерными ударами — не самоубийцы же они, в конце концов. А Сикорски как в воду глядел: с этими излучателями будет нам еще мороки, уж очень многие на них зарятся. Хотя тут ни в какую воду и глядеть не надо, нужно просто немножко подумать — головой, — и все станет ясно. Но сейчас мы об этом думать не будем, сейчас мы отправимся домой — к Раде.

И уже шагая к ожидавшей его летающей платформе, Максим вдруг обернулся и еще раз посмотрел на пленных хонтийцев, сидевших в кольце направленных на них автоматных стволов. Он встретился взглядом с поручиком спецназа — судя по шрамам на лице хонтийца и по знакам отличия на его мундире, тот был воякой матерым — и поразился выражению тяжелой ненависти, намертво застывшей в глазах пленного. Кольцо ненависти, подумал Мак, двойное кольцо многолетней взаимной ненависти — сидящие безоружные люди и стоящие люди, вооруженные, одинаково люто ненавидят друг друга Кольцо ненависти — можно ли его разорвать, и если можно, то как?

Глава 5

БЕЛЫЙ ПРИЛИВ

...Тяжелые маслянистые волны грузно шлепались о покатые тела белых субмарин. В открытом океане, в островном полушарии, за тысячи миль от выжженного материка Старых Стран, нет нужды уходить под воду: исконный враг не видит армаду вторжения, а уровень радиоактивного заражения невелик — вся изотопная дрянь, смываемая в океан материковыми реками и речушками, оседает на дно вокруг Мертвых Земель, образуя пояс смерти. А здесь — здесь над волнами с пронзительными криками носятся морские птицы, пену гребней рвут рыбы-прыгуны, похожие на торпеды, и ветер, соленый ветер — дыхание Владыки Глубин — пахнет жизнью, а не смрадом ядерных пепелищ. Океан — спасение айкров; только благодаря океану атомное безумие, опустошившее Старые Страны, не докатилось до берегов архипелага Тысячи Островов. Да, океан — и флот, истребивший все крупные корабли староимперцев и загнавший в полуразрушенные порты последние жалкие посудины, именуемые сторожевыми катерами. Эти катера прячутся за волноломами, густо утыканными орудийными стволами и прикрытыми минными банками, и не отходят от берега на полмили, боясь попасть в прицелы белых субмарин. И правильно делают: у айкров хорошая память. Пятьсот лет айкры помнят, как приплыли к Благословенным Островам корабли с материка и что они принесли. И месть островитян беспощадна: такова воля Владыки Глубин. Время повернулось вспять — пришел час возмездия.

Адмирал Хоронити обвел окулярами всю видимую часть горизонта и удовлетворенно опустил бинокль. Адмирал был доволен, хотя его скуластое лицо оставалось бесстрастным — командующий группой флотов «С» Сугга Хоронити был истинным айкром-воином, в жилах которого текла кровь древних вождей Благословенных Островов.

Поверхность океана, насколько достигал взгляд, сплошь покрывали «белые морские змеи»: две с половиной сотни подводных кораблей, строго выдерживая курс и заданные интервалы, шли к берегам Старых Стран. Волны покорно расступались под форштевнями армады, и скользящие струи ветра облизывали жерла крупнокалиберных орудий, угрожающе торчавших из носовых артиллерийских рубок. Пушки ждали команды «Огонь!», и команда эта будет дана, как только на горизонте прорисуются очертания проклятого материка и субмарины, подкрававшиеся под водой, морскими чудовищами всплывут из пучины. И тогда

орудия выплюнут тяжелые фугасные снаряды, с направляющих сорвутся управляемые зажигательные ракеты, и на Страну Отцов падет смерть. А потом, прогрохотав сапогами по железным трапам, десантники — двадцать тысяч отборных воинов, умеющих убивать, — сядут в быстроходные моторные шлюпки и прыгнут на берег через полосу прибоя.

Староимперцы ничего не смогут сделать: флота у них нет, на северной границе идут бои с хонтийцами и отрядами пандейских амазонок, с юга приливной волной накатываются варвары, в стране беспорядки, и даже Легион, щит и меч Неизвестных Отцов (которых уже нет), раздерган на части сумятицей гражданской войны. А если десант и встретят редкие танковые патрули — разве они остановят огненный вал возмездия? Правда, новые правители старой империи в отчаянии могут ударить по флоту вторжения атомными баллистическими снарядами, но вряд ли этих снарядов у них много, а флот островитян растянется вдоль всего побережья — попробуй накрой. Да и группа флотов «С» не будет изображать собой учебную мишень — с первой волной десанта пойдут плавающие танки, вонзятся стальными зубами в материковую плоть, а с подводных авиаматок поднимутся летающие платформы, способные залить жидким огнем любой квадрат в сотнях миль от береговой черты. И ужас, смертный ужас, верный помощник посланцев Белого Города, погонит уцелевших обитателей материка прочь, подальше от беспощадных детей моря, которые не берут пленных и не оставляют в живых никого — ни женщин, ни детей.

Адмирал еще раз оглядел море, небо и корабли — все идет по плану, армада движется к цели с размеренностью хорошо отлаженной машины. Думали ли капитаны каравелл, пять веков назад приплывшие к Благословенным Островам и с презрением глядевшие на голых наивных дикарей, встретивших пришельцев цветами и сочными плодами, что придет время, когда несметный флот островитян, груженный уже не цветами и пряностями, а совершенным смертоносным оружием, тем же маршрутом двинется в обратный путь — к материку? Время повернулось вспять — пришел час возмездия.

Хоронити снял фуражку, подставляя океанскому ветру черные с обильной проседью волосы. Адмирал пил ветер — дыхание Владыки Глубин вселяет мужество в сердца айкров и делает эти сердца тверже камня. И очень скоро твердость сердца понадобится каждому из тысяч воинов, топчущих палубы «морских змеев». Дети моря готовы не только убивать, но и умирать, и поэтому они непобедимы — непобедимы, несмотря ни на какие ухищрения выродившихся обитателей Старых Стран.

Адмирал слегка кивнул флаг-командору. Офицер понял: он почтительно поклонился и подобрался, как и подобает тому, кто хотя бы временно, на пятнадцать минут, принимает командование ударным флотом, красотой и гордостью Островной Империи.

— Слово Белого Города! — заученно произнес флаг-командор, сузив глаза и вскидывая жесткую ладонь к козырьку.

— Во славу его, — с допустимой вышнему чину небрежностью проскрежетал адмирал, делая шаг к вертикальному трапу, ведущему с мостика в утробу флагманской субмарины.

Узкий коридор уперся в дверь адмиральской каюты — в единственную дверь на лодке, покрытую поверх металла драгоценным розовым деревом. У дверей каюты безмолвными и бесстрастными статуями замерли двое рослых десантников в кепи и серых комбинезонах. На борту своего флагманского корабля командующему группой флотов «С» не грозит никто и ничто, но стражи адмирала, потомка древних вождей Императора Тысячи Островов, потомка Владыки Глубин, ритуально стоят на посту, положив руки на короткоствольные абордажные автоматы. «И таких воинов у меня десятки тысяч, — подумал Хоронити, переступая комингс и закрывая за собой дверь. — Время долгожданной мести — сладкое время...»

Освещенная подволочными и переборочными светильниками каюта была невелика и отличалась утилитарностью: рабочий стол, простое строгое ложе, несколько кресел — любой воин-айкр, и даже вождь, презирует роскошь, погубившую Старые Страны. Но вот пышный ковер на палубе, в котором ноги тонут по щиколотку, и низенький деревянный столик для курильниц — это уже не роскошь, а необходимый атрибут церемонии обострения сознания.

Адмирал рассеянно скользнул взглядом по переборкам каюты и задержался на своей

рентгенограмме — на белом черепае на черном фоне. Все офицеры флота Островной Империи делали такие рентгенограммы, и это было не столько данью видоизменившейся старинной традиции — сотни лет назад воины-островитяне украшали свои щиты отпечатками своих лиц, покрытых боевой раскраской, — сколько мерой разумной предосторожности. Бывали случаи, когда «белые змеи» гибли у берегов материка, а потом вдруг появлялись на островах «чудом уцелевшие». А на поверку выходило, что это замаскированные враги, охотящиеся за тайнами Империи. Копии рентгенограмм хранились в архивах службы безопасности, и шпионы с материка не успевали причинить вред — их разоблачали и отправляли напрямик в Белый Город, которого боялись и о котором мечтали.

Кроме жутковатого черепа (который, впрочем, нисколько не смущал островитянина), на переборках не было никаких других картин — ни портретов, ни пейзажей. Морские карты и штабные документы хранились в сейфе, встроенном в стол, а все прочее не нужно воину-айкру, ибо размягчает его сердце. И только в изголовье ложа, у маленькой плоской подушки, пристроилась цветная фотография госпожи Ики — супруги господина Сугги. Фото госпожи Ики было развернуто так, чтобы отходящий ко сну адмирал мог, не поворачивая головы и не меняя позы отдыха, увидеть чуть раскосые глаза своей любимой жены, преданно взирающей на своего мужа и повелителя. Это единственный штрих женской ласки, дозволенный на борту боевой субмарины, — во плоти здесь нет места ни женам, ни айшам. Потом, после того как десант высадится на берег, воины притащат из горящих руин захваченного города пару-тройку дрожащих от страха пленниц, молоденьких и еще не тронутых. Адмирал снизойдет до них по праву победителя, но затем использованных девушек выбросят за борт на поживу хищным рыбам-мутантам, привыкшим к человеческому мясу, — таков обычай. Ибо страшен будет гнев Владыки Глубин, если семя айкра прорастет во чреве женщины с материка и породит проклятое потомство, — девушки Старых Стран не могут быть не только женами, но даже айшами воинственных Детей Моря.

Был случай, когда командир «белой морской змеи» нарушил этот закон — не поднялась рука убить семнадцатилетнюю красавицу, попавшую на его ложе. Она осталась жить, и жила еще три дня и три ночи, пока помощник командира не известил о случившемся командование. И пленница умерла — точно так же, как умирали все другие пленницы, а капитан на глазах всего экипажа, стоя на верхнем мостике своей субмарины, перерезал себе горло кортиком, искупая свою вину. Этот случай, насколько было известно Хоронити, был единственным: многовековая ненависть, свившая гнездо в сердцах островитян, была сильнее любви мужчины к женщине.

Адмирал расшнуровал высокие сапоги, снял их и, ступая по-кошачьи мягко, прошелся по ворсу ковра, щекотавшему его босые ступни. Положил на стол фуражку, отцепил кортик и расстегнул тесный мундир, утяжеленный боевыми наградами. Бросил взгляд на стенные часы со стрелками в форме мечей, рубящих время, — до сеанса связи сорок минут. Оставшись в белой нательной рубаше и брюках, расслабленно опустился на ковер, сел на пятки — поза медитации — и протянул руку к столику для курений. Еле слышно щелкнула электрическая зажигалка, из бронзовых трубок столика тонкими струйками потек дым ароматной травы.

Островитянин чуть подался вперед и поймал ноздрями сизую дымную струйку, поднимающуюся к потолку призрачной нитью. В мозгу командующего группой флотов «С» ударил исполинский медный гонг, и стены каюты поплыли, теряя свою осязаемость...

...Курильницы погасли автоматически. Адмирал вывернул на максимум регулятор вентиляции; заполнявшая кабину легкая дымка быстро бледнела и рассеивалась. Сознание было ясным и звеняще-пронзительным (послевкусие дурман-травы не имеет ничего общего с алкогольным или наркотическим похмельем), оно обрело гибкость и остроту стального клинка и приготовилось к бою. Время повернулось вспять — пришел час возмездия.

Айкр не спеша — стрелки-мечи показывали, что до сеанса связи еще четверть часа, — оделся, пристегнул кортик, зашнуровал сапоги и взял в руки фуражку. Бросил взгляд на свое изображение в металлическом зеркале — внешний вид военного аристократа, командующего

группой флотов «С», карающей длани и так далее, должен быть безукоризненным — и вышел из каюты, оставив за спиной часовых, безмолвно и бесстрастно застывших у ее дверей.

Адмирал Сугга Хоронити шел по стальному коридору своей флагманской субмарины в радиорубку на сеанс связи со штабом флота, со ставкой и с самим Императором. Им есть что сказать — ему есть что услышать и принять к исполнению.

Армада вторжения шла в материковое полушарие, с каждым часом приближаясь к берегам Старых Стран.

* * *

— Ну, вот и дождались, — Странник хрустнул пальцами. — Мало нам хонтийских самостийников, сумасшедших пандейских девиц и южных варваров, одержимых идеей «все разрушим до основания», не говоря уже о неумных доморощенных деятелях, так теперь еще приплыли эти мстители — только их нам остро и не хватало. Прямо как в сказке — «смолоду был грозен он и соседям то и дело наносил обиды смело», а под старость «соседи беспокоить стали старого царя, страшный вред ему творя». Или вы эти сказки не учили?

Максим не знал. Он хотел было уточнить, почему Сикорски называет жителей Островной Империи «мстителями», но удержался: слишком уж часто в ответах Рудольфа сквозил явный сарказм. Нет, Максим понимал, что в истории Саракша он, мягко говоря, не слишком большой специалист (а как прогрессор — так вообще величина, близкая к нулю), но трудно постоянно чувствовать себя нашкодившим котенком... Максим все-таки действовал из лучших гуманистических побуждений, а сейчас намерен исправить последствия своего поступка. Или у них там, в КОМКОНе, другие принципы работы с новичками, черт бы их всех побрал? Однако сейчас не время и не место для бесконечной рефлексии, сказал себе Максим, — ситуация слишком серьезная.

— Сведения точные? — осторожно спросил он.

— Точнее некуда, — Странник криво ухмыльнулся, — из первых рук. Легкий крейсер прибрежного патруля донес об обнаружении девятнадцати белых субмарин, появившихся одновременно на очень ограниченной акватории, неподалеку от главного порта западного побережья. А через три минуты связь оборвалась. Догадываешься, что это значит? Славных моряков этого крейсера уже доедают рыбы, массаракш! А островитяне, я так полагаю, уже высаживаются на материк.

— Рудольф, у меня складывается впечатление, что у нас немного информации об Островной Империи? С кем нам предстоит столкнуться на этот раз?

— Для обстоятельной лекции времени нет, — Сикорски бросил взгляд на часы. — Да и все это история нашей беспомощности. По сути, все известное об этой империи можно изложить за несколько минут: подробных сведений о ней мы не имеем. Пять веков назад отважные мореходы с материка открыли два обширных архипелага в другом полушарии планеты и занялись их активным освоением.

— Что-то вроде прогрессорства?

— Прогрессорства? — глаза Рудольфа Сикорски блеснули злым зеленым огнем, словно у рассерженного кота. — Как выглядело это прогрессорство, ты можешь узнать из истории Земли — были у нас очень схожие сюжеты. Однако на Саракше история выкинула фортель: островитяне не упали ниц перед «белыми богами», а объединились и устояли. И продержались пятьсот лет, то воюя, то торгуя, искусно лавируя между интересами шести великих держав и при этом, не позволяя жителям материка обосноваться на своей земле. А что такое есть Островная Империя — это нам неизвестно: все наши попытки оформить там резидентуру оказались тщетными. Достоверно одно: островитяне многочисленны, агрессивны, воинственны, жестоки и люто ненавидят обитателей материка.

Максим молчал, переваривая услышанное.

— И еще одна интересная деталь, — продолжал Странник. — Островитяне — айкры,

как они себя называют, — перед боем входят в наркотическое состояние, чем-то похожее на амок или на состояние берсерка у древних викингов. Есть там у них такая травка-дурман, вот они ее и пользуют. И превращаются в боевые машины — бесстрашные, нечувствительные к боли и усталости и одержимые неистовым желанием убивать, нимало не заботясь при этом о собственной жизни. Это тебе ничего не напоминает?

— Эффект излучателей...

— Верно. Похоже, в ДНК саракшиан есть какой-то дефект — или особенность, это уже не так важно, — делающий их очень восприимчивыми к разного рода психофизиологическим воздействиям. К слову сказать, так же считает и наш общий знакомый Аллу Зеф — он теперь снова работает по специальности, у меня. И есть у меня местные умельцы, изучающие ДНК-цепочки. Я им дал образец ДНК землянина — под видом ДНК мутанта, естественно. Отличия имеются, и это при почти полной генной идентичности землян и саракшиан. Интересно бы взглянуть на ДНК ребенка от межпланетного брака...

При этих словах Странник внимательно посмотрел на Максима, но тот сделал вид, что не заметил пытливого взгляда шефа — говорить о своих отношениях с Радой ему сейчас хотелось меньше всего.

— Что-то хоть известно о реальной боевой мощи Островной Империи? — спросил он, уводя разговор от нежелательной темы и возвращая его в практическое русло.

— Ничего, — Сикорски жестко усмехнулся, — или, точнее, чуть больше, чем ничего. Военный флот Островной Империи насчитывает, по косвенным данным, несколько сотен белых субмарин; точное число неизвестно. Вооружение — артиллерийские орудия, тяжелые и автоматические скорострельные, ракеты класса «поверхность — поверхность», торпеды. И десантные отряды, офицеры которых коллекционируют засушенные головы убитых неприятелей, есть у островитян такой старинный обычай. Вот такой будет у нас противник, Максим.

Да, головы, подумал Максим, вспомнив, что они с покойным Гаем видели на борту белой субмарины. Отрезанные головы — дикость какая...

— Во время атомного побоища, искалечившего весь этот материк, — услышал он голос Странника, — островитяне отсиделись за морем-океаном, а потом весьма решительно заявили о себе. Флот старой империи они истребили практически начисто — все ее броненосцы, все эти «Сокрушители утесов» и «Потрясатели морей» давно ржавеют на дне. После прихода к власти Неизвестным Отцам было как-то не до восстановления флота — хватало у них других насущных забот. И белые субмарины стали полновластными хозяйками океана: Островная Империя владеет всеми морями планеты — ни одно плавсредство крупнее самодельного плота не рискнет отойти от берегов континента даже на десяток километров. Достаточно регулярно белые субмарины атакуют побережье. Поодиночке, иногда эскадрами в несколько десятков единиц, но на этот раз подводных лодок, по данным с орбиты, несколько сотен. Стратегия айкров непонятна — такое впечатление, что, нападая на материк, они не преследуют никаких целей, кроме избияния всего живого, вплоть до тотального геноцида. Мне страшно себе представить, что они натворят, если им удастся продвинуться вглубь материка.

На что способны айкры, Максим представлял: на мертвой субмарине кроме сушеных голов были еще и очень познавательные и впечатляющие фотоальбомы.

— Островитяне имеют атомное оружие? — спросил он, боясь услышать «да».

— Сведений нет. Однако недавно артиллерией береговой обороны была уничтожена белая субмарина, оснащенная ядерным реактором. А если есть реактор, значит, есть и бомба — эти вещи взаимосвязаны. Остается лишь надеяться, что бомб этих у островитян не сотни и что у них нет дальнобойных баллистических ракет — с этим делом у саракшиан, слава богу, туго. Зато есть хорошие тактические. Так, Каммерер, лекция закончена. Через час будь готов отправиться на побережье. Полетишь на вертолете и примешь командование обороной: к побережью уже направлено все, что мы сумели наскрести.

— Вы едете тоже?

— Нет... Мне нельзя покидать столицу, — Сикорски тяжело вздохнул. — За Временным Советом нужен глаз да глаз, иначе они тут такого натворят, что даже вторжение заокеанских головорезов покажется детской шалостью.

— Рудольф, я готов, но вы, же понимаете, что военачальник из меня...

— Будут у тебя военспецы, — успокоил его Странник, — есть у меня... лояльные. А твоя задача — держаться, держаться изо всех сил, пока не станет ясно, что затеяли эти морские демоны. Ну и я тут кое-что подготовлю — за то время, которое ты для меня выиграешь. Все, прогрессор, — действуй. Я буду на связи — вызывай меня по нашему каналу в любое время.

* * *

Над берегом клубился черный дым, похожий на грязную вату. Метрах в трехстах от воды ярко пылал танк с развороченными бортами; поодаль, скрытое в густом дыму, горело еще что-то. А над городом-портом, на направлении главного удара, дым висел темной тучей, напоминавшей грозное облако, которое никак не может разродиться дождем, а только мечет во все стороны громы и молнии.

Адмирал Сутга Хоронити опустил бинокль, повернулся к офицеру связи, сидевшему за портативным переносным пультом, и отрывисто бросил несколько слов. Особой нужды в дополнительных распоряжениях не было — все шло по плану, — однако флот должен знать, что его командующий бдительно следит за неукоснительным исполнением воли Белого Города и не упускает ни одной мелочи.

Оснований для беспокойства не было. Как и ожидалось, флот имперцев — адмирал знал, что самая крупная из Старых Стран, сохранившая жалкое подобие бывшего величия, давно перестала быть империей, но по привычке именовал врагов имперцами — реального сопротивления не оказал. Флота у них уже не было. Одиноким сторожевой корабль успел сделать всего лишь с десяток безрезультатных выстрелов, а потом получил торпеду, переломившую его надвое, и счетверенные автоматические пушки «морских змеев» раскрошили его плавающие обломки вместе с цеплявшимися за них уцелевшими моряками. Не появилась и авиация противника — Хоронити подозревал, что у имперцев не осталось практически ничего, способного летать и бомбить.

Высадка десанта началась одновременно на всем протяжении стапятидесятимильной береговой полосы. Кое-где мобильные отряды берегового патруля встретили десантников яростным огнем — как обычно, — но не могли остановить вторжение такого масштаба. Залпы тяжелых орудий выдавили их с берега — Легион отступал, огрызаясь и цепляясь за каждый бугорок. Захваченный айкрами плацдарм расширялся, словно рана, распарываемая клинком.

Основной целью армады вторжения, рассеявшей внимание защитников материка отвлекающими ударами, был порт. Плавающие танки и пехотинцы легко могли выбраться на пологий берег в любой его точке, однако для выгрузки того, что скрывалось в объемистых трюмах пузатых, словно обожравшиеся рыбы-дьяволы, транспортных субмарин второго эшелона, требовались капитальные бетонные пирсы — конечный успех всей операции зависел от захвата города-порта. И захватить его надо было как можно скорее, пока староимперцы не опомнились, не оценили невиданный размах высадки и не пустили в ход атомное оружие — с такой возможностью командующий группой флотов «С» не мог не считаться.

Хвала Владыке Глубин, обошлось. На улицах города еще стреляли, а к берегу уже направились тяжелые субмарины-транспорты, которым больше не угрожали умолкнувшие батареи на волноломах атакованного порта. Не все причалы могли принять эти корабли из-за их большой осадки, но это не остановило островитян.

...Возле громадной туши транспорта колыхались на волне звенья составного понтона; по ним шустрыми муравьями сновали матросы, собирая элементы плавучего сооружения в

единое целое. Распахнулся бортовой лацпорт, из него со скрипучим лязгом выдвинулись две параллельные стальные балки, похожие на лапы чудовища Лапы напряглись — по ним из брюха транспортной субмарины с натугой перемещалось что-то очень тяжелое. Сугга Хоронити внимательно следил за происходящим в бинокль: началось самое ответственное.

Из темноты трюма, подсвеченной огнями прожекторов, показалось рыло громоздкой боевой машины. Покачивая в воздухе широкими гусеницами, машина медленно ползла по направляющим балкам, нависавшим над понтоном. Самоходная ракетная установка — Сугга Хоронити и офицеры его штаба знали, какой боеголовкой снабжена ракета, покоившаяся на гусеничном шасси, и на мостике флагманской «белой змеи» повисло напряженное молчание.

Понтон дрогнул. Операторы с ювелирной точностью опустили на него многотонный груз, и адмирал вытер вспотевший лоб, вспомнив, как в далеком детстве выскакивала у него из-под ноги плавающая доска, если неосторожно наступить на ее край.

Вскипели буруны. Буксируемый понтон двинулся к берегу, а его место уже занимал другой. Балки втянулись, и в трюме транспортной субмарины проворные матросы грузовой команды уже заводили цепи на следующую тяжелую машину.

Прорвавшись сквозь полосу густого дыма, перечеркнувшую порт, понтон нацелился на низкий причал. Рожденные Морем отлично управлялись со всем, что держится на воде: природное чутье позволяло им чувствовать продолжением своего тела и каноэ, и подводный авианосец. Носовая часть понтона ткнулась в причал; стальные нити швартовых плотно притянули шаткое сооружение к невысокой бетонной стенке. Утробно взревел мотор самоходки, и она, кроша уширителями гусениц бетонную кромку пирса, рывком выскочила на берег. Первая мобильная установка с атомной ракетой поползла по улицам города-порта, оставляя за собой вонючий хвост выхлопных газов и глубокие шрамы на асфальте, похожие на резанные раны...

К вечеру все двадцать ракет были уже на берегу, в захваченном городе, очищенном от всего живого. Охраняемые отборными десанниками, мобильные установки расползлись по окрестностям и затаились, прикрывшись маскировочными сетями. Теперь им оставалось только ждать своего часа, который еще не наступил, но, как считал командующий группой флотов «С», был уже близок.

* * *

Максим ожесточенно потер лицо. Приходится признать, отстраненно подумал он, что я не владею ситуацией, а проще говоря — не понимаю, что происходит. Кровоточащая язва вторжения расползается, горят поселки, дороги забиты беженцами. Изможденные матери, в глазах которых застыл дикий ужас, несут на руках детей с прозрачными до синевы лицами; обочины усыпаны узлами и чемоданами, разбитыми тележками, брошенными велосипедами, опрокинутыми машинами. Над дорогами висят тоскливые плачущие крики, а дети молчат — они смотрят в низкое серое небо, где в любую минуту могут появиться летающие платформы айкров и пролить на головы людей огненный дождь. И я, человек благополучного мира, где давно забыли страшное понятие «война», ничего не могу сделать. Я разбираюсь в нуль-передатчиках на позитронных эмиттерах, в прикладной эмбриомеханике, в технике двадцать второго века, но я, ни черта не смыслю в принципах построения глубоко эшелонированной обороны, в основах боевого взаимодействия разных родов войск, в стратегии и тактике. Нам все это давно уже не нужно — мы не воюем, мы великие гуманисты, мы видели военную форму только в музеях, и сама мысль о том, что кто-то где-то когда-то мог сделать войну, то есть убийство людей на организованной основе, профессией и делом всей жизни, вызывает у нас брезгливость. Но тогда какого черта мы влезли в эту кровавую саракшианскую кашу, чистоплюю? Кому и что мы хотели доказать, кого и чему мы пытались научить? Для солдат-ополченцев, сидящих в раскисших от грязи окопах, все ясно: там, впереди, древний враг, и он зарежет твою жену и детей, если ты его не остановишь. У легионеров тоже вопросов нет — эти парни профессионалы, они дрались с островитянами годами, и будут драться до

конца. А мы? Зачем мы вмешались в чужую войну и присвоили себе право определять, кто виноват и кто должен быть наказан? Да, островитяне запредельно жестоки, но что творили имперцы на Благословенных Островах? И почему мы должны спасать от самих себя обитателей Старых Стран, а не айкров — только потому, что на островах не было ни атомной войны, ни башен-излучателей, зато есть кровавый культ бога морей, Владыки Глубин, как они его называют? Чем ротмистр Чачу лучше осатанелого командира белой субмарины, хонтийского поручика или пандейского есаула в юбке? У них у каждого своя, правда и свои враги — мы-то здесь при чем? Мы хотим их всех помирить и воспитать в духе добра? И сколько уверенности в этом у меня осталось?

Так, сказал он себе, отставить философию. Твоя задача — держаться, это приказ, и ты будешь держаться. А если тебе нужна мотивация чуть более конкретная, чем любовь ко всем человечеству Саракша, вот она: эти беспощадные морские головорезы, если их не остановить, дойдут и до столицы, а там, в столице, — твои друзья, маленький очаг знания, выращенный Странником. Там — Рада. Есть у вас еще вопросы, товарищ Каммерер, прогрессор-практикант? Вопросов нет.

«Быр-быр-быр, — глухо донеслось со стороны входа в блиндаж, — бу-бу-бу». Ну что там еще, раздраженно подумал Максим, кого там еще принесло, и с какими вестями? Вряд ли с хорошими, массараکش...

Двери распахнулись, и в блиндаж протиснулся человек в офицерской форме — чистой, несмотря на грязь, в которой по уши тонули позиции обороняющихся.

— Бригадир Тоот, — представился он, вскинув руку к сетчатой каске. — Прибыл в ваше распоряжение, господин командующий.

И Максим его узнал — сразу, хотя виделись они мельком и с тех пор прошло немало времени. Перед ним стоял тот самый офицер-легионер, который встретил Каммерера в тот памятный день, когда воспитуемый Аллу Зеф, именуемый тогда «рыжим хайлом», и никак иначе, доставил до изумления наивного молодого землянина, искренне рассчитывавшего на контакт с чужепланетными разумными существами, в комендатуру и отправил Максима в столицу, предопределив тем самым его дальнейшую судьбу.

По глазам бригадира (с повышением, господин ротмистр!) Максим понял, что Тоот тоже его узнал. И неудивительно: их встреча тогда была достаточно необычной, а ныне Мак Сим известен всей стране, и не только как один из ближайших помощников «теневого диктатора» по имени Странник, но и сам по себе: слухи о том, кто взорвал Центр, разошлись кругами по воде. Однако господин бригадир не подал виду — ведь Тоот был сейчас просто офицером, прибывшим на фронт исполнять свой долг. Хорошо, подумал Максим, что не все офицеры Легиона похожи на ротмистра Чачу, чтоб ему пусто было...

Судя по документам, Тоот оказался одним из «военспецов», обещанных Рудольфом, значит, ему можно было доверять. Официально он был направлен к Максиму на должность начальника штаба, и уже через полчаса Максим испытал огромное облегчение. Тоот быстро вошел в курс дела и как-то легко и непринужденно исправил кучу ошибок, сотворенных Максимом в силу своей ограниченной профпригодности. Бригадир четко соблюдал субординацию и ни единым словом не высказал своего отношения к военным талантам командующего фронтом — Тоот просто добросовестно делал свое дело. И появился он как нельзя кстати.

Фронт трещал по всем швам. Из глубины страны подтягивались резервы, и Максим тут же бросал их в бой, латая прорехи в обороне. Островитяне дрались свирепо и умело, и тягаться с ними на равных могли разве что легионеры — толком не обученные ополченцы из вчерашних рабочих и крестьян сражались на голом энтузиазме и несли огромные потери. Но что самое скверное — не удавалось определить основной цели наступления айкров. Во всех былых набегах они ограничивались опустошением прибрежных районов и массовыми убийствами, а затем, когда к побережью подтягивались крупные войсковые части, айкры быстро отступали и растворялись в океанских просторах. Нынешнее вторжение было куда грандиознее, однако по всем оценкам численность армии островитян не превышала четверти

миллиона, а этого было явно недостаточно для оккупации страны с сорокамиллионным населением. И при всех нынешних трудностях Странник мог поставить под ружье и бросить в бой вдесятеро больше войск — айкров задавили бы числом. А прибытия второго десанта, во всяком случае пока, не ожидалось: Сикорски задействовал убогую имперскую авиаразведку, но она не засекала никаких признаков появления еще одной «непобедимой армады».

Тем не менее, айкры продолжали наступать, при этом то и дело, меняя направление главного удара. Непонятная стратегия противника настораживала Максима, и к тому же она приводила к лишним потерям оборонявшихся: при переброске войск с одного угрожаемого направления на другое летающие платформы островитян, бороться с которыми было очень трудно ввиду острой нехватки зенитной техники и отсутствия собственной авиации, нещадно жгли автоколонны на рокадных дорогах.

Покорпев над картой, Каммерер с Тоотом пришли к выводу, что айкры нацелились на крупный промышленный центр юго-западнее столицы — уж там-то черепов вволю, — а все остальные их удары являются отвлекающими. Предположение выглядело логичным, но что-то в нем смущало Максима: ему не верилось, что островитяне затеяли все это только для того, чтобы разорить этот сектор страны и после этого тихо убраться восвояси. И все-таки он согласился с доводами своего начальника штаба, и лучшие части фронта были переброшены на прикрытие подступов к городу с миллионным населением.

Но уже на следующее утро все изменилось.

* * *

— Странно... — задумчиво пробормотал Тоот, прислушиваясь к грохоту канонады. — Они снова изменили ось наступления: обходят город с севера и рвутся напрямик вот сюда, к излучине, — он ткнул пальцем в карту.

— Они идут на столицу? — уточнил Максим, посмотрев на карту.

— С теми силами, которыми располагают островитяне, это нереально, — сухо ответил начальник штаба. — Они упрутся вот в эту реку, и если даже смогут через нее переправиться, им надо будет пройти — с боями! — пятьсот километров. Нет, это нереально. И тем не менее они настырно рвутся именно туда, массарах! Не понимаю...

Пятьсот километров, пятьсот километров, повторял про себя Максим. От излучины до столицы — пятьсот километров... Островитянам эти километры не пройти — никак. Их там встретят и размажут гусеницами — в этом районе формируются два новых танковых корпуса, пополняются сотнями новейших «вампилов». Основной принцип победы — это подавляющее превосходство в живой силе и технике... Пятьсот километров... Нет, айкры их не пройдут, ведь там еще река, которую надо форсировать под огнем. Пятьсот километров?

— Послушайте, Тоот, — медленно проговорил он. — Вы ведь старый кадровый офицер — какова дальнобойность ваших баллистических снарядов? Тех, что стоят на вооружении?

— Я не совсем кадровый, господин командующий, — чуть виновато ответил бригадир. — До службы в Легионе я был преподавателем в гимназии, а потом, в патриотическом порыве... Я не артиллерист, но знаю, что наши армейские установки имеют радиус действия триста пятьдесят — четыреста километров и точность попадания снижается с увеличением дистанции. Это называется рассеивание, господин командующий.

Значит, подумал Максим, опытные образцы могут стрелять и на пятьсот километров — техника не стоит на месте. А рассеивание — чего оно стоит, если к ракете будет привинчена атомная бомба?

Он растопырил пальцы наподобие циркуля, приложил их к линейке масштаба с края карты, а потом, накрыв мизинцем кружок, обозначающий столицу, описал большим пальцем широкую дугу. И подушечка его большого пальца пересекла голубую полосу реки, задела на другом ее берегу изгиб излучины и, снова перескочив реку, завершила полуокружность, удаляясь от района боевых действий.

— Вы полагаете... — начал Тоот, внимательно следивший за его манипуляциями.

— Если у островитян есть дальнобойные ракеты, — глухо отозвался Максим, — им нет нужды форсировать реку. Эта излучина — ближайшее место, от которой до столицы пятьсот километров по прямой. А точность попадания — какая разница, где будет эпицентр ядерного взрыва — над Дворцом Правосудия или над бывшей резиденцией Неизвестных Отцов, тем более что одной ракетой дело наверняка не ограничится? Наши друзья с Благословенных Островов решили выиграть войну одним махом, нанеся атомный удар по столице.

Начальник штаба побледнел: он сразу и безоговорочно согласился с предположением Максима — эта версия объясняла все.

— Так, господин бригадир, принимайте командование, — распорядился Мак, вставая. — Я отправляюсь туда, к излучине. И никаких возражений — каждый должен делать то, что у него получается, и не должен браться не за свое дело. Командуя фронтом, вы сохраните тысячи жизней, которые я наверняка погублю. Перебрасывайте к излучине все, что сумеете, — там решится исход войны. А я переброшу туда самого себя — я здорово задолжал народу этой страны, пора расплачиваться.

...Сидя в стальном брюхе рычащего бронетранспортера, Максим вышел на связь со Странником и сообщил ему о своих выводах. Перехвата он не опасался — канал был надежно экранирован, и говорили они с Рудольфом по-русски.

— Логично, — сказал Сикорски после долгого молчания. — Я подозревал что-нибудь в этом роде.

— Если не успею и айкры прорвутся, вы нанесете по излучине ядерный удар. На сигнал рации.

— Не будет тебе геройской гибели! — отрезал Странник. — Размечтался... — И добавил, помолчав: — Средств доставки у нас кот наплакал, а главное — люди. Нет у меня никакой гарантии, что какой-нибудь офицерик не развернет наспех переоборудованный грузовой самолет и не сбросит бомбу на столицу. Или не будет диверсии. Не суди по одному Тооту — далеко не всем армейцам и легионерам революция пришлась по вкусу. В общем, так: продержись сутки, а там... Ты меня понял, Мак?

— Я понял вас, Рудольф.

...В то время, когда Максим разговаривал со Странником, колонна из двадцати мобильных ракетных установок покинула окраины порта, захваченного айкрами, и двинулась к намеченной точке прорыва. Тяжелые гусеничные монстры шли с погашенными фарами, прикрытые танками с автоматчиками на броне, и с каждым часом приближались к громящей линии фронта.

* * *

Жители благоустроенной планеты Земля, стряхнувшей с себя тысячелетнюю грязь жадности и жестокости, не знали, что такое война. Не знал этого и Максим Каммерер, двадцатилетний парень с неясными планами на будущее, очутившийся на своем обитаемом острове по случайному выбору Группы Свободного Поиска. И даже окунувшись с головой в сумрачный мир Саракша, он еще не понял, что это такое, — ни когда дрался с бандитами Крысолова, ни когда получил от господина ротмистра Чачу шесть пуль, ни когда взрывал башню, ни даже тогда, когда участвовал в сумасшедшем танковом прорыве штрафников через пояс атомных мин на хонтийской границе. И даже позже, уже после взрыва Центра, когда в Стране Отцов фактически началась уже гражданская война, а угроза вторжения северян стала реальной, он еще не осознал в полной мере, что стоит за этим коротким словом. И только здесь, на речной излучине, кем-то случайно названной Гремящей, всем своим существом почувствовал Максим обжигающее дыхание чудовища по имени «война».

Он очень быстро потерял ощущение времени — все происходящее с ним и вокруг него слилось в сплошную кроваво-дымную ленту, разматывавшуюся перед его глазами. Гремело, ухало, горели подбитые танки, падали люди, и, казалось, простреленное небо вот-вот рухнет

на истерзанную твердь и прихлопнет ее, припечатает, чтобы раз и навсегда покончить с творящимся на ней безумием.

Атаки айкров следовали одна за другой, и Максим собственными глазами увидел, как умеют воевать люди, с детства готовившиеся стать воинами. Островитяне атаковали умело и расчетливо; они не шли в бой стройными шеренгами под развернутыми знаменами, с пением боевых гимнов — они наступали мелкими штурмовыми группами, перебежками, от одной складки местности до другой, и пока одна группа перебегала, другая поддерживала ее плотным огнем, не давая защитникам поднять голову над бруствером окопа. Непрерывно была артиллерия; из лощин гигантскими насекомыми выбегали плоские и приземистые танки-амфибии, шустро перебиравшие гусеницами и плюющиеся снарядами, а если островитяне встречали упорное сопротивление, в воздухе тут же появлялись продолговатые чечевицы их летающих платформ и заливали узлы обороны струями горящего напалма.

Наркотическое опьянение не заставляло Детей Моря бездумно бросаться на пулеметы — боевые машины-берсерки действовали хладнокровно, отнюдь не спеша отдать жизнь во славу далеких побед, но безостановочно шли вперед, используя малейшую оплошность оборонявшихся. Мак, оставив командный пункт, метался по всей линии обороны: командиры частей, особенно офицеры-кадровики, сами знали, что и как надо делать, и бой перешел уже в такую фазу, когда толкать их под руку было не только бесполезно, но и вредно. Максим понимал, что от него как от полководца толку немного, зато появление Мака Сима на передовой имело смысл — его знали, и Максим почувствовал даже что-то вроде религиозного обожания: мы не можем не победить, если с нами сам. Кажется, подумал он, они считают меня богом или пророком... Ощущение при этой мысли у него были странные, однако Максиму некогда было разбираться в оттенках своих эмоций — айкры то и дело врывались на позиции, и тогда в окопах вспыхивали дикие рукопашные схватки.

И он стрелял, видя, как падают под его выстрелами серые десантники, и дрался, на все сто используя свои умения. Но с каждой минутой Максим все отчетливее понимал, что исход битвы решают вовсе не его умение ускоряться и способность справиться лицом к лицу с несколькими противниками. В Гремящей Излучине столкнулись сотни танков, тысячи орудий и десятков тысяч людей, стрелявших друг в друга, и один человек — пусть даже уникальный — слишком мало значил в круговерти такой битвы. Противостояние было коллективным, и победа могла быть только коллективной, а каждый отдельный боец, в том числе и Мак Сим, просто вносил в эту победу свой посильный вклад.

* * *

...К вечеру стало ясно, что островитяне берут верх. Линия обороны была растрепана и порвана в клочья; подкрепления, перебрасываемые к Гремящей Излучине Тоотом, таяли, как снег в кипятке, а за спинами оборонявшихся уже плескалась мутная река — их оттеснили к самому берегу. И Максим почти физически чувствовал, видел, как за лесистыми холмами уже готовятся прыгнуть вперед самоходки, несущие длинные тела ракет, чтобы метнуть на столицу атомное пламя. Какого черта, вяло подумал он, ну неужели Странник сам не может сбросить на излучину атомную бомбу, если уж ему и впрямь некому это поручить? Неужели будет лучше, если в ядерном огне сгорит огромный город? Рада, девочка, она сидит дома и даже не догадывается о том, что вот-вот произойдет...

Максим в отчаянии сжал автомат и тут вдруг почувствовал, что на поле боя что-то изменилось, причем резко. Он поднял голову и выглянул из неглубокого, наспех отрытого окопа.

Его поразила тишина — всю многоствольную канонаду из всех видов оружия как ножом отрезало. Он вгляделся — впереди, там, где залегли цепи островитян, готовившихся к последнему решающему броску, что-то шевелилось, но как-то вяло. По полю полз танк, полз лениво, дергаясь и бессмысленно поводя орудийным стволом, а потом вдруг вынеслась из-за холма летающая платформа, набрала высоту, зависла и камнем упала вниз. Полыхнуло.

Гроыхнуло.

Ничего не понимая, Максим привстал, вылез из окопа. Он стоял, пригнувшись, не вставая в полный рост, и увидел справа — там, где река выравнивала свое течение, — цепь желтых машин: очень знакомых машин с высокими решетчатыми конусами, увенчанными округлыми вздутиями. Вот оно, значит, как, подумал он. Ай да Странник — решил пойти с козыря: зачем нам еще одно лишнее радиоактивное пятно, когда можно...

За его спиной зашевелились бойцы, кто-то с громким щелчком передернул затвор.

— Не стрелять! — закричал Мак во весь голос, стараясь, чтобы его услышало как можно больше людей. — Передать по цепи — прекратить огонь! Не стрелять!

«Не стрелять... стрелять... лять...» — прошелестело по линии окопов.

— Приготовиться брать пленных! — крикнул он, надсаживаясь. — Пленных, я сказал! Командиры — ко мне!

Слева показалась еще одна цепь передвижных излучателей — с большого расстояния они выглядели безобидными желтыми жуками. Классика — какой там полководец древности втянул все вражеское войско в мешок, а потом ударил по нему с флангов? Кажется, это был римский полководец... Или не римский? Плохо я все-таки знаю историю, подумал Максим, никогда не интересовался этим предметом — подумаешь, дела давно усопших. Однако этому древнему воеводе до Странника далеко, Странник рассчитал все: и время, и место, и конус излучения — моих солдат не задело. Стоп, оборвал он сам себя, надо торопиться: поле вот-вот исчезнет. Наверняка Странник и об этом подумал, иначе как мы доберемся до айкров? Эти веселые ребята придут в себя, и все начнется сначала. Значит, вперед!

Со всех сторон к Максиму подбегали офицеры, получали распоряжения, козыряли и бегом бежали их выполнять. Особого удивления на их лицах Максим не заметил: излучатели в Стране Неизвестных Отцов — дело привычное, а как их использовать, есть, кому решать.

Зато сам Максим удивление испытал: после снятия депрессионного поля, накрывшего всю Гремящую Излучину, островитяне не забегали и не запрыгали, как ни в чем не бывало. Нет, они не захлебывались слезами и соплями — Максим хорошо помнил, что творилось в коридорах Центра, когда он переключил генераторы на депрессивное излучение, — но активности не проявляли никакой. Грозные воины сидели и лежали неподвижно, бросив оружие и глядя прямо перед собой застывшими, ничего не выражающими глазами. Их ставили на ноги, вытаскивали из замерших танков, встряхивали, связывали руки, сгоняли в толпу, а они вели себя смирно, как под наркозом. Хм, подумал Максим, похоже, Странник модифицировал излучение — раньше такой картины у попавших под него не наблюдалось. Верноподданные зомбировались, выродки выли и корчились от боли, но как только излучение снималось, все возвращалось на круги своя. А здесь эффект растянутый. Излучения-то уже нет, иначе мои бойцы тоже превратились бы в ходячие бревна. Интересно, как долго продлится у айкров состояние грогги? И есть ли среди них выродки, а если есть, то, как на них подействовала козырная карта Странника?

Выродки среди островитян имелись — среди «сонных мух» попадались и впавшие в полный анабиоз: скорее всего, болевой шок от воздействия излучения вызывал у них длительный глубокий обморок, похожий на состояние комы. Ай да Странник, подумал Максим, постарался на славу, ничего не скажешь... А мне ведь даже словом не обмолвился, что с психотронными генераторами ведутся какие-то работы: знай, сверчок, свой шесток. Ай да Странник...

А над Гремящей Излучиной неся рокошующий гул: форсировав реку, на плацдарм, где развеялись надежды островитян выиграть войну одним ударом, двумя стальными потоками вливались «вампиры» и «драконы» резервных танковых корпусов.

* * *

Странник прилетел на тархтящем и облезлом военном вертолете, поднимавшемся в небо, судя по всему, еще при покойном императоре. Так торопился к финальной сцене,

подумал Максим, что даже не позаботился найти что-нибудь попримечнее и понадежнее этой жестянки. А с излучателями столько дней тянул... Однако он постарался отогнать эти мысли, понимая, что в нем говорит обида на скрытность Сикорски, не соизволившего сообщить землянину Максиму Каммереру о своем замысле. Но Максим понимал, что Рудольф поступил так не из-за тайных помыслов, а исходя из куда более серьезных соображений — в Галактической безопасности на мелочи не размениваются. Сикорски наверняка сделал все, что мог, а что он не применил излучатели раньше — значит, на то были веские причины.

Рудольф долго смотрел на захваченные ракетные установки островитян, на тупые головы ракет, таивших в себе атомные заряды, и Максим заметил, как у него чуть дернулась щека: кто-то, а Странник хорошо понимал, чем все это могло кончиться.

...Контрнаступление разворачивалось стремительно. Впереди шли тяжелые танки, а сразу же за ними, хвост в хвост, чтобы танки не вышли из мертвой зоны, не перекрываемой направленным излучением, двигались желтые машины, невидимой метлой выметая серую накипь, затопившую всю прибрежную полосу. Не обходилось без потерь: шальные снаряды, выпущенные островитянами из-за пределов поля, рвались в боевых порядках наступающих, и случалось, что удивленные захватчики оживали преждевременно, хватались за оружие, а то и просто кидались на армейцев, ополченцев и легионеров с голыми руками, норовя вцепиться зубами в горло. Зато в небе было чисто — ни одна из уцелевших летающих платформ не появилась над танковыми колоннами, морские пилоты быстро сообразили, что к чему.

Бег к морю был бегом наперегонки со временем. Сикорски опасался — об этом он Максиму сказал, — что у айкров могли еще остаться атомные ракеты и теперь, когда их затея провалилась, островитяне запросто могли пустить их в ход.

К счастью, этого не случилось. Ядерных грибов не было, зато было другое — поселки, сожженные в пепел, разрушенные в щебень городки и трупы, трупы, трупы. Тысячи трупов — трупы по обочинам дорог, трупы в разоренных деревнях, трупы, висевшие на деревьях. И безголовые трупы — такие встречались буквально на каждом шагу. Все это походило на бред, на ментограмму сумасшедшего, свихнувшегося от лучевого голодания, но все это было реальностью «обитаемого острова», реальностью Саракша — мира, населенного существами, считавшими себя разумными. И злой реальностью были жестокие расправы над пленными айкрами, учиняемые легионерами и ополченцами, обезумевшими от всего увиденного. Подчиняясь приказам командования, офицеры пресекали самосуд, но, как показалось Маку, делали они это спустя рукава, и он не мог их за это винить. И только теперь землянин Максим Каммерер окончательно понял, что такое война...

Бег к морю завершился за считанные часы — моторизованные колонны шли на полной скорости вслед за волной излучения, катившейся на запад, предоставляя идущей за ними пехоте собирать «бревна». Организованного сопротивления со стороны десанта не было, да и быть не могло — айкры не могли устоять перед психотронным оружием, некогда державшим в покорности всю огромную Страну Неизвестных Отцов.

Путь, по которому бригады Легиона отступали восемь дней, в обратном направлении был пройден ими за восемь часов, и лязгающие гусеницами «драконы» выскочили на берег, к океану, кишевшему белыми субмаринами.

* * *

Командующий группой флотов «С» адмирал Сугга Хоронити привычным движением погасил курительницы. Сегодня он совершил ритуал не для обострения разума, а для омовения души перед встречей с Отцом всего сущего.

...То, что случилось что-то серьезное, на борту флагманской субмарины поняли через десять минут после начала контратаки староимперцев, а через двадцать минут определение «серьезное» уступило место определению «непоправимое». Все походные рации десантных

частей, втянувшихся в излучину, умолкли разом, а затем одна за другой начали замолкать рации подpiraющих частей второго эшелона, до этого поддерживавших непрерывную связь со штабом флота вторжения. «Зона молчания» — границы ее быстро были нанесены на карту — ширилась и ширилась, расползаясь по всему фронту и превращаясь в зону поражения. А что именно произошло, стало ясно из радиодонесения пилота летающей платформы, своими глазами видевшего, как шедшие впереди него машины без видимой причины стали падать на землю. Последняя платформа успела развернуться и сообщить о том, что остальные машины эскадрильи не были сбиты зенитным огнем — они потеряли управление, как, будто их пилоты уснули прямо в воздухе.

Вывод, сделанный адмиралом Хоронити, был убийственно очевидным: информация разведки, что континентальная система психотронного воздействия — страшное оружие, от которого нет защиты, — разрушена, является или ошибкой, или дезинформацией. Эта система (или хотя бы достаточное число ее элементов) продолжала работать — подтверждением этому служила «мертвая зона», появившаяся на штабных картах.

Командующий армадой сделал все, что мог. С берега торопливо эвакуировалась тяжелая техника (многое пришлось бросить — времени было слишком мало, фронт лучевой атаки приближался со скоростью лесного пожара); авиаматки и транспорты уходили в океан — туда, куда не дотянутся невидимые щупальца излучателей, — а над боевыми субмаринами потянулись шлейфы белого дыма: ориентируясь по радиопеленгам — по последним вскрикам замолкавших раций, — флот бил ракетами по границе «зоны молчания», надеясь замедлить ее стремительное расползание. И остро пожалел тогда адмирал Хоронити о том, что отправил в излучину все пусковые установки ракет с атомными боезарядами и не оставил хотя бы две-три штуки в резерве.

Адмирал не рассчитывал парой ядерных взрывов переломить ход проигранной битвы, однако будь у него под рукой эти ракеты, он мог бы расстроить боевые порядки противника, сбить темп его наступления и отойти, не потеряв лицо и выхватив из-под носа врага тысячи морских воинов, которые потом смогут вернуться и отомстить. Но атомных ракет у адмирала Хоронити больше не было...

Командующий держался до конца, чтобы забрать с берега хотя бы жалкие остатки десанта — девяносто процентов грозной армии вторжения стали добычей торжествующих староимперцев, — и отдал приказ отходить только тогда, когда умолкла «контрольная» рация в порту: это означало, что конус излучения уже накрыл город.

Однако выполнить приказ командующего оказалось не так просто: у берега в районе города-порта сгрудились сотни белых субмарин, и они мешали друг другу... А излучатели тем временем уже вошли в пределы радиуса действия, и на флот обрушился сосредоточенный лучевой удар.

...Дикая боль вспорола мозг. Адмирал изогнулся, цепляясь на поручни мостика. Он видел сквозь пелену боли, как мягко оседают на палубный настил офицеры его штабы и как беспомощно разворачиваются «белые морские змеи», потерявшие управление. Чудовищным усилием воли Хоронити дотянулся до выносного пульта управления и, уже теряя сознание, нажал кнопку экстренного запуска двигателей...

Что было дальше, адмирал видел только на киноплёнке — бесстрастная аппаратура автоматически зафиксировала агонию непобедимого флота айкров. Субмарины, не успевшие погрузиться и отойти на безопасное расстояние, сталкивались, с хрустом проламывая друг друга борта, тонули и ранеными китами выбрасывались на берег. С берега их расстреливали беглым огнем танки, и субмарины взрывались, рассыпаясь фонтанами огня и раскаленных обломков. Большая часть армады вторжения, начавшая отход заранее, вышла из лучевого конуса, однако морскому могуществу Островной Империи был нанесен тяжелейший удар.

...Адмирал неспешно встал с ковра, оделся, стряхнул с мундира несуществующую пушинку и прицепил кортик. Посмотрел на себя в металлическое зеркало, потом, подойдя к ложу, снял с переборки портрет госпожи Ики. Несколько секунд командующий вглядывался

в лицо жены, затем положил фото на стол и вышел из каюты. Стражей у ее дверей больше не было: все десантники флагмана ушли на берег, и никто из них не вернулся. Командующий имел право задержать десантную партию на борту субмарины, но он не мог запретить своим воинам исполнить долг мести.

Быстро темнело. Над взлохмаченной волнами поверхностью океана протяжно пел ветер. На верхнем мостике собрались офицеры флагманской субмарины, и все они смотрели на своего адмирала. Никто из них ни в чем не обвинял командующего, он это чувствовал. Да и в чем его можно обвинить? Адмирал Хоронити сражался мужественно, но бывает и так, что самый отважный воин может потерпеть поражение, если враг окажется слишком силен. Белый Город не будет обвинять свою карающую длань — командующий флотом вторжения сделал все, что мог. И только один человек мог обвинить адмирала он сам.

Согласно расчетам Генерального штаба Островной Империи, для гарантированного разрушения столицы противника (с учетом рассеивания ракет, выпущенных с предельной дистанции, а также того, что часть баллистических снарядов может быть сбита) требовалось шестнадцать ракет. Это число было увеличено до двадцати: предполагалось, что несколько установок могут быть уничтожены еще на марше или во время развертывания. Островная Империя смогла дать своему флоту только двадцать атомных зарядов, и все они нужны были для нанесения удара по вражеской столице. Столица непременно должна была быть разрушена: в этом случае, как полагали стратеги Белого Города, в бывшей Стране Отцов воцарится хаос и вся она ляжет под ноги победителей-айкров. И поэтому никакое разделение ударных ядерных сил даже не обсуждалось.

Однако в ходе операции, когда выяснилось, что все установки могут без потерь быть переброшены в стартовый район, появилось у старого воина желание придержать часть ракет в резерве — так, на всякий случай (чувствовал он, что противник готовит какой-то сюрприз). Но адмирал Сугга Хоронити отогнал эту мысль — он должен разрушить вражескую столицу, а все остальное уже неважно — и теперь обвинял себя в том, что не внял предостережению интуиции.

Об этих мыслях адмирала не знал никто, и никто не смог бы поставить ему в вину то, что он не нарушил принятый план и не сократил количество ракет, предназначенных для нанесения решающего удара, однако сам адмирал знал: да, он допустил ошибку и должен за нее ответить. Каста воинов Благословенных Островов с самого раннего детства воспитывала своих сыновей в древних традициях — ей не нужны были никакие башни-излучатели, чтобы вырастить из них беспощадных бойцов, безоговорочно следовавших принципам чести, при утрате которой сама жизнь уже не имеет смысла. Кодекс истинных воинов-айкров был непонятен обитателям материка — они считали островитян тупоголовыми кровожадными дикарями, не доросшими до общесаракшианских ценностей.

Над мостиком субмарины с протяжным жалобным криком пронеслась ширококрылая белая птица, вестник Владыки Глубин. Адмирал Хоронити проводил ее взглядом, посмотрел на тускнеющее небо, вынул из ножен кортик, проверил пальцем остроту его лезвия и без всяких колебаний, одним рассчитанным движением перерезал себе горло.

* * *

Берег был замусорен, а вернее сказать, загажен. На пляже, где отдохнуло множество людей, всегда остается какой-то бытовой мусор, даже если люди эти очень аккуратны и не раскидывают где попало разные упаковки, обертки и прочую мелочь. А если по этому берегу прошли тысячи людей, нисколько не озабоченных чистотой и порядком и явившихся сюда не для отдыха, а совсем с другими намерениями, для осуществления которых они прихватили с собой массу смертоносных приспособлений, картина получается и вовсе неприглядная. И запах — смрад нечистого места, где убивали и умирали; запах смерти, злой и бессмысленной.

Там и сям, на плоской поверхности пляжа виднелись бесформенные кучи. Из чего они

состоят, Максиму не очень хотелось рассматривать — то ли одежда, то ли изуродованные трупы, то ли еще какая-нибудь гадость, — ему с лихвой хватило того, что он увидел в городе. Медузами колыхались на волнах серые кепи; в полосе прибоя вяло шевелилась десантная шлюпка — выползала, шурша днищем по гальке, и снова сползала с берега с отступающей волной, словно диковинный морской зверь, силящийся выбраться на сушу. Другая шлюпка, перевернутая, высывала из воды покатоое тускло-блестящее днище, украшенное сквозной пробоиной с рваными краями. Потом Максим заметил оторванную ногу в шнурованном сапоге, торчавшую из песка, и отвернулся.

Горизонт был чист. Белые субмарины, вышедшие из-под лучевого удара, давно скрылись в глубине и отошли на безопасное расстояние, только метрах в ста от берега торчала из-под воды одинокая рубка, на которую волны уже забросили бурые пряди водорослей.

А по всему берегу сидели люди — тысячи людей, одетых в серую форму десантников Островной Империи. Пленные, десятки тысяч пленных — они сидели, опустив головы, под дулами автоматов легионеров и ополченцев, оцепивших всю эту толпу, и под прицелами танковых орудий и пулеметов — железная шеренга «драконов» тянулась вдоль всего берега насколько хватало глаз. Излучателей среди них видно не было: наверное, подумал Максим, предусмотрительный Странник уже отвел эти драгоценные машины от береговой черты, а то еще прилетит с океана островная ракета с не самой приятной начинкой.

Максим смотрел на пленных айкров с двойственным чувством. Они вроде бы были похожи на людей — внешне похожи, — но перед его глазами еще стояли картины увиденного в городе: разрушенные дома, трупы, растертые по асфальту гусеницами танков-амфибий, и другие трупы — трупы тех, кого эти островитяне убили уже не в бою, а после боя, спокойно и хладнокровно, с фантазией. Особенно поразила Максима легковая автомашина, сожженная вместе с находившимися в ней людьми — судя по всему, их туда запихивали специально, утапывая и утрамбовывая. Сколько всего людей погибло в этой огромной консервной банке, залитой напалмом, сказать было трудно — весь салон был забит спекшейся черной массой, из которой через выбитые окна машины торчали облизанные огнем скрюченные руки и ноги, глянцевито поблескивающие на солнце. Максим почувствовал тошноту, а Сикорски только сумрачно взглянул на эту чудовищную братскую могилу и зашагал дальше, хрустя битым стеклом, усыпавшим мостовые несчастного города-порта. Да разве это люди, подумал тогда Максим, это звери, нет, они хуже зверей...

И сейчас, глядя на пленных, Максим ощущал ауру тяжелой ненависти, излучаемую их скопищем. У айкров вырвали из рук оружие и лишили их возможности убивать, но они не были сломлены: островитяне ждали минуты, когда можно будет снова сцепиться с извечными врагами. С такой упорной ненавистью Максим еще никогда не сталкивался, и даже не подозревал, что такая вообще может существовать, но теперь он был уверен, что вековая ненависть айкров к жителям материка умрет только вместе с островитянами или с последним уроженцем континента. Страшная штука, массаракш...

Но больше всего Максим боялся простого вопроса шефа: «Ну, что скажешь, герой? Дрался ты, конечно, молодцом, но...». Да, если бы Каммерер не взорвал Центр, ничего бы этого не было — ни сожженного города, ни изуродованных трупов, ни десятков тысяч убитых с обеих сторон. Флот вторжения попал бы под депрессионное излучение, только войдя в сферу действия башен — вон одна из них, легка на помине, торчит неммым укором, — и на этом все было бы кончено. И не было бы этих пленных, с которыми надо что-то делать — не будут же они вечно сидеть на этом запакощенном берегу. Простое решение — не всегда самое лучшее, так, кажется?

Максим был благодарен Сикорски за его молчание, но это молчание уже становилось тягостным, и тогда он не выдержал.

— Что делать с пленными, Рудольф?

— О позитивной реморализации уже не думаешь? — Странник искоса посмотрел на него.

— Я не знаю, — честно признался Максим. — Отправить их всех домой? Но нам не на чем их везти через океан? Оставлять их здесь, в стране? Но стоит убрать надзор и...

— Что ты предлагаешь? — перебил его Странник. — Конструктивного?

Максим тяжело молчал, глядя на поле боя.

Похоже, Странник догадался, о чем думал Максим. Глаза Сикорски вспыхнули — таким взбешенным Максим его еще не видел.

— Понравилось убивать, мальчик? Вошел во вкус? — Странник побагровел до кончиков хрящеватых ушей. — Быстро же ты... повзрослел. Или поглупел. Так давай бери пулемет и стреляй, только не забудь подсчитать, сколько тебе понадобится времени и патронов, чтобы убить сто тысяч человек! Или забирайся в танк, — Рудольф махнул рукой в сторону пятнистых «драконов», торчавших на гребне берега, — и дави их всех, наматывая на гусеницы! А потом — построь бомбардировщики, садись за штурвал какого-нибудь «Горного орла» или «Ангела смерти» и веди их к островам, сбрасывай атомные бомбы на города айкров. А что? Заразу выжжем под корень, вместе с женщинами и детьми, — чего не сделаешь ради светлого будущего этой несчастной планеты! Почувствовал себя сверхчеловеком или, может быть, богом, а?

— Не надо, Странник, — мрачно сказал Максим. — Никто никого не будет убивать. Не было дурных мыслей. Просто хороших не осталось...

На Максима навалился стыд пополам с досадой на дурацкую манеру Сикорски делать из него мальчика для битья.

— Всех в лагерь! — гаркнул Странник. — На Голубую Змею, в знакомые тебе края! В бараках там теперь места много, на волне революционной эйфории выпустили всех воспитуемых — и политических, и уголовную шушеру, которая резвится сейчас по всем городам страны, — так что наши морские воины поселятся с комфортом. И пусть очищают леса от всей той пакости, что не дочистил ты со товарищи из подполья, хоть какой-то толк будет. А чтобы не бузили, будем держать их под излучением — да, да, ты не ослышался: под излучением. Или ты считаешь, что гуманнее будет перестрелять их всех прямо тут, и в лучших традициях островных варваров сложить из их голов величественную пирамиду в память нашей славной победы?

— В лагерь, — угрюмо сказал Максим.

А потом он посмотрел в небо — в причудливо выгнутое небо Саракша — и очень тихо произнес.

— Скажите, Рудольф, а зачем вообще мы явились сюда?

— Есть причины, — буркнул Странник.

Глава 6 ПО ОБРАЗУ И ПОДОБИЮ

Рейсовый «призрак», доставивший Максима, материализовался в одном из внутренних ангаров орбитальной платформы. До завершающего прыжка малой Д-капсулы оставалось чуть менее часа. И Максим просто смотрел на белый диск Саракша, занимавший почти всю переднюю обзорную полусферу.

Киберпилот запрограммирован с учетом границ опасной зоны, подумал Мак, и в этот раз, надеюсь, меня не встретят зенитные ракеты, все еще таящиеся под опаленными атомным огнем и изувеченными радиацией деревьями железного леса и все еще готовые выполнить свое смертоносное предназначение. «Метеоритной атаки в атмосфере» не будет, а будет мягкая посадка в заданном районе, где меня уже ждут, короткий перелет в столицу на вертолете, присланном Странником, и — здравствуй, Саракш, давно не виделись.

Да, давно. Год — это срок, и немалый, особенно если у тебя за плечами всего-то чуть больше двадцати прожитых лет (даже если дни, проведенные на Саракше, считать один за два, а то и за три). Но этот год прошел, и теперь он, Максим Каммерер, возвращается домой. Домой? Странно звучит... Мой дом — Земля, или все-таки... Саракш? Вспомнит ли меня

Рада...

...На Землю Максим отправился по приказу Сикорски. Вскоре после разгрома островного десанта Рудольф жестко и без обиняков заявил: «Собирайся на Землю, Мак, — и добавил, заметив, что Максим хочет что-то сказать. — Никакие возражения не принимаются. Ты давно уже не вольный стрелок ГСП, Каммерер, ты теперь по роду работы сотрудник Галактической безопасности, так что будь любезен выполнять все мои распоряжения. А Саракш от тебя не убежит: ты вернешься. Я наблюдал за тобой все эти месяцы и пришел к выводу, что тебе необходима хотя бы базовая прогрессорская подготовка, а то ты и впрямь устроишь здесь что-нибудь вроде Барканской резни. Неподготовленность, Максим, — тон голоса Странника неуловимо смягчился, — штука страшная, последствия могут быть очень тяжелыми и для тебя самого, и для других. Пройдешь ускоренные курсы — это займет год, не более, — и вернешься обратно во всеоружии. Так нужно, Максим. Вопросы?»

Вопросов у Мака не было. Точнее, был у него один вопрос — можно ли ему взять с собой на Землю Радугу? — но что-то его остановило. Максим не стал его задавать. С Радой отношения были несколько неясными после пандейской истории, и он это чувствовал. Но ему хватило слов Рады — «Я буду ждать тебя» — и ее прощальной улыбки.

Год на Земле пролетел для Максима быстро. Он учился агрессивно, словно искал в науках ответы на какие-то свои вопросы.

Впрочем, вся их группа в двадцать два человека, все юноши и девушки, учились в темпе и упорстве Максима.

И еще Мак поймал себя на том, что родная планета, где он родился и вырос, словно отдалилась от него, не стала чужой, скорее — непривычной. Саракш обжег Каммерера, сильно обжег, и теперь Максим чувствовал себя неуютно в благополучном мире Земли, где никто не носил оружия и смерть не приходила в каждый дом. «Синдром войны, — объяснил ему преподаватель психотренинга, с которым Мак осторожно поделился своими ощущениями. — Во все времена солдаты, вернувшиеся из районов вооруженных конфликтов, — например, во время войны на Окраинах, — чувствовали себя примерно так же. Это пройдет — со временем».

Не верить специалисту Максим оснований не имел, но пока что ощущение некоей чужеродности оставалось, и ему вдруг захотелось поскорее вернуться на Саракш, где он был, как это ни парадоксально звучит, своим.

Это желание обострилось у него после краткой встречи с Дженни, его первой и еще полудетской любовью. Девушка ему обрадовалась, но разговор у них не получился: на все ее вопросы Максим отвечал односложно, как будто каждое слово давалось ему с большим трудом, а рассказ Дженни о себе самой прошел мимо его сознания — он так и не запомнил, где и кем она работает, и кто ее спутник жизни, и есть ли таковой вообще. Они расстались недовольные друг другом, твердо зная, что больше уже не встретятся — зачем?

И мать, первое время радостно хлопотавшая вокруг сына, вернувшегося целым и невредимым из далекою далека, вскоре почувствовала его настрой. «Опаленный ты какой-то, Максик», — обронила она, спустя несколько месяцев. И осеклась: уж очень не вязалось это детское имя с обликом парня, глаза которого видели огонь, кровь и смерть. И с тех пор оставила попытки познакомить его с какой-нибудь хорошей девушкой: поняла, что это лекарство не поможет.

А Максим вспоминал Радугу. Она снилась ему во сне, и он считал дни, оставшиеся до возвращения на Саракш. Но однажды ему приснилась Итана, и Максим проснулся в поту, сдерживая бешено бьющееся сердце, и долго лежал с открытыми глазами, прислушиваясь к шороху листвы за окнами и пытаясь сообразить, где он. Так и не разобравшись, он заставил себя заснуть (следующий день, как и все другие дни на курсах, обещал быть насыщенным напряженной учебой), облегчив душу привычным «массаракш».

Год прошел. «Вы словно офицер ускоренного выпуска военного времени, — пошутил руководитель курсов после выпускных экзаменов. — Были когда-то такие, во время больших войн». Во время войн, подумал Каммерер, а разве сейчас у нас война? Но вслух он не сказал

ничего, кроме традиционных слов благодарности учителям за полученные знания.

...Белый диск Саракша поглотил все, не оставив и следа от первозданной черноты открытого космоса. «Здравствуй, обитаемый остров, — прошептал Максим, вглядываясь в густой облачный покров планетарной атмосферы, непроницаемой для солнечного света. — Я вернулся...»

* * *

— Два года, — Сикорски посмотрел в окно, где над кронами деревьев, казавшимися в сумерках застывшими темными волнами, причудливыми созвездиями горели огни столицы. — Два года, — повторил он.

Да, два года, подумал Максим, два года прошло с тех пор, как я, Максим Каммерер, разорвал сердце дракона: взорвал Центр, откуда излучение через башни транслировалось на всю страну. Сердце дракона... Красивая метафора — ее придумал Вепрь, и Маку Симу образца двухлетней давности нравилась эта метафора. Вот только за эти два года произошло слишком много всякого разного, и наивного драконоборца Мака Сима больше нет. Сердца дракона тоже нет, но капли драконьей крови, разбрызганные взрывом термической бомбы по всей бывшей стране Неизвестных Отцов, проросли ядовитыми цветами. Надо же, мысленно усмехнулся он, у меня прорезалась склонность к поэтике: «на брызгах ядовитой крови вззошли дурманные цветы». Может, податься мне в литераторы, если уж прогрессор из меня никакой? Нет, не то чтобы совсем никакой — кое-чему меня научили, а кое до чего я и сам дошел, — но... Я полагал, что через два года вся страна изменится неузнаваемо и что нам останется только подправлять процесс, идущий в нужном направлении, а получилось... Процесс-то идет, только что это за процесс, и в каком он идет направлении?

Он тоже посмотрел в окно. Вечерняя столица переливалась морем огней — вывески ночных клубов, роскошных ресторанов и магазинов и реклама, реклама, реклама. Бегущие строки, танцующие строки, строки, извивающиеся червяками, — они залили улицы столицы, когда-то темные и унылые, потоками света; они выгнали дымную тьму с улиц и площадей и загнали ее... Куда? И Максиму вдруг показалось, что темнота, жившая на улицах, спряталась туда, где ее никто и никогда не будет искать — в души людей, суетившихся в ярком свете рекламных панно и подстегиваемых неумной жаждой удовольствий: удовольствий здесь и сейчас, нам, а не грядущим поколениям, удовольствий острых и терпких, соленых и сладких, на любой вкус. И на любой кошелек — а как же иначе?

Да, что ни говори, жить — если под этим словом понимать простейший комплекс «есть, спать, развлекаться» — стало легче. В столице, да и в других городах, полно всяких лавочек, кафе, магазинов, развлекательных центров; общественные автобусы вытеснены множеством элегантных машин, сходящих с конвейеров военных заводов вместо танков; строятся новые дома, и люди одеваются ярче, и зарабатывать они стали больше, и есть им, на что потратить заработанные деньги — поток туристов в Пандею вырос в несколько раз. Однако за всем этим внешним великолепием, сконцентрированным к тому же по большей части только в столице, происходит что-то не совсем понятное (во всяком случае, ему, Максиму), и эта непонятность тревожит.

Экономика в руках «доказавших свою состоятельность»; они готовы финансировать что угодно, но при одном маленьком условии: прибыль должна быть большой и быстрой. И потому расчистка ржавых лесов за Голубой Змеей идет черепашими темпами, не говоря уже о дезактивации зараженных территорий. Если бы не пленные островитяне, там вообще бы все замерло: не слишком много находится желающих лезть на минные поля под боевые автоматы даже за большие деньги, которые к тому же не особо охотно платят — какой навар с таких вложений? А «доказавшие состоятельность» упорно рвутся к власти, срачиваясь с окостеневшим в своей непробиваемости чиновничьим аппаратом и с покрывшимися лаком респектабельности главарями криминальных кланов. За ключевые государственные посты идет звериная драка, в которой все средства хороши: если не удалось обойти конкурента

набором (или покупкой) голосов избирателей или подорвать его реноме публикацией фото, где он — конкурент, добропорядочный семьянин, запечатлен в голом виде в компании голых девиц в процессе учинения коллективного непотребства, соперника можно взорвать вместе с его роскошной новенькой машиной или попросту пристрелить. Из капель драконьей крови не цветы выросли — из них вывелось множество гаденышей калибром помельче, но тоже так и норовящих занять вакантный драконий трон. И если бы не Сикорски, который зачастую действовал методами, смущавшими Максима, и не вторжение айкров, сплотившее страну и народ реальной внешней угрозой, явление нового дракона случилось бы еще полгода назад. Люди — настоящие люди, вроде Аллу Зефа, Дэка Потту или Тика Феску, есть, но их мало, слишком мало, и смотрятся они белыми воронами в галдящей серой стае, готовой заклевать их при первой возможности. Да, что-то идет не так, сказал себе Максим, но что именно?

Он вспомнил визит инспектора-координатора КОМКОНа, побывавшего на Саракше месяц назад. Они — Максим, Рудольф и координатор — долго сидели втроем в этом самом кабинете, в кабинете Сикорски, и обсуждали ситуацию, сложившуюся на планете. Внешнее положение Республики беспокойства не вызывало: Островная Империя притихла, хонтийцы тоже поджали хвост (особенно после того, как контрразведка Странника нещадно проредила их агентуру), а отношения с Пандеей не оставляли желать лучшего: кёниг (и кёнигин) Энгу неукоснительно соблюдали договор, подписанный у развалин Гааг-До. Дикий Юг не подавал признаков жизни, и поэтому обсуждалась в основном внутренняя ситуация в бывшей стране Неизвестных Отцов, и по данному вопросу к единому мнению прийти не удалось.

«Не надо драматизировать, — сказал инспектор КОМКОНа, выслушав соображения Сикорски, доказывавшего, что ситуация выходит из-под контроля и что дело может дойти до гражданской войны, инициированной, с одной стороны, представителями промышленно-финансовых кругов, владеющих деньгами, а с другой — военно-чиновничьей кастой, цепко держащей власть. — То, что происходит на Саракше, не выходит за рамки базисной теории эволюции социума. Буржуазно-демократическая республика — это необходимый этап, в ее недрах постепенно возвращаются элементы социализма. Историческое развитие — процесс длительный, вам ли этого не знать? А вот когда они, эти элементы...» «Пока эти элементы созреют, — перебил его Странник, — здесь может начаться кровавая вакханалия, в результате которой в стране установится фашистская диктатура. А фашистская диктатура любого типа — тут уже не важно, кто возьмет верх, олигархисты или администраты, итог один и тот же, — это война, война ядерная, и уже не континентальная, а глобальная, благо противник имеется. Вам ли этого не знать?» — добавил он ядовито, повторяя слова инспектора. «И что же вы предлагаете?» — спросил тот. «Я предлагаю нестандартные меры, — отрезал Странник. — Саракш — не Земля, тут своя специфика: я понял это, пробыв здесь семь лет». «Мне кажется, — заметил координатор, — что вы за эти семь лет немного устали, Рудольф. Не хотите ли вы отдохнуть на Земле месяц-другой? Или, скажем, полгода-год?» «Нет, не хочу, — спокойно ответил Странник, хотя Максим видел по блеску его зеленых глаз, что Сикорски близок к бешенству. — И еще я не хочу, чтобы весь наш многолетний труд на этой планете пошел насмарку: если на Саракше снова поднимутся ядерные грибы, нам останется только улетать отсюда и наблюдать с орбиты, как планета догорает в атомном огне. А зачем тогда вообще мы сюда прилетели? Я понимаю, — продолжал он, прожаривая инспектора взглядом, — что вам из вашего благополучного далекого далека мои опасения кажутся безосновательными и не вписывающимися в базисную теорию развития социума. Предлагаю сделать следующее: через месяц мы подготовим вам математическую модель вероятностного развития ситуации на Саракше. У меня в институте есть и необходимые машины, и толковые специалисты, — он посмотрел на Максима, — и сам объект моделирования у нас прямо под рукой. Мы учтем все коэффициенты, причем примем самые благоприятные их значения. И тогда...»

К некоторому удивлению Максима, представитель КОМКОНа согласился почти сразу. Похоже, он знал Сикорски достаточно давно, также давно устал выдерживать его железный натиск — уж что-что, а убеждать Странник умел. И Максим получил задание на

футурологическое моделирование, которым он и занимался без малого месяц. Его заинтересовало упоминание о нестандартных мерах, которые предлагал Рудольф, но Сикорски пресек его любопытство короткой фразой: «Сделаешь — поговорим».

— Итак? — Странник оторвался от созерцания законных огней и перевел взгляд на Максима, точнее, на папку, которую тот держал в руках. — Что возвестила нам сивилла, и что гласит пророчество ее?

Надо же, подумал Мак, никогда бы не подумал, что Рудольф увлекается пандейской поэзией. Вопрос был риторическим: Сикорски внимательно следил за ходом моделирования и был знаком с его неутешительными промежуточными выводами. Приговор уже вынесен — оставалось лишь его огласить.

— Вы были правы. С вероятностью девяносто восемь процентов — и это при самых мягких значениях ключевых процессообразующих факторов — через шесть-восемь месяцев Республику ждет гражданская война и установление диктатуры фашистского толка, а через год-полтора, с вероятностью девяносто шесть процентов, на Саракше начнется итоговая ядерная война. Глобальная. Дальнейший прогноз — полное разрушение всей цивилизации планеты, включая и континент, и архипелаги. Вероятность — девяносто три процента, а с вероятностью восемьдесят восемь процентов на планете будет уничтожено все живое, — Максим подошел к столу и положил на него папку.

— Садись, — негромко сказал Сикорски, качнув лысым черепом. Раскрыв папку отчета, он пробежал глазами несколько листов, хмыкнул, поднял глаза, и Максима поразила горькая усталость во взгляде шефа. Но это продолжалось секунду, не более, а затем он снова увидел перед собой прежнего Странника, собранного и готового действовать.

— Что мы будем делать, Рудольф? Вы упоминали о каких-то нестандартных мерах — что вы имели в виду?

— Кристаллографировать твой отчет и отправить его на Землю, — ответил Сикорски, игнорируя второй вопрос. — И ждать ответа.

— О каких нестандартных мерах вы говорили? — повторил Максим.

— В сложившейся ситуации имеется только один выход, — произнес Странник механическим голосом. — Полная реактивация всей сета башен и включение пси-излучения на всю страну.

— Что?!

* * *

Максим даже привстал — ему показалось, что он ослышался. Включить излучатели? Да еще централизованно? Нет, этого не может быть!

— Сядь, — приказал Сикорски, холодно глядя на Максима снизу вверх, — и слушай. Неспешная телега прогресса социума, о котором так любят поговорить в КОМКОНе, здесь, на Саракше, заехала в кювет, и выбраться из него без посторонней помощи она уже не в состоянии. Общественная психология саракшиан изуродована ядерной войной, во время которой погибли сотни миллионов людей, и двадцатью годами правления клики Неизвестных Отцов. Ценность человеческой жизни близка к нулю, а позитивные этические императивы являются исчезающе малыми величинами. В ходе развития любого социума бывают взлеты и падения, когда верх берут то негативные, то позитивные нравственные тенденции, но все эти колебания вписываются в рамки базисной теории. А на Саракше атомная война и башни, вторгшиеся в сферу сознания, вызвали запредельный всплеск негатива. Амплитуда всплеска превысила граничное значение, ниже которого еще возможен самовозврат. То, что творится там, — он кивнул головой в сторону окна, раскрашенного мельтешением огней столичного мегаполиса, — это пир во время чумы. Наслаждайтесь сегодняшним днем и не думайте о дне завтрашнем завтра не наступит, а если и наступит, то не для всех — вот их девиз.

— И вы хотите...

— Я хочу вышибить клин клином — точно так же, как это делает Аллу Зеф, излечивая пси-шизофреников. Я хочу вымыть из мозгов саракшиан всю накопившуюся там грязь, пока еще не поздно. Мы на Земле давно применяем биоблокаду, резко повысившую физическую сопротивляемость наших организмов любым болезням, так почему нельзя при помощи пси-излучателей реализовать биоблокаду нравственную?

— Но манипуляция сознанием, это...

— Это одно из древнейших занятий человечества, начиная от заклинаний шаманов и кончая заклинаниями средств массовой информации. И даже система воспитания со всеми ее составляющими представляет собой манипуляцию сознанием, направленную на создание и закрепление установленных стереотипов, причем любых, от «не убий!» до «убей его, потому что он враг!». С этой точки зрения излучение — это всего лишь техническое средство, только более совершенное, чем все предыдущие. Так почему же мы, признавая классические методы манипулирования сознанием, должны отказываться от метода новейшего и самого эффективного? Ты станешь добывать огонь трением, если тебе нужно развести костер, или воспользуешься для этого скорчером?

— Вы помните, что я сказал вам сразу же после разрушения Центра, когда мы с вами впервые встретились? — медленно проговорил Максим — Никто и никогда, даже...

— Мне казалось, — перебил его Странник, — что Саракш уже успешно ободрал с тебя весь цыплячий пушок, и ты оперился. Излучатели на Саракше используются, — он с силой опустил на стол жилистый кулак, — и будут использоваться! Или ты забыл, как нам удалось остановить вторжение айкров и с помощью чего пленные воины-островитяне удерживаются в повиновении и работают, а не кидаются на охранников с голыми руками? Или ты уверен на сто процентов, что следующая попытка хонтийцев или каких-нибудь наших заговорщиков завладеть излучателями и использовать их в собственных целях окажется безуспешной? Мне бы твою уверенность, Мак. Но самое главное — нет у нас другого выхода.

— Вы уверены, что этот выход — единственный?

— Есть еще один, — Странник осклабился и стал похож на демона из «Хроник» отца Туку. — Массовая резня — физическое уничтожение всей так называемой элиты, готовящей Республике братоубийство с последующим атомным апофеозом. Между прочим, этот метод неоднократно применялся на Земле — был, например, такой римлянин Сулла, составлявший проскрипционные списки — списки людей, подлежащих казни, — и в более поздние времена были у него последователи и подражатели. В нашем случае речь идет об уничтожении от трехсот тысяч до полумиллиона людей, тянущих планету в пропасть. А потом — потом мы назначаем Тика Феску Исполрешем, Дэка Потту — военным министром, Аллу Зефа — главой Департамента общественного здоровья и начинаем все сначала.

— Вы серьезно? — ошарашено спросил Максим.

— Нет, конечно, — Сикорски потер лицо ладонями. — На это не пойдет даже такое, — он усмехнулся, — чудовище, как я, и Земля никогда не санкционирует подобную акцию. К тому же это абсолютно бессмысленно — на смену казненным «врагам прогресса» придут новые люди, такие же, если не хуже, и все повторится с унылой безысходностью. Пойми, Максим, дело не в многочисленных «измах» и «кратиях», а в людях, в их внутренней природе, в их ценностных ориентирах и в их дифференциации событий, поступков и явлений на «хорошо» и «плохо». В истории Земли были абсолютные монархи и далее диктаторы, пользовавшиеся всенародной любовью, и были демократически избранные президенты, которых проклинали. И кто-то идеализировал феодализм с его рыцарской честью, кто-то — капитализм, давший небывалый толчок развитию науки и техники, а кто-то ностальгировал по первобытному коммунизму в чистом виде. А наша земная коммунистическая технократия стала возможной только потому, что изменились мы, люди: двести лет назад подобное обернулось бы всего лишь очередной утопией или, хуже того, жесточайшей диктатурой.

Да, помню, подумал Максим, — я пришел к такому же выводу, когда размышлял, а не ввести ли нам здесь систему распределения по образу и подобию земной.

— С точки зрения этики саракшиане столь же примитивны, как обитатели Саулы или

арканарцы. В Республике ненавидят олигархов и государственных чиновников, погрязших в коррупции, но посади почти любого из этих ненавидящих на место ненавидимых... Их праведная ненависть — это ведь самая заурядная зависть: несправедливо не то, что богатство нажито нечестным путем или награблено, а то, что оно награблено кем-то, а не ими самими. Это как у первобытных племен: если наше стойбище разорили, это плохо, а вот если мы разорили чужое — это хорошо, это очень хорошо. И пока в сознании людей господствуют подобные императивы, здесь ничего не изменится — ни-че-го. Поэтому я считаю абсолютно необходимым включение излучателей, — Сикорски откинулся на спинку кресла. — Болезнь зашла слишком далеко — нужна радикальная терапия, а то, как бы ни пришлось прибегнуть к хирургии, причем к хирургии без анестезии.

— А вы уверены, что такую акцию КОМКОН санкционирует? Это же масштабное вмешательство в историю чужого мира, чего прогрессоры стараются всячески избегать!

— Так любил свою собаку, что отрезал ей хвост по кусочкам, — буркнул Странник.

— Какую собаку?

— Не обращай внимания, это такое старинное выражение, ирония над полумерами. Никогда не понимал такого подхода; или уж делай дело, или... Ладно, не будем спорить с авторитетами, тем более заочно. А насчет согласия КОМКОНа — знаешь ли ты, что подобный проект уже существовал?

— Первый раз слышу, — Максим недоуменно посмотрел на Сикорски. — Когда? Где? Что за проект?

— Неудивительно, что ты о нем не слышал, — ты был еще мальчишкой. Проект этот был выдвинут целой группой арканарских прогрессоров, трезво оценивших положение дел на планете и понявших, что «гомеопатией» они будут вырывать аборигенов из серой трясины Средневековья тысячелетиями, причем любая флуктуация развития социума будет сводить на нет все их многолетние кропотливые усилия и отбрасывать прогресс на исходные рубежи — что, собственно, и получилось в Арканаре в пятьдесят втором... А суть проекта — массовая позитивная реморализация всего населения с помощью гипноизлучателей, установленных на трех экваториальных спутниках планеты. Гипноиндукция — это тебе ничего не напоминает?

Максим потрясенно молчал.

— Но этот проект так и не был принят? — спросил он, справившись с изумлением.

— Не был, но лишь по одной причине: в КОМКОНе сочли, что применение передовой земной техники нарушит естественный ход истории непредсказуемым способом — это все равно что вооружить крестьян-повстанцев скорчерами для выжигания замков тамошних феодалов. А на Саракше ситуация несколько иная, принципиально иная: генераторы излучения изобретены самими саракшианами, это факт их истории, а не подарок могучей земной науки и техники. И факт этот можно использовать по-всякому, как огонь Прометея — и для приготовления шашлыков, и для аутодафе. У нас на Земле атомная энергия использовалась и в ядерных бомбах, и в ядерных реакторах, так почему же применять пси-генераторы для зомбирования — можно, а для позитивной реморализации — нельзя ни в коем случае? Конечно, должна быть проведена всесторонняя проверка с учетом возможных последствий — ущерб здоровью облучаемых и так далее, — но принципиального запрета на использование излучателей «в мирных целях» я не вижу. Если таковой видишь ты — я готов выслушать твои доводы, только, пожалуйста, без общих фраз о «неэтичности воздействия на разум»: ты ведь не приходишь в ужас при мысли о том, что земная медицина лечит воздействием на мозг целый ряд тяжелейших заболеваний, а те же процессоры, с помощью гипноза походая, изучают инопланетные языки.

— Предположим, вы меня убедили, — сказал Максим, подчеркнув первое слово. — Но остается вопрос: кому можно доверить такое? Кто будет сидеть за пультом генератора?

— Мы, — спокойно ответил Сикорски. — Я — или ты, Максим КОМКОН.

— Мне это претит, — Каммерер вскинул голову. — Логика у вас, конечно, железная, но есть еще и мое эмоциональное восприятие такого решения.

— Эмоции, как говорит один небезызвестный тебе саракшианин по имени Колдун, должны контролироваться разумом, — холодно заметил Странник. — Ты у нас живая легенда Саракша.

— Мак Сим, сокрушитель Зла и носитель Сбывающихся Пророчеств, — кому как не тебе управлять излучением, дабы сеять в душах людских Мировой Свет? Ну, об этом мы с тобой еще поговорим.

— Не понимаю, — пробормотал Максим. — Какие еще пророчества?

— Забыл тебе сообщить за всеми нашими делами, — саркастически произнес Сикорски. — На годовщину заключения мирного договора с Пандеей — ты в это время был на Земле, на курсах, — на твое имя пришел оттуда ценный подарок: Изумрудная Ветвь, это высший пандейский орден и одновременно памятный знак, с гравировкой «Пророчество исполнилось». А какое пророчество имеется в виду, тебе лучше знать. Возможно, — Странник уколол Мака зелеными иглами глаз, — это как-то связано с тем, что через девять месяцев после переговоров у Гааг-До у великого кёнига Торира Энгу родился наследник, рождение которого чуть ли не целый месяц пышно праздновала вся Пандея.

— Я пойду, Рудольф, — сказал Максим, поднимаясь. — Мне надо подумать.

— Думай, время еще есть. Ответ с Земли все равно придет не раньше чем через месяц после получения нашего прогноза и моего предложения по запуску пси-излучателей — они там, в КОМКОНе тоже будут думать.

Выйдя в коридор, Максим какое-то время стоял неподвижно, собираясь с мыслями.

Мыслей было много.

Существует теория позитивной реморализации. Из нее следует, что любое существо, обладающее хоть искрой разума, можно сделать порядочным.

Они налезали друг на друга.

Ваш затуманенный и оглушенный совестью разум утратил способность отличать реальное благо масс от воображаемого, продиктованного вашей совестью.

Но одна из них была очень простой и четкой.

В этом мире растет мой маленький сын, и если этот мир погибнет, вместе с ним погибнет и мой сын.

* * *

— Ваш мир совсем не таков, как вы его себе представляете. Нет никакой монолитной небесной тверди, окружающей вас со всех сторон наподобие кокона, в середине которого горит Мировой Свет. Вы живете не внутри сферы, а на поверхности шара, летящего в черной пустоте, где плавают еще великое множество подобных шаров. И Мировой Свет не один — их тоже великое множество, просто они очень от вас далеки, а специфика вашего мира — вашей планеты — такова, что вы не видите бездонного неба над головой, неба, в котором сияют звезды. Но вы сможете увидеть эти звезды, если преодолеете тяготение, приковавшее вас к вашей земле, оторветесь от нее и взлетите высоко вверх — так высоко, что ваш мир, оставшийся далеко внизу, под вашими ногами, превратится в шар и будет уменьшаться по мере того, как вы будете подниматься все выше и выше.

Его слушали, затаив дыхание. Он выворачивал мир наизнанку, но ему верили — как можно не поверить самому Маку Симу, живой легенде Саракша? И вера эта подтверждалась: давно известные формулы, переворачиваясь с ног на голову (точнее, с головы на ноги), вдруг обретали истинный смысл, и казалось странным, как непривычное становилось очевидным. А Максим Каммерер видел, как слушатели обретали способность понимать, сопоставлять и делать выводы. Позитивное излучение не зомбировало — оно очищало разум, как очищают от камней и древесных пней поле перед посевом. И семена, которые сеял Мак Сим, падали на подготовленную почву.

Интересно, подумал он, а что ощутили бы древние греки (или не греки?), если бы они узнали, что Земля вовсе не покоится на трех слонах, стоящих на спине исполинской

черепахи? А слоны — что испытали бы слоны, почувствовав, как у них из-под ног уходит такой надежный и привычный черепаший панцирь? Мак представил себе трех здоровенных слонов, растерянно перебирающих ногами в космосе, среди звезд, и недоуменно хлопающих ушами — большими, как у Рудольфа Сикорски. Ему стало смешно, он даже чуть было не улыбнулся, но вовремя сдержался: не к лицу учителю, на которого смотрят сотни глаз, улыбаться непонятно чему — глуповато выглядит. К тому же в истории Земли, как он знал, изрекателям подобных откровений, опрокидывающих тысячелетние стереотипы, порою было совсем не до смеха, особенно когда их объявляли еретиками и волокли на костер. И на Саракше тоже было что-то в этом роде: преследованиям подвергались многие из пытавшихся вывернуть мир — недаром слово «массаракш» стало здесь самым расхожим ругательством, появившимся еще в незапамятные времена. Но вообще-то удивительно: создать пусть тропосферную, но авиацию и даже ракетную технику, не имея ни малейшего представления об истинной сущности окружающего мира! Хотя — чему тут удивляться? На Земле умудрились создать электротехнику и электронику, не понимая толком, что же такое есть электрический ток, и ничего, работе вычислительных машин это как-то не мешало.

...КОМКОН дал согласие на включение генераторов — опираясь на данные футурологического моделирования, основанные на разработке Максима, Сикорски удалось убедить руководство в необходимости «нестандартных мер». Однако привычка «отрезать хвост по частям» все-таки сказала: было дано разрешение на «позитивное» облучение не всей страны, а только ее небольшой части, своеобразного заповедника под условным названием «Район реморализации» и площадью около ста квадратных километров, где с помощью землян был выстроен Город Просвещения, представлявший собой нечто вроде укрупненной версии института Странника. Сикорски резко возражал, доказывая пагубность «кусочничества», и требовал подвергнуть позитивной реморализации всю Республику, а в идеале — весь континент, включая Хонти, Пандею, Юг и Островную Империю (особенно Империю, учитывая специфику психологии жителей), но вынужден был отступить. КОМКОН использовал убийственный контраргумент — «пока отдаленные последствия излучения не ясны, мы не можем рисковать здоровьем целой разумной расы», — и Страннику пришлось смириться и довольствоваться предоставленным ему правом «в экстренных случаях применять любой вид излучения на всей территории бывшей страны Неизвестных Отцов, используя всю сеть башен».

Как ни странно, но свою клятву Максим сдержал: новый Центр на Саракше построен не был — мощные пси-генераторы смонтировали на спутниках, вращавшихся над планетой на квазистационарных орбитах и посылавших на Район реморализации узкий конус излучения. Управление излучением и его ретрансляция осуществлялись с поверхности планеты, но была предусмотрена и внешняя блокировка «для пресечения несанкционированного доступа к аппаратной Города Просвещения». Звучало благообразно, однако Максим подозревал, что на самом деле в КОМКОНе опасаются не столько захвата узла управления экстремистами-аборигенами, сколько чрезмерной самостоятельности руководителя прогрессорской миссии землян на Саракше Рудольфа Сикорски.

Но как бы, то ни было, Город принял несколько тысяч молодых саракшиан, желавших «приобщиться к свету»: принцип добровольности предложил Максим, и Сикорски не стал возражать. Район реморализации стал своеобразным оазисом, и Максим, приняв решение и покончив с колебаниями, работал. Работал самозабвенно: по сути, он занимался той самой контрпропагандой, проводить которую он предлагал еще при Неизвестных Отцах, и даже сумел тогда убедить значительную часть руководителей подполья в необходимости такого шага.

Максим работал и видел результаты своего труда, как видит их человек, очищающий от пыли и паутины прекрасное старинное произведение искусства. Максим ощущал дыхание ясной мысли. Он понимал, конечно, что за несколько месяцев или даже лет ему вряд ли удалось избавить этих людей от всей той грязи, которую они копили поколениями, однако был уверен, что уже сейчас никто из обитателей Города не произнесет чудовищную фразу:

«Честность? А что это такое, и сколько стоит?». Он знал, что небольшие коммуны, подобные Городу Просвещения, существовали на Земле триста лет назад, и знал, что они исчезли, растворились бесследно в волнах простейшей цивилизованности, но видел и разницу. Его Город опирался на всю мощь Земли, поддержанную излучателями, и Максим надеялся, что все будет наоборот — Район реморализации не исчезнет, а расширится: сначала на всю страну, потом на весь материк, а затем и на всю планету Саракш. Максим не создавал рай, чтобы населить его грешниками в надежде, что райская жизнь изменит их к лучшему, — он воспитывал созидателей рая. И малая часть его обитаемого острова становилась истинно обитаемой — медленно, но неуклонно.

Рада была рядом. Она следовала за ним тенью, но тенью не бессловесной — ему все чаще казалось, что в этой тихой женщине словно распрямляется какая-то тугая пружина, сдавленная десятилетиями серого бытия и наконец-то освобожденная. Она усваивала знания так, как вбирает воду сухой песок пустыни, веками ждавшей дождя, но воспринимала их по-своему, зачастую удивляя Максима странными, на его взгляд, умозаключениями. Рада становилась все более самостоятельной, и это и радовало, и в то же время почему-то беспокоило Мака Сима. Она сильно изменилась — после годичного отсутствия Каммерер сразу это заметил. Пока его не было на Саракше, она жила и работала в Центре Сикорски и там же училась. И, похоже, многому научилась: официантки из маленького заштатного кафе больше не было — вместо нее появилась какая-то другая женщина новая и незнакомая. Она была нежна с Максимом, но он чувствовал, что она все больше отдалялась и что у нее есть что-то свое, куда ему, Максиму, хода нет (и его пандейская любовная история тут, ни при чем — они о ней даже не вспоминали). И все-таки он был счастлив: Рада по-прежнему любила его, а главное — у него было дело, с головой захватившее профессора Каммерера.

* * *

Вот так гость, думал Максим, изучая сидящего перед ним человека. Ему казалось, что он видит перед собой своего брата, несмотря на то что лицом они не были похожи и Максим был светловолосым, а горец носил прямые черные волосы, спадавшие на плечи. Но в остальном — смуглая кожа, фактура мышц, высокий рост, взгляд, стать и манера держаться — как есть братишка (только постарше — лет этак на пятнадцать). Смуглые и золотоглазые — каким чудом вы появились в этом мире, такие непохожие ни на хонтийцев, ни на пандейцев, ни на айкров? И как вам удалось уцелеть в бесконечной череде войн, веками сотрясавших весь материк, и пережить последнюю, самую страшную войну — ядерную? А похож, похож на человека Земли, не зря меня тут принимали за горца...

— Я рад, — с вежливой почтительностью произнес гость, — что мне удалось исполнить желание моего клана и встретиться с тобой, Святой Мак.

— Я тоже рад видеть горца страны Зартак, — искреннее ответил Максим, решив не акцентироваться на прилагательном «святой». В конце концов, ритуал есть ритуал — что он знает об обычаях этих таинственных горцев, о которых жителям равнин известно чуть больше, чем ничего? И обращение на «ты» — это наверняка выражение доверительности, как у пандейцев. — Приветствую тебя в Городе Просвещения, Ирри Арритуаварри.

Кажется, его имя я выговорил без ошибки, слава Мировому Свету.

— Ты пришел учиться?

— Нет, — горец покачал головой. — Я пришел передать тебе приглашение, тебе и твоей спутнице. Мы ждем вас в любой день и час. Вам будет интересно, Святой Мак.

Ого, подумал Максим, вот это поворот. И кто тут из нас прогрессор, спрашивается? Интересно, очень интересно, но виду подавать не стоит, нет, не стоит.

— Как мы сможем найти путь к жилищам твоего клана? — спросил он бесстрастно, будучи уверен, что гость это оценит. Сама формулировка вопроса подразумевала согласие, и это тоже соответствовало, насколько Максиму было известно из истории народов Саракша, манере общения, принятой среди местных первобытных и полупервобытных племен — у тех

же пандейцев, хранивших древние обычаи.

Ирри достал из нагрудного кармана кожаной куртки и положил на стол небольшой камешек в форме чуть согнутой человеческой ладони.

— У истоков Голубой Змеи, в западных отрогах хребта Зартак, есть наши поселения. Покажите это первому встречному, и вас проводят. Мы не пользуемся радио, но все новости узнаем очень быстро. Благодарю тебя за то, что ты принял наше приглашение, Святой Мак.

Горец встал, и тут вдруг Максим понял, что этому Арритуаварри нет никакой нужды находиться в Районе реморализации, — он чист, как может быть чист человек, выросший и воспитанный в благополучном мире Земли двадцать второго столетия. Максим почувствовал это, почувствовал безошибочно, и это настолько его ошеломило, что он не сделал ни малейшей попытки задержать странного гостя. Горец ушел, вежливо поклонившись на прощанье, а Максим еще какое-то время смотрел на дверь, закрывшуюся за его спиной. Ничего, подумал он, будут у меня ответы на все вопросы — вы ведь пригласили меня к себе, не так ли?

...Когда он сообщил об этом визите Сикорски, тот выслушал его очень внимательно.

— Племя Птицеловов, — сказал Рудольф. — О них рассказывают легенды — якобы эти горцы из какой-то затерянной долины умеют читать мысли, летают по воздуху и так далее. А это, — он тронул пальцем камешек-ладонь, — их клановый символ; рука, ловящая птицу. У меня все никак не доходили руки познакомиться поближе с этим загадочным народом — то не хватало времени, то было как-то не до того. Но теперь... Очень хорошо, что они сами идут на контакт. Твой гость был прав — тебе действительно будет интересно, и нам тоже. А мне уже интересно, почему горцы пригласили вас обоих, тебя и Раду, вдвоем. Когда вы намерены туда отправиться, Святой Мак? — Вопрос прозвучал как само собой разумеющееся; похоже, Странник уже принял решение — быстро, как всегда.

— Думаю, через месяц — мне надо закончить цикл инициации первой волны учеников. И кстати, насчет «Святого Мака»: мне не нравится религиозная окраска, которую приобрел наш Город Просвещения — его уже в открытую называют «Святым Городом».

— Ну и что? — невозмутимо спросил Сикорски.

— Как это ну и что? — возмутился Максим.

— Любая религия — это оковы, наложенные на свободу воли! Религиозное...

— Стоп, стоп, стоп, — Сикорски поднял вверх ладони, прерывая поток красноречия своего подчиненного. — Все так, но надо учитывать специфику мышления людей, стоящих на определенной стадии развития общественного сознания. На Саракше — во всяком случае, на материке — давно нет засилья святош, однако саракшиане, едущие на машинах, летающие на винтолетах, снимающие ментограммы и овладевшие атомной энергией, до сих пор верят в знамения, в пророчества разные, — он усмехнулся одними губами, — в несчастливые даты, в магию чисел, в порчу и сглаз. Они не пойдут вперед, если дорогу перебежала черная собака — они сначала перебросят камень через собачий след. Инерция разума, только начинающего познавать Вселенную, — большинство саракшиан до сих пор считает, что над их головами сияет единственный и неповторимый Мировой Свет, а под ногами уходит в бесконечность нерушимая твердь. А ты у нас мессия еретиков, столп новой веры, идущей на смену вере старой, — именно так считают миллионы аборигенов.

— Использовать суеверия? — Максим поморщился. — Разве это допустимо?

— Допустимо все, лишь бы оно шло не во вред. Ты выворачиваешь мир, незыблемо простоявший в течение тысячелетий, — неужели ты думаешь, что это выворачивание пройдет легко и безболезненно? Инерция разума — страшная сила, Максим, ее нельзя погасить, но ее можно — и нужно — использовать. Ты знаешь, какие сказки здесь уже рассказывают детям? Нет? Перескажу коротко, своими словами. Стояла жуткая черная башня, в которой жил злой колдун, напустивший морок на всю страну, от моря до гор. Но пришел однажды посланник Мирового Света, разбил башню, и рассеялись злые чары. Назвать тебе имя этого небесного героя или сам догадаешься? Де-факто ты посланник Света, с этим ничего уже не поделаешь.

— Тогда, может быть, мне стоит официально объявить себя богом? — спросил Максим, не скрывая язвительности.

— Богом — это слишком, — спокойно ответил Странник, — а вот на пророка ты у нас тянешь — вполне. И мне почему-то кажется, что после посещения Зартака твой мистический образ обретет законченность — не зря эти горцы хотят тебя видеть «в любой день и час». Мы гости в чужом мире, Максим, и даже если мы этот мир меняем, мы обязаны, насколько это, возможно, следовать его реалиям. Так что оставайся Святым Маком Просвещающим — было бы хуже, если бы тебя считали исчадием здешнего ада.

Да здравствует Божественный КОМКОН, подумал Максим, но вслух говорить не стал, и даже немного устыдился своей шутке — что за глупости, в самом-то деле.

— Значит, через месяц? — уточнил Сикорски, возвращаясь к прерванной теме.

— Да. Или немного раньше, все зависит от того, как быстро мы сделаем ментоскопию первой волне учеников Города Просвещения и, конечно, от ее результатов. Но только можно ли мне уезжать? Как у вас дела, Рудольф? Не понадобится ли вам мое присутствие здесь, в Районе реморализации, или в столице? Я ведь даже не знаю, сколько времени займет мое путешествие, но парой дней в любом случае не обойтись — далековато все-таки.

— Далековато, — согласился Странник, — даже если к истокам Голубой Змеи вы не поедете, а полетите. Ты можешь мне понадобиться здесь — я ведь не пророк и не знаю, что будет завтра, — но твой визит к горцам важнее. Поезжай, а я без тебя обойдусь — обходился же я как-то без тебя до твоего шального здесь появления и пока ты на Земле повышал свою профессорскую квалификацию. Однако не задерживайся в гостях дольше необходимого: здешняя тишина обманчива, и случиться может что угодно. И как бы мне не пришлось использовать «право, данное нам» КОМКОНОм.

* * *

— Не суетись, Епископ, не егози. Назад дороги нет, или-или.

— Я знаю, Меценат. Мне просто как-то так не очень по себе...

— А как ты хотел? Воевода, какие части столичного гарнизона нас поддержат?

— Никакие. Если бы речь шла только о разгоне этого сборища болтунов, именуемого Временным Советом, legionеры охранной бригады подчинились бы приказу, но Странник — Странник слишком популярен, особенно после разгрома десанта Островной Империи. Армия скорее поднимет на штыки нас, чем выступит против него. Массаракш, мне иногда кажется, что его выхаркнула какая-то преисподняя — он не человек, он демон в человеческом обликии.

— Оставь мистику и теологию Епископу, Воевода, он у нас специалист по этой части. Что с планом ядерного теракта?

— Удар атомным боеприпасом по Департаменту Странника невозможен. По многим причинам, перечислять не буду, времени нет.

— Хм. Ты по-военному лаконичен. Ладно, а что скажет Кредитор?

— Обвалить всю финансовую систему — и всю экономику — мы можем в считанные часы. Предъявление к немедленной оплате всех кредитов, замораживание счетов, лавинная эмиссия денежных знаков. Итог — хаос. Стихийный — мы можем замутиль воду, но сыграть роль хищной рыбы, резвящейся в этой мутной воде, — вряд ли.

— Ты пессимист, Кредитор.

— Я реалист, Меценат.

— Святой Мак...

— Что Святой Мак, Епископ?

— Он ересиарх. Народное негодование — большая сила, Меценат, особенно если умело ее направить. Людям достаточно сказать «Вот он, враг, он во всем виноват!», а дальше...

— Нужно еще сказать это так, чтобы тебя услышали, Епископ.

— Да, Меценат, именно так. Если бы работали башни...

— Башни в рабочем состоянии. Не так ли, Ментор?

— Да, Меценат. Дело за малым — нужен генератор как источник первичного сигнала. А ретрансляция — технически это несложно. Во всяком случае, столицу мы накрыть сможем.

— У Странника под рукой сотни мобильных излучателей! Он же в считанные минуты затопит весь город «черным» полем! Или «серым», а потом по улицам пройдут его детишки, заботливо соберут все «бревна» и сложат их в поленницу... за Голубой Змеей. А самые ценные поленья — нас с вами — Странник тут же отправит в печь! Думаете, он слепой или питает относительно нас какие-то иллюзии? Как бы не так! Он все видит — он же не человек, он дьявол ушастый!

— Без истерик, Воевода. Мне нравится идея Епископа...

— Народное возмущение? Не совсем понимаю твою мысль, Меценат.

— Святой Город. Странника надо отвлечь. Если народный гнев обрушится на гнездо ереси, Странник непременно бросится спасти свое детище, а мы в это время... Улавливаете?

— Толпы разгневанных горожан полягут под излучением, как трава под косой, будь их там хоть тысяча, хоть сто тысяч.

— Не полягут, если их «подкормить». А если Странник устроит массовую бойню, это не добавит ему популярности — на его голову падет кровь невинных.

— Подкормить? Что ты имеешь в виду, Меценат? Поясни.

— У нас есть Ментор. Он у нас большая умница, и у него есть умельцы, которые очень любят деньги. И эти его ученые техники-умельцы уже заканчивают свою работу...

Глава 7

ВСКИПЕВШАЯ МУТЬ

Зов пришел.

В огромном многомиллионном городе что-то неуловимо изменилось, изменилось сразу и вдруг, как будто в стоячий пруд капнули отраву, она расплзлась, и обитатели пруда — рыбы, раки, лягушки — почуяли присутствие в воде чего-то чужеродного и забеспокоились. Люди замирали на полуслове, замирали на бегу, замирали на вздохе: рабочий — не сняв со станка готовую деталь, клерк — не положив в папку очередную бумагу, продавец — не дав покупателю сдачу. Люди замирали, слушая неясный тихий шепот, шедший непонятно откуда; они замирали, чтобы лучше слышать, и шуршащий шелест становился разборчивей, и шорох складывался в слова, слова превращались в образы, а образы вползали в сознание и располагались там по-хозяйски.

Зов пришел, и нашел отклик.

Он касался зудевших болячек, он пробуждал раздражение, накопившееся за годы, он бередил ноющие раны, он раздувал искры, тлевшие под слоем сизого пепла. Шепот набирал силу, он звучал все громче, он расправлял крылья, он становился голосом, переходящим в крик. И этот шепот-голос-крик давал ответ на вопрос, мучавший и не дававший покоя: кто виноват? Неведомый голос очень доходчиво разъяснял, кто виноват в том, что разжиревшие буржуи ездят на роскошных авто, не соблюдая никаких правил; что нет правды и порядка; что законы не соблюдаются, а если и соблюдаются, то для всех по-разному; что миллионы людей голодают; что денег не хватает на самое необходимое; что по улицам страшно ходить не только вечером, но даже днем; что дети отбились от рук, а жена не обращает на тебя внимания.

И легче всего Зов находил дорогу к сердцам тех, в ком дремало темное начало, кто привык считать, что все можно решить грубой силой, топором и пулей, — надо только знать, в кого стрелять и кому рубить головы. Пусть прольется кровь, в которой утонут все обиды; пусть вспыхнет пламя, в котором они сгорят, а потом... Что будет потом, голос не говорил, но разве это важно? Вперед, братья, бей-круши-ломай, разбираться будем после!

Идите, внушал голос, идите туда, где гнойной язвой вырос на нашей земле Святой Город, который на самом деле дьявольский город, обитель зла и рассадник ненависти, рай для немногих и несбыточная мечта для всех остальных. И рай этот населен не ангелами, а демонами, пьющими кровь, и демоны эти не успокоятся, пока не выпьют последнюю каплю крови из жил последнего человека. От них не убежать, не спрятаться, не скрыться, но их можно убить — так идите и убейте их, убейте всех до единого! Сожгите злое гнездо, и тогда вы наконец-то вздохнете с облегчением, и воцарится мир и покой, и достаток найдет дорогу к вашим домам, и женщины ваши станут улыбчивы и нежны, а дети послушны.

И люди шли, бросая все свои дела; шли, подбирая по дороге камни, палки и железные прутья, и были среди них те, которые доставали из тайников припрятанное оружие (а кое-кто давно носил это оружие при себе и не стеснялся применять его по любому поводу и даже без повода). Среди миллионов людей были сотни и тысячи таких, которые рады были любой возможности пустить в ход ножи — они к этому привыкли, как привыкли ежедневно видеть изуродованные трупы на экранах телевизоров в «горячих» репортажах «с места события». В серой человеческой массе хватало черных сгустков — толпа была щедро разбавлена бандитами и подонками всех мастей, для которых убить — это куда привычнее, чем сказать «спасибо». И эти вроде бы люди первыми подчинились Зову, подчинились охотно и с радостью.

Капли-люди сливались в ручейки, а ручейки по руслам улиц и переулков впадали в густеющий человеческий поток, устремившийся туда, где высились белые здания Святого Города. Они шли, подогревая друг друга закипавшей ненавистью и шалея от собственной многочисленности — попробуйте, остановите нас, выродки, так долго прятавшиеся от нашего праведного гнева!

И очень мало кто вспоминал, что подобное уже было и было совсем недавно. Голос гипнотизировал, а память человеческая слишком коротка..

* * *

Телекамеры Города Просвещения загодя зафиксировали появление многотысячной толпы. Поначалу это не вызвало особого беспокойства у операторов системы наблюдения — разного рода паломничества в Район реморализации, в том числе и коллективные, давно уже стали обычным делом, и к ним привыкли. Но по мере приближения толпы, когда стало ясно, что толпа эта очень велика (навскидку — не меньше двух десятков тысяч человек) и что ведет она себя как-то странно, старший смены немедленно доложил об этом Просвещающему.

Да, странно, подумал Максим, взглядываясь в укрупненное изображение на экране. Их лица — они искажены, искажены ненавистью. И численность — откуда их столько взялось, идущих в едином порыве, кто их послал, а точнее говоря — науськал на Город? Религиозные фанатики? Что-то многовато этих фанатиков, церковь здесь давно уже не имеет такой силы, чтобы поднимать словом своим тысячи людей. Провокация? А что, может быть — наивно полагать, что местным «хозяевам жизни», если им хоть что-то известно о назначении Города, придется по вкусу его существование. А им наверняка кое-что известно, и даже не кое-что — секретность секретностью, но шила в мешке не утаишь, и хорошо еще, если они, хозяева, не знают о конусе излучения, постоянно льющегося на Святой Город, — спутники сменяют друг друга, обеспечивая непрерывность базисного потока. Да, о «зонтике» «хозяева» наверняка не знают, потому что, если бы они о нем знали, не стали бы они посылать на Город толпу — какой в этом смысл, если толпа эта будет легко рассеяна излучением? Может быть, это и вправду всплеск оскорбленных религиозных чувств? Как там говорил Странник — мир не так просто вывернуть наизнанку, инерция мышления. Не думал я, что местные криминалы и люмпены — а толпа, похоже, наполовину состоит именно из них — настолько набожны. Ну да ладно...

— Рудольф, — сказал Максим, активировав канал экстренной связи, — у меня гости. К

Городу Просвещения приближается огромная толпа, тысяч в сто пятьдесят, намерения явно агрессивные. Многие вооружены: камни, палки, есть и ружья. Даю изображение.

— Вижу, — отозвался Сикорски. — Мы заметили эту толпу еще час назад, когда она только вышла за пределы кольцевой автострады столицы. Она была еще многочисленнее, но по дороге сильно поредела — очевидно, у организаторов всего этого безобразия не хватило наркотиков и водки, чтобы воодушевить всех. Скорее всего, это стихийное возмущение масс на религиозной почве — военных в толпе не наблюдается.

— Да, я тоже так думаю.

— Но эти религиозные фанатики могут быть опасны — не допускай их на территорию Города. Справишься сам или тебе помочь?

— Справлюсь.

— Тогда действуй.

Отключившись, Максим повернулся к Раде, стоявшей рядом.

— Пошли?

— К Алтарю?

— Рада, ну хоть ты-то не повторяй эти сказки, — Максим недовольно поморщился, — про Алтарь, Голос Богов и прочее в том же духе. Я же тебе рассказывал — и показывал, — а ты опять за свое? Ты меня еще назови «Святым Маком»!

— Не буду, Святой Мак, — Рада усмехнулась, и он не мог понять, шутит она или говорит серьезно. — Пойдем.

Они спустились на цокольный этаж. Максим приложил к опознавателю ладонь — доступ в аппаратную имели немногие, — бронированные створки разошлись, и скоростной лифт доставил их в узел управления ретрансляцией пси-поля: в просторное помещение, залитое искусственным светом и снабженное телеэкранами внешнего обзора.

Картинка на экранах настораживала: толпа подошла вплотную к ограде, в воздухе мелькали камни, летевшие через забор. Святой Город не имел оборонительного периметра — когда его строили, не стали тратить время и силы на защитные сооружения: зачем они нужны, если противник любой численности разлетится под ударом пси-поля, как листья под ветром?

Отпугивающее поле, отпугивающее поле, бормотал Мак, склонившись над пультом и чувствуя спиной внимательный взгляд Рады, следившей за каждым его движением. Молодец девочка, из нее будет толк, несмотря на ее любовь к сказкам. Если меня убьют, сказал я ей, ты будешь управлять полем, смотри и учись. Тебя не могут убить, сказала она, ты же Святой Мак. Что за глупости, сказал я, ну что ты, в самом-то деле. Я не бог и не святой, я всего лишь человек из другого мира, сказал я, а она промолчала. А я ведь ей все рассказал, все-все, и показывал фильмы, записанные на кристаллах. А она... Но все равно — из нее будет толк. Не вечно же Земля будет опекать этот мир — придет время, и мы передадим его в руки самых лучших. Я передам в руки Рады целый мир, ее мир — красиво звучит, да. Спектр, частота, мощность... И конус, конус, а то зацепит и моих ребятишек. Хотя вообще-то это не страшно: излучение «серое», специфика другая. На Земле не зря корпели над пси-полями — дискретное излучение работает выборочно, оно реагирует на ментальный настрой, и негатив для него — это что-то вроде системы распознавания «свой — чужой». Не таи в душе зла, и тогда тебе ничего не грозит — если, конечно, правильно настроить спектр. А я настрою его правильно, не впервой, я регуляторы-кнопки не перепутаю, как тот хонтиец на границе. На этом инструменте я могу сыграть любую симфонию — я же все-таки Святой Мак.

Так, кажется, все.

Максим еще раз проверил показания приборов и решительно нажал замыкатель.

И ничего не произошло.

* * *

Получив донесение Каммерера, Сикорски не стал предпринимать никаких поспешных

действий. О концентрации на улицах столицы значительного числа взбудораженных людей — явно не случайной и явно чреватой серьезными беспорядками — он узнал задолго до того, как многотысячное людское сонмище выплеснулось за городскую черту и направилось к Городу Просвещения (иначе он не был бы Странником, вполне обоснованно именовавшимся здесь «теневым диктатором»). Сам по себе факт демонстрации еще не был причиной для тревоги — за последние два года столица бывшей Империи и бывшей страны Неизвестных Отцов видела множество митингов и шествий, начиная от марша «атомных ветеранов» и забастовок рабочих, требовавших урезать непомерные аппетиты магнатов, и кончая карикатурными сборищами борцов за право свободной личности открыто распивать спиртное из горлышка в общественных местах и заниматься групповым сексом в кустах центрального парка (при обязательном соблюдении условия: обнаженные части тела членов любовного коллектива не должны быть видны гуляющим-отдыхающим и случайным прохожим). Настораживала численность толпы — по примерным прикидкам, к Району реморализации изначально двинулось почти сто тысяч горожан — и ее целеустремленность, наводившая на мысль: этой толпой кто-то руководит.

Самым простым способом избежать нежелательных эксцессов было бы немедленно послать навстречу демонстрантам молодогвардейцев и солдат на транспортерах, поднять в воздух эскадрилью летающих платформ, а для полной гарантии — поддержать их десятком-другим передвижных излучателей. Однако этот самый простой способ в то же время являлся и самым предсказуемым — такое решение напрашивалось и наверняка ожидалось теми, кто организовал эту масштабную акцию. Не делай тою, чего от тебя ждут, — Рудольф Сикорски чуял чутьем старого опытного хищника, что ситуация не простая, она многослойная, и хотел вычленив все ее составляющие.

К тому же он был уверен: серьезная опасность Святому Городу не угрожает, тем более что большая часть первоначальной толпы вернулась обратно или отстала по дороге, рассеявшись по улочкам и паркам.

Сикорски изучал саракшиан в течение семи лет, изучал их с дотошностью энтомолога, часами наблюдающего муравейник в разрезе. Он знал обо всех (или почти обо всех) тайных пружинах, приводящих в движение большой социум Республики. Он знал расстановку сил в кланах банкиров и промышленников, ведущих между собой беспощадную войну и временно объединявшихся только против общего врага; знал о зреющем недовольстве среди военных, тосковавших о «старых добрых временах»; знал настроения простых людей, раздраженных всем происходящим; знал о кровавых гангстерских войнах, знал об амбициях чиновников и членов правительства (особенно тех, кто в прошлом были подпольщиками-выродками), знал поименно всех более-менее заметных политических (и не только политических) деятелей и знал даже объем сделок картеля торговых контрабандистов, поставлявших в беспокойную Хонти оружие (в том числе добытое в лесах за Голубой Змеей) и ввозивших в Республику самодельные хонтийские крепкие напитки и пандейские любовные зелья, употреблявшиеся также в качестве наркотиков. Странник знал многое, но не все — кое-что ему было неясно, — и поэтому он затаился в своем Департаменте, приведя в полную боевую готовность все свои личные вооруженные силы со всем их техническим арсеналом.

Странник ждал и дождался: через две минуты после разговора с Каммерером в его кабинете появился секретарь-адъютант Фанк, взъерошенный и встревоженный.

— Докладываю, Экселенц: в дополнение к трем официальным зонам пси-излучения — лагеря военнопленных на Голубой Змее, госпиталь профессора Зефа и окрестности Святого Города — наши детекторы пси-поля зафиксировали еще одну, четвертую зону, нелегальную. Зона создана семнадцатью башнями, находящимися в непосредственной близости к столице и стоявшими в «горячем резерве». Семнадцать башен ожили — они ретранслируют излучение от неизвестного источника, являющегося эпицентром нелегальной зоны. Мощность этого источника невелика — поэтому мы не сразу его засекали, спектр излучения — классический, внушение-мотивация. Диаграмма направленности итогового поля — вытянутый овал, протянувшийся от предместий столицы до Святого Города. Толпу

религиозных фанатиков гонят излучением, Экселенц.

«Ну вот, — подумал Странник, — что и требовалось доказать. Маломощный генератор — это или еще один „утерянный“ передвижной излучатель, или самоделка. И операторы там у них не слишком высокого класса — поднять весь город они не смогли. А может, этого и не требовалось, и вся эта толпа — всего лишь отвлекающий маневр? Что ж, теперь мой ход».

— Координаты эпицентра?

— Установлены, Экселенц.

— Платформу с излучателем к вылету. Командовать операцией буду лично. Капитана Итарру ко мне.

* * *

— Боги молчат, Мак? — тихо сказала Рада, и Максим не одернул ее за «сказочность» — он был слишком ошеломлен случившимся. Что за ерунда, лихорадочно соображал он, ведь я все сделал правильно, и все в порядке. Почему, почему нет излучения, что случилось? Он быстро проверил все индикаторы и обомлел: индикатор базисного потока показывал «ноль», и его фоновая подсветка погасла. Подача энергии с орбиты прекратилась — не из чего было лепить поле, способное принять любую заданную форму и спектр. А ведь только что, секунду назад, поток был, Максим хорошо помнил показания приборов — стандартное поле-заготовка присутствовало. А теперь его нет, и Город Просвещения беззащитен, массаракш-и-массаракш! Техническая неполадка? Или... Или сработала орбитальная блокировка, вот так взяла вдруг и сработала, сработала сама по себе? Техника Земли надежна, однако абсолютно безотказной техники нет и быть не может, а по закону подлости отказы происходят именно тогда, когда вред от них будет максимальным. Нет, канал блокировки неактивен... Но в чем тогда дело? Упали все спутники, упали и сгорели в атмосфере? Нет, так не бывает.

— Тогда я пошла, — спокойно добавила Рада.

— Куда? — Максим поднял голову.

— А вот туда. Посмотри на экраны, Мак.

И он посмотрел.

...На Город Просвещения хлынула серая волна. Она была серой не по цвету одежды — монотонность эпохи Неизвестных Отцов давно уступила место многоцветью курток, брюк и плащей (новеньких, пошитых в частных мастерских, и поношенных, завезенных из Пандеи шустрými мелкими торговцами, бойко сновавшими через границу туда-сюда) — она источала серость, она истекала серостью, возвращенной в душах людей, еще не знающих ярких цветов радуги. И эта серость ненавидела цвет, — уютно устроившись в захваченных душах, она дремала, причмокивая и посапывая, очень довольная собой, а красный, зеленый, синий, желтый цвета тревожили ее, раздражали, и при всей своей ленивой ограниченности серость не могла не видеть, что по сравнению с буйством красок она уныла и безысходна. Серость могла бы трансформироваться в разноцветность, она могла бы рассыпаться сверкающим калейдоскопом всех цветов радуги, но это требовало от нее усилий, это требовало работы над собой, а как раз этого серость и не хотела ни в коем случае. Серость была по-своему совершенна (во всяком случае, так считала она сама) и не желала меняться. И из этого ее нежелания — и неумения — измениться, приняв цвет, прорастала злоба, злоба лютая, неистовая и беспощадная: к тем, само существование которых заставляло серость взглянуть на себя в зеркало и увидеть, насколько она убога.

Вы, узнавшие, что небо может быть не только серым, но и голубым, что на серых ветвях серых деревьев проклевываются из серых почек зеленые листья, а грязная серая земля рождает красные и желтые цветы, считаете себя лучше тех, кто этого не знает? Вы, несущие цвет, презираете меня, Ее Величество Серость, да? Так я вам скажу, что голубое небо все равно затянут серые тучи, листья пожухнут и превратятся в серые уродливые клочки, а цветы сгорят и распадутся серым пеплом. А вы — вас я затоплю, смешаю с грязью, разотру в серую

пыль. Вы, многоцветные, станете такими, как все, а если нет, тогда вы умрете. Вы думаете, что к вашим чистым одеждам не липнет грязь? Как бы не так! Вы упадете в эту грязь, а я долго буду топтать вас ногами, пока вы не станете грязно-серыми — такими же, как я. И вы будете кричать от боли, а я буду радоваться, потому, что вы не будете больше меня тревожить своими нелепыми попытками осушить болото и превратить его в цветущий луг. Я, серость, не могу подняться до вашего уровня, зато я могу сбросить вас вниз и возвыситься над вами, как и положено Ее Величеству. Вперед, мои верные серые рабы, погасите радугу!

Многоглавый зверь по имени серая толпа напoлз на Святой Город. Люди лезли через ограду, давя и топча друг друга, подгоняемые диким желанием поскорее дорваться до крови и плоти тех, кто осмелился встать на пути серости. Серая волна захлестнула, она затопляла, глотая все, что ей попадалось. Звенели выбитые стекла, рушились аккуратные постройки, сминались кусты, кое-где уже вспыхнул огонь, и в животном реве серого зверя бессильно гасли крики убиваемых толпой. В Городе было оружие, но толпа была слишком велика, а Мак Сим не готовил из учеников воинов-бойцов — он воспитывал настоящих людей этого мира, которые должны были не воевать и убивать, а просто жить — так, как должен жить любой наделенный разумом. Горстка учеников не могла остановить толпу, подстегиваемую ненавистью...

Рада тем временем подошла к стенному шкафу, открыла его, вынула оттуда автомат и уверенным движением подсоединила магазин. Максим, обернувшийся на щелчок, смотрел на нее с удивлением. Когда она этому научилась, подумал он, вот уж действительно, из всех людей хуже всего мы знаем своих близких.

— Я пойду, — повторила она, застегивая пояс с запасными обоймами.

— Я тебя не пушу!

— Пустишь. Там, — Рада кивнула на экраны, — убивают моих друзей. Моих! У тебя нет права меня задерживать.

— Я с тобой!

— Нет, — она покачала головой. — Зови своих — может быть, они откликнутся и помогут нам, а я пока буду спасать своих. У каждого свое дело, Святой Мак.

Максиму захотелось прыгнуть на нее, отобрать оружие, скрутить, связать и спрятать в шкаф, чтобы она перестала изображать из себя героиню и не лезла туда, где свистят пули и где убивают, но он тут же понял, что тогда он наверняка потеряет ее, причем навсегда.

Рада шагнула к лифту — тоненькая фигурка, обтянутая светлым комбинезоном, — и он не посмел ее остановить: пожалуй, впервые за все время, проведенное им на Саракше, он увидел, какими станут в будущем жители Саракша — если, конечно, смогут и если этот мир не умрет. Дверные створки шахты разошлись и снова сомкнулись. Кабина ушла вверх.

Если с ней что-нибудь случится, подумал Максим, ощущая нарастающую глухую ярость, я их голыми руками, зубами, я их всех, всех... Спокойно, сказал он себе, спокойно. Эмоции должны контролироваться разумом. Рада права — мое дело — здесь, я должен оживить пульт и спасти тысячи жизней.

Индикатор базисного потока по-прежнему показывал ноль. Контакт с орбитальными комплексами у Сикорски, он руководитель профессорской миссии. Максим трижды пытался выйти на связь, но телефон Рудольфа в Департаменте безмолвствовал, не отвечал и его личный коммуникатор. Неужели там что-то случилось? Только этого и не доставало... Так, проверим еще раз: здесь у меня все готово — схема собрана, не хватает лишь самой малости: базисного потока. Куда он мог деться, массаракш? Черт, ну почему я не перегнал в Город хотя бы несколько мобильных излучателей! Шеф считал, что все машины целесообразнее держать в гаражах Департамента специальных исследований, под его зеленым недремлющим оком, и я с ним согласился, а не надо было соглашаться, нет, не надо было. Мальчишка ты, а не профессор, Максим Каммерер, а еще Святым Маком именуешься. Там, наверху, убивают будущее Саракша, а ты сидишь здесь и тупо-беспомощно пялишься в мертвый пульт, вместо того, чтобы... А чтобы что? К черту рефлексии! Еще раз: рефансляция готова, и как только возобновится подача энергии с орбиты... Но ее все нет и нет, тридцать три раза массаракш!

С экранов лилась ненависть — Максим почти физически ощущал ее концентрацию и напор. Эта толпа не успокоится, пока не уничтожит здесь все живое — серость окончательно обезумела. Мне здесь больше нечего делать, сказал он себе. Автоматика все сделает сама, а я, пожалуй, пойду наверх. Мои друзья, сказал Рада. Да, она права, но не совсем... не только твои... и я докажу это и ей, и себе, причем себе — в первую очередь.

Максим подошел к оружейному шкафу и взял автомат. Да, подумал он, я здесь только и делаю, что стреляю, — думал ли я когда-нибудь, что стрельба по людям станет моей чуть ли не основной профессией?

Проверив оружие, Максим, уже шагнув к шахте лифта, бросил последний взгляд на пульт управления и замер.

Индикатор базисного потока светился ярко-зеленым.

Поле восстановилось.

На излучатели вновь щедро изливался поток энергии, а значит, на Святой Город и на весь Район реморализации лег контур модулированного излучения заранее заданных параметров.

* * *

Летающая платформа шла на бреющем полете над самыми крышами домов. На такой высоте ее можно было достать из обычной винтовки, но брюхо винтолета прикрыто какой-никакой, но все-таки броней, да и кому взбредет в голову просто так, сдуру, палить в стремительно проносящуюся платформу. Риск, конечно, есть, но риск этот неизбежный и не слишком большой.

Сикорски уповал на быстроту и внезапность своих действий. Детекторы пси-поля — новинка, созданная в его институте по земным технологиям, и вероятность того, что эта новинка уже известна заговорщикам (кем бы они ни были), крайне мала. Скорее всего, они даже не подозревают, что уже обнаружены, и потому вряд ли можно опасаться засады. Вот на подлете к эпицентру «нелегальной зоны» — да, там возможно противодействие (ручные зенитные ракеты и многоствольные крупнокалиберные пулеметы у противника наверняка имеются), но Экселенц и не собирался высаживать группу захвата на крышу дома или иного строения, где укрывались заговорщики, — ему нужно было только подойти к цели на радиус поражения бортовым излучателем винтолета.

Внизу мелькали мокрые крыши, сменявшие одна другую. Недавно прошел дождь, и дома казались боязливо нахохлившимися. Аналогия была странной, но Сикорски понимал, что дождь здесь, ни при чем: вся столица пребывала в смятении, и смятение людей сквозило в контурах зданий и в лабиринтах улиц, по которым протискивались нервные человеческие единицы, сливавшиеся в массы-толпы и снова распадавшиеся на отдельные песчинки-капли под прессом безотчетной тревоги — излучение «нелегальной зоны» делало свое дело.

Экселенц сам вел машину, отстранив пилота. Это была разумная предосторожность — над столицей висело пси-поле. Да, его напряженность была невысока, чуть выше обычного фоновое значение — в свое время поле такой мощности промывало всю страну Неизвестных Отцов десятилетиями, не вызывая бурной реакции ни у «нормально восприимчивых», ни у вырожденных, — но техническая оснащенность заговорщиков оставалась величиной неизвестной: кто даст гарантию, что в следующую секунду это поле внезапно не возрастет и не изменит спектр на куда более опасный?

Мальчишки из взвода сопровождения, сидевшие за его спиной в десантном отсеке, сдержанно молчали. Они были спокойны — они видели, как держится Странник, они верили в него, а некоторый ментальный дискомфорт (следствие воздействия слабого излучения) удалось снять капсулами химических стимуляторов.

На каменном лице Странника не отражалось никаких эмоций, и никто из его молодых бойцов (за исключением разве что капитана Итарру) даже не подозревал, что мозг Сикорски работает со скоростью мощной вычислительной машины, предоставив управление

винтолетом навыкам на уровне инстинктов.

...Уровень поля, уровень поля. Уровень низок, но по-другому нелегалы и не могли: башни не предназначены для направленного излучения, они хлещут пси-полем во все стороны, не отделяя агнцев от козлищ — это не оружие селективного действия, а технический инструмент пропаганды и агитации, очень мощный инструмент, но не более того. Заговорщики сделали все, что смогли, — они выжали из этого инструмента максимум допустимо возможного. Город в смятении — это раз; царящая в столице растерянность видна невооруженным глазом, и это наверняка результат воздействия излучения. Толпа якобы «религиозных фанатиков» (скорее всего, ее, составили те, кто давно уже был морально готов ломать, крушить и убивать, а поле стало для них всего лишь разрешающим сигналом, чем-то вроде команды «куси!») штурмует Город Просвещения — это два. Те, кто взбудоражили эту толпу и натравили ее на «врага» (способ древний, как мир), наверняка знали, что Город не по зубам никакой толпе, и затеяли они эту атаку с одной-единственной целью: отвлечь мое внимание. А вот дальше — дальше возможны варианты, которые — все из которых — я обязан предугадать и парировать.

За порядок в столице можно не беспокоиться: полицию возглавляет Дэк Потту, а у него не забалуешь. Дэк миндальничать не будет — мне уже не раз приходилось защищать его от наскоков чрезмерно гуманных членов правительства, обвинявших Генерала в нарушении прав человека, выразившимся в расстрелах на месте уголовников, взятых с поличным над еще не остывшими телами жертв разбойных нападений. Вепрь — Вепрь со своей «старой гвардией» присмотрит за Временным Советом (чтобы господа «советники» не устроили какой-нибудь водевиль, который запросто может обернуться кровавой драмой-трагедией), у Тика Феску даже с его одной рукой хватка мертвая.

Уличных волнений не будет: это не революция, а военный путч, самый что ни на есть заурядный, по образу и подобию путча приснопамятных Неизвестных Отцов. Так что народ на улицы не выйдет — ему что те, что эти, все едино; люди уже не верят ни администратам, ни олигархистам, не говоря уже о разного рода мелких политических фигурках, заботящихся только о своем кармане, желудке и гениталиях.

Самое слабое место — войска. Да, мой авторитет «теневого диктатора» среди армейцев все еще высок, очень высок, но есть и тревожные тенденции — в дивизионе тяжелых систем было какое-то подозрительное шевеление. Хорошо, что столичным гарнизоном командует Тоот, бригадир, то есть легионный генерал Тоот, прославленный герой битвы в Гремящей Излучине (ни мне, ни Максиму эта слава ни к чему, и хорошо, что я предоставил все лавры победителя айкров bravому бригадиру, произведенному после разгрома десанта Островной Империи в генералы). Тоот надежен — он честен (явление довольно редкое), и он искренне хочет блага своей измученной стране (тоже не слишком часто встречающееся желание).

Да, люди у меня есть, и ситуацию я контролирую, вернее, почти контролирую. Мак, думаю, справится, а мне нужно срезать змеиную голову, иначе будет большая кровь — очень большая. Я не знаю, какой мощности генератором располагают заговорщики. То, что поле слабое, еще ни о чем не говорит, — новоявленные кандидаты в Неизвестные Отцы до сих пор не ударили мощным полем только потому, что они саракшиане, а не земляне, и у них нет иммунитета к пси-излучению — поле «обожжет» их самих. Но вот если они почувствуют, что проигрывают, тогда они пойдут на все — кто может поручиться, что у них не заготовлен отмодулированный сигнал безумия, после получения которого какой-нибудь неприметный офицерик не превратится в тупого зомби и не взорвет ядерный арсенал? Маловероятно, но не исключено, да и простая «черная волна» (да еще с какими-нибудь «присадками») может натворить немало бед. Все мои соратники отключатся, и я на какое-то время останусь один в огромном городе, сошедшем с ума и потерявшем сознание от боли... Справлюсь, конечно, обязан справиться, не имею права не справиться, но такого лучше все-таки избежать — я не бог, я человек, и я тоже смертен...

Негромко пискнул целеуказатель. Экселенц бросил взгляд на панель управления — белые стрелки на бледно-зеленом фоне детектора источника излучения сошлись паучьими

лапками, зажимая пульсирующую красную точку. Автоматика исправно известила: цель в радиусе поражения. Капающая десница господня, подумал Сикорски, активируя излучатель.

Из-под брюха винтолета вырвался незримый узкий конус «серого» излучения.

Карающий бог опередил восставших против воли его.

Летающая платформа преодолела оставшиеся километры до эпицентра «нелегальной зоны», зависла над широким мощным двором роскошной виллы, перестроенной из бывшего родового гнезда-усадьбы какого-то имперского аристократа, сгинувшего в перипетиях войн и революций, и расчетливо, на всякий случай, снесла термическими ракетами счетверенные зенитки, задравшие свои тонкие стволы с крыши старинного здания. Ключья расплавленного металла еще летели во все стороны, когда Странник выключил излучение, и во двор виллы горохом посыпались молодогвардейцы-десантники капитана Итарру. Сопротивления они не встретили: среди путчиков не осталось ни одного способного его оказать.

Ориентируясь по детектору и переступая через неподвижные или слабо шевелящиеся тела, усеявшие комнаты, лестницы и коридоры виллы, Сикорски первым ворвался в центр управления и, не утруждая себя поисками выключателя источника питания, расстрелял блок-эмиттер генератора, заливавшего столицу наведенной сумятицей.

Ему очень хотелось расстрелять и кое-кого из пленных — из тех, кого он неплохо знал, и был даже удивлен, увидев их среди заговорщиков, — однако он сдержался.

Разум должен контролировать эмоции.

И к тому же, сказал себе Рудольф, их всех надо допросить — обязательно.

* * *

— А-а-а-а-а-а...

Серая волна, заливавшая Город Просвещения, дрогнула, как будто в нее ударил тугой кулак упругого встречного ветра. Разъяренная толпа, опьяненная запахом свежепролитой крови, заволновалась; в ней образовались противонаправленные людские потоки, возникли водовороты, слагавшиеся из мятущихся человеческих тел, — кто-то подавался назад, кто-то упрямо лез вперед, создавая топчущееся коловращение, бурлящее и клокочущее. Серая топь споткнулась, но не подалась назад — она застыла в состоянии неустойчивого равновесия, не продвигаясь вперед, но и не отступая, и это было непонятно. Люди продолжали лезть через ограду, хотя напор толпы утратил злобную устремленность; одни прыгивали на землю с этой стороны невысокого каменного забора, другие сползали обратно — туда, откуда пришли, — а кое-кто зависал на гребне ограды, недоуменно поводя головой, словно не зная, что ему дальше делать.

В той части Города, которая уже была захвачена, по-прежнему звенели вышибаемые стекла, трещало дерево построек, сокрушаемых ударами ломов, и разгорались черные дымы пожаров; раздавались крики и выстрелы. Но дальше толпа не шла — она приостановилась, как будто уткнувшись в невидимую стену. Гребень серой волны — перекошенные злобой лица, оскаленные зубы, бешеные глаза — вспенивался вспышками ярости и раскачивался, не имея сил покатиться вперед, но и не желая откатиться назад.

— А-а-а-а-а-а...

Не понимаю, думал Максим, глядя на экраны. При такой напряженности пси-поля все это оскотинившееся скопище должно было бы опрометью кинуться прочь, гонимое ужасом, повизгивая и поджимая хвост. Толпа замедлила свой убийственный разбег и остановилась, но она не отступала, стоя на месте и время от времени выплевывая небольшие сгустки-группки, пытавшиеся продолжать наступление. Ученики, сжавшиеся в кучки, ошестиненные стволами автоматов, секли очередями эти серые щупальца; густо падали убитые и раненые, но толпа не уходила — она рычала, словно зверь: остановленный, но не опрокинутый. И из толпы в учеников продолжали лететь камни и пули — у фанатиков тоже было оружие.

Максим осторожно тронул регулятор мощности поля. Толпа утробно взвыла; кто-то повалился, обхватив голову руками, кто-то покатился по земле, неистово суча ногами. Серая

волна медленно и неохотно отхлынула на несколько шагов, оставляя на истоптанной земле неподвижные и дергающиеся тела. Наметился перелом, но дался он недешево: ученики тоже попятились, пошатываясь и поддерживая друг друга, — дискретное отпугивающее поле, пусть даже не подкрепленное внутренним ментальным негативом, действовало и на них.

Плохо дело, подумал Максим. Этак я буду выдавливать погромщиков часами, и все это время мои ребята и девчонки тоже будут находиться под излучением, и еще неизвестно, как оно на них подействует. Ударить «серым» полем? А что потом? Собрать в одиночку тысячи, десятки тысяч «бревен» — это тебе не сотню хонтийских диверсантов перетаскать на обочину, задача практически нереальная. И потом, где гарантия, что «серое» излучение подействует? Толпа стоит себе под излучением и не бежит сломя голову, а только слегка нервничает. Что, если она вот так же спокойно — относительно спокойно! — перенесет и «серый» лучевой удар, превративший всю грозную островитянскую армию вторжения в безвольные «бревна»? Что-то тут не так, массаракш... И где Странник, почему он молчит? Что вообще происходит? А там, наверху, Рада (я ее что-то не вижу, неужели с ней..). Идти наверх и стрелять, стрелять, стрелять? Как сказал Рудольф — только не забудь подсчитать, сколько тебе понадобится времени и патронов, чтобы убить сто тысяч человек...

Максим еще несколько минут смотрел на экраны. Картина там не менялась. Дважды попытался связаться с Рудольфом, но в пустую, а потом вздохнул и взял автомат. Боги любят умываться кровью, подумал он с горечью, это их любимая процедура. Или все-таки врубить на полную мощность «черное» — депрессионное — излучение, а там будь что будет? Вгоню в тоску всех, кто находится в Районе реморализации, правых и виноватых, а разбираться будем после, массаракш-и-массаракш?

— А-а-а-а-а-а...

Серая волна внезапно сломалась, как металлическая пластинка, которую долго гнули в разные стороны. Она покатила назад, рассыпаясь, распадаясь и превращаясь из дикого серого зверя, жаждавшего крови, в то, чем она, по сути, и была — в аморфное серое болото, бесследно засасывающее все, что отличает человека от животного. Максим немного убавил мощность излучения, чтобы не мучить своих, и бросился к лифту — он был почему-то уверен, что здесь, в аппаратной, ему больше делать нечего.

Когда он выскочил на улицу, в лицо ему пахнуло гарью и еще чем-то недобрым — то ли запахом страха, то ли запахом смерти. По ушам резанул верещащий визг — убегающие люди выли, слепо топча упавших и прокладывая себе дорогу к ограде ножами, кулаками и дубинами с той же злобной яростью, с какой она полчаса назад шла на Город Просвещения. Люди-люди, подумал Максим, люди-звери...

Его ученики приходили в себя. Увидев Мака, они потянулись к нему со всех сторон — грязные, в изодранной одежде, с глазами, воспаленными болью. Максим почувствовал боль этих людей и понял, что все придется начинать сначала; то, что он посеял в их душах, было в одночасье вытоптано, вырвано с корнем, обожжено огнем и залито кровью. Он видел глаза своих учеников, видел, как их руки стискивали оружие, и понимал, что на Саракше стало больше людей, готовых убивать, — куда больше, чем час назад.

Из-за угла с ревом вывернулся шестиколесный армейский грузовик, за ним другой. В кузовах машин сидели люди с оружием, его ученики. Машины притормаживали, в них лезли еще люди, подсаживая друг друга и хватаясь за протянутые сверху руки. Забравшись в кузов, они протискивались к бортам, присаживались и пристраивали поудобнее автоматы, готовясь к стрельбе. Они погонятся за убегающей толпой, подумал Максим, и будет резня — будущее Саракша будет стрелять в прошлое Саракша, пока не кончатся патроны. И убивая прошлое, это будущее станет настоящим, а потом и прошлым — замкнутый круг, кольцо ненависти. Ну, уж нет, сказал он себе.

— Нет! — закричал Максим, загораживая машинам дорогу. — Стойте!

Взвизгнули тормоза. Мак увидел за ветровым стеклом белое лицо водителя, быстрым движением подался вперед, выволок его из кабины и встряхнул.

— Я сказал «нет», — повторил он. — Никто никуда не поедет. Хватит крови, слышите?

Ответом ему было раскаленное молчание — Максим чувствовал напряжение десятков и сотен смотревших на него людей. Дискретное поле, подумал он, надо снять пси-поле — кто знает, что сейчас творится в головах его учеников? Они его слушают, но слышат ли?

— Слушайте Просвещающего, — раздался женский голос. — Стойте!

Рада, появившаяся неизвестно откуда, встала рядом с ним. Она была жива и, кажется, невредима, только вот кровь на щеке — наверно, это ее камнем, он видел, из толпы летели камни, много камней с острыми краями...

— Слушайте Мака, — прокричала она.

Напряжение лопнуло. Люди, сидевшие в грузовиках, и другие, толпившиеся вокруг, зашевелились, как будто стряхивая с себя наваждение. Мак Сим снова стал Святым Маком, каждое слово которого было законом.

— Подберите раненых, — распорядился Максим, — у нас будет много работы.

Потом он вдруг услышал какой-то скулеж, доносившийся со стороны разрушенных строений Города — оттуда, где прокатилась серая волна и куда она отхлынула. Последние беглецы уже перебрались через стену и исчезли, нимало не заботясь о сотнях, затоптанных во время панического бегства, и только один заблудившийся человек жалобно, пощенив, скулил, скорчившись и уткнувшись лицом в цветочную клумбу, раздавленную тысячами ног. И от него отвратительно воняло — землянин Максим Каммерер почувствовал эту вонь, хотя расстояние до обгадившегося и скулившего человечка было приличным, и отвернулся.

А потом к нему подошла Рада. Из ее разжавшихся пальцев выпал автомат и лязгнул о мостовую; она приникла к Максиму и застыла. Максим обнял ее за плечи и понял, что Рада плачет.

— Пойдем, маленькая, — сказал он негромко. — Надо выключить поле.

* * *

— Почему вы не отвечали, Рудольф?

— Отказ коммуникатора. Редкий случай — наша техника очень надежна, но...

Но самая надежная техника когда-нибудь да отказывает, мысленно закончил за него Максим. И по закону подлости...

— Я заметил это, когда мы уже заходили на цель. Поздно было что-то делать, к тому же я был уверен, что ты справишься. А мне надо было сделать главное — обезглавить заговор.

Расстановка приоритетов, подумал Максим. Есть главное и есть второстепенное, и все, что подпадает под категорию «второстепенное», менее важно, даже человеческие жизни. Прагматический рационализм — в этом весь Экселенц.

— А что случилось с подачей энергии с орбиты, вы уже выяснили? Что это был за сбой? Тоже отказ нашей очень надежной земной техники?

— Не отказ. Наоборот, безукоризненно точное ее срабатывание. В атмосферу Саракша вошел крупный метеорит, траектория которого пересекалась с траекторией орбиты спутника, висевшего над Районом реморализации. Автоматика оценила угрозу и приняла единственно правильное решение — спутник совершил маневр уклонения. В результате Город на какое-то время, пока не подошел второй спутник и не закрыл брешь, остался без «зонтика».

Метеоритная атака в атмосфере, вспомнил Максим, вероятность ноль целых, ноль-ноль десятых, ноль-ноль... Автоматика не рассуждает, она подчиняется заданной программе, в которую все приоритеты защиты заранее.

— Роковое стечение обстоятельств, — резюмировал Сикорски, поглядев на дымящиеся развалины разоренной части Города, где копошились фигурки людей. — Такого мы не могли предположить.

Ведь мы же не боги, добавил про себя Максим, мы люди, всего-навсего люди, зачем-то надевшие маски богов.

— Но саму попытку переворота мы предполагали, — вслух сказал он, — и предупреждали об этом КОМКОН.

— Издалека все видится иначе, — Сикорски тяжело вздохнул. — Мы с тобой здесь, а Земля — Земля далеко, и большое расстояние скрадывает несущественные детали, выходящие за рамки базисной теории развития социума. И вот это тоже, — он показал глазами на двоих учеников, несших мертвое тело; рука трупа бессильно волочилась по земле, — мелкие детали, которые можно не принимать в расчет, когда оперируешь большими числами и глобальными категориями. Мне давно надо было на свой страх и риск задавить всю страну полем, а не...

Он замолчал. Максим ждал.

— Заговорщики неплохо подготовились, — снова заговорил Сикорски, — и у них были шансы. Они рассчитывали посеять сумятицу, отвлечь мое внимание нападением на Город Просвещения, а под шумок нанести удар баллистическими снарядами тяжелых систем по моему Департаменту специальных исследований и сжечь термическими боеголовками все передвижные излучатели, — Странник криво усмехнулся, — разумеется, вместе со мной. Технологии расползаются — путчисты сумели тайком собрать и запустить довольно мощный генератор и задействовать для ретрансляции мотивационного излучения почти два десятка башен. У них был значительный запас мощности, однако им поневоле пришлось ограничить напряженность поля, иначе вместе со всеми прочими заговорщиками-стандарты тоже утратили бы способность рассуждать здраво, а заговорщики-выродки оказались в грогги. Расчет был, надо отдать им должное, тонким, и хорошие специалисты-психологи у Мецената Каришту нашлись — один Гагу Ментор чего стоит. В целом столица пребывала в состоянии растерянности: в неустойчивом равновесии, которое определенным внешним воздействием — например, криком «Странник мертв, да здравствуют новые Отцы!» — можно было качнуть в любую сторону. А импульс поля руководством к действию приняла лишь незначительная часть населения: те, кто уже истребили в себе почти все человеческое, — проще говоря, обыкновенная мразь. Они подспудно хотели убивать, и они пошли убивать, а не до конца озверевшие отсеклись по дороге. Меценат Каришту знал, на кого делать ставку.

— А почему же они тогда так долго сопротивлялись воздействию встречного поля? Ведь мой сигнал имел, куда большую мощность, чем слабенькое излучение самоделки, особенно когда я увеличил напряженность? — спросил Максим.

— Эффект толпы, — пояснил Странник. — Люди, собранные в толпу и подчиненные одной идее, начинают «подогревать» друг друга, многократно усиливая и подпитывая общее безумие. Толпа — это зверь, Мак, который очень часто становится неуправляемым. Об этом знали заговорщики — и Пацу Кредитор, и Епископ Буржа, и Ментор, и сам Каришту. Поэтому толпа и сопротивлялась твоему полю — ее сопротивление сломалось только тогда, когда я вывел из строя генератор путчистов и «кнут» исчез. Пси-излучение — обоюдоострое оружие; если бы я не опередил эту шайку и они включили бы поле на полную мощность, — Сикорски снова посмотрел на развалины, над которыми сочился бледнеющий дым, — то еще неизвестно, чем бы все кончилось... Среди твоих потери большие?

— Погибших около сотни, раненых и покалеченных свыше двухсот — точно сказать пока не могу, ребята еще не закончили собирать тела. Могло быть хуже, Рудольф.

— Могло, — согласился Экселенц. — И поэтому — хватит полумер. У меня есть право на широкомасштабное применение излучения, и я это право использую. Позитивное поле будет подано на всю страну, в фоновом режиме, с активацией всех башен. Мои помощники уже заканчивают расчеты, уточняют напряженность и спектр — вероятно, придется ввести кое-какие дополнительные составляющие для подавления агрессивности, чтобы вот такого, — Сикорски обвел взглядом разоренную часть Города, — больше не повторилось. И если будет надо, я периодически буду дополнительно подавать мощные разовые импульсы — выродкам придется потерпеть. Так что будь готов, пророк, скоро голос Святого Мака Просвещающего, — он без улыбки посмотрел на Каммерера, — будет слышен по всей

Республике, далеко за стенами Святого Города.

А ведь он доволен, что так вышло, понял вдруг Максим, доволен, да, — у него теперь развязаны руки. Ай да Странник... Машина, идущая напролом, без сомнений и колебаний, и все ее приоритеты жестко заданы программой...

— А кроме проповедей, — глаза Странника недобро блеснули, — придется использовать и розги. Легионеры встретили бегущую толпу на окраинах столицы, и...

— Они в нее стреляли?

— Нет, обошлось без этого, разве что было сделано несколько случайных выстрелов. Но арестованных много — ведется их сортировка, и те, чья вина будет доказана, отправятся на Голубую Змею составить компанию доблестным воинам Островной Империи. Что же касается главарей заговора — тут, я полагаю, пора вспомнить старые добрые имперские традиции.

— Что вы имеете в виду?

— Казнь. Может быть, публичную. Меценат Каришту, злой гений всей этой истории; Пацу Кредитор, готовый ради пополнения своего кошелька уложить в могилу половину населения планеты; атомный маньяк Воевода Иксу Дзингу, намеревавшийся использовать на улицах столицы ядерные бомбы; обезумевший церковный фанатик Буржа Епископ; Ментор Адру Эдереш, вложивший в руки путчистов волновое оружие; и кое-кто рангом пониже — всех их следует казнить на центральной площади. Естественно, по приговору Верховного суда, при соблюдении всех формальностей судопроизводства, а вовсе не по произволу «теневого диктатора» Странника — я всего лишь посодействую принятию такого решения.

— Вы уверены, что это необходимо, Экселенц? — сумрачно спросил Максим. — Это же Средневековье, варварское Средневековье!

— Это варварский мир, Максим, варварский, несмотря на кое-какие его технические достижения! Здесь нельзя по-другому — или мы спасаем этот мир, не занимаясь витиеватым словоблудием и не беспокоясь только лишь о том, чтобы наш земной гуманизм не получил пару лишних болезненных царапин, или садимся в «призраки» и улетаем к чертовой матери, оставив здесь все как есть. Помнишь, я рассказывал тебе сказку про посланника Мирового Света, разрушившего башню злого колдуна? У этой сказки есть и другой конец, не слишком оптимистический, — злой колдун не умер: он сделался невидимым, он затаился среди людей, он питается тьмой, живущей в людских душах, и он ждет своего часа — часа, когда он сможет вернуться и начать все сначала. В древних легендах есть рациональное зерно — дорога в рай лежит через чистилище. Преддверие рая — Город Просвещения — у нас есть, а чистилищем станет вся страна; хотя бы одна страна, если уж нельзя пока охватить всю планету. И в этом чистилище тебе придется иметь дело с грязью, а если ты возишься с грязью, то не надейся, что руки твои останутся чистыми, без единого пятнышка, будь ты, хоть трижды бог. Грязь — она прилипчива, Максим, и с этим ничего не поделаешь. Главное — не дай этой грязи влезть к тебе в душу.

Весь облик Странника дышал уверенной непримиримостью, и Максиму показалось, что он видит перед собой ротмистра Чачу, которой точно так же был непримиримо уверен в своей правоте — в своей собственной правоте. Сравнение было неудобным, но Максим никак не мог отделаться от этого ощущения. Неужели дикие миры способны превращать в дикарей даже богов?

— Я полетел к себе, — сказал Сикорски. — У меня много дел, и у тебя тоже. Хорошо, что у тебя есть такая помощница, Святой Мак. Я теперь постоянно буду на связи — надеюсь, мой коммуникатор снова не откажет.

Он повернулся и пошел к своему вертолету, поджарый и жилистый, словно хищник, а Максим смотрел ему вслед. Помощница... Наверно, Рудольфу уже известно, как вела себя Рада во время нападения толпы и после того как толпа обратилась в бегство. Да, у Сикорски наверняка есть свои люди среди моих учеников, подумал Максим. Как их там называют — информаторы? Галактическая безопасность и КОМКОН-2 широко используют опыт своих предшественников, спецслужб прошлого — как же иначе? Но то, что задумал Странник, —

это зло во имя добра в чистом виде. Допустимо ли такое зло? Что-то я запутался, думал Максим, наблюдая, как Сикорски забирается в вертолет, совсем запутался...

Вертолет, рокоча, поднялся в воздух и, заложив вираж, полетел к столице, а Максим, немного постояв, направился к развалинам, где копошились его ученики — ему надо быть с ними, как же иначе?

Что натворили, скоты, думал он, пробираясь среди остовов разрушенных коттеджей и оглядываясь по сторонам, что натворили. А ведь прав Странник, массаракш, нельзя здесь по-другому, нет, нельзя. Вот только не превратились бы бесповоротно боги милостивые в богов карающих...

Он шел, отвечая на вопросы учеников и отдавая распоряжения, а потом, уже почти у самой ограды, он увидел труп, и ему показалось, что его с размаху ударили по голове чем-то тяжелым. Максим всякого уже насмотрелся на своем обитаемом острове, особенно во время вторжения айкров, но это...

Это был даже не труп, это были остатки трупа, разодранные в клочья и превращенные в кровавое месиво ударами дубин и камней. Кажется, здесь погибла девушка из числа учеников — Максим понял это по обрывкам светлого комбинезона и по длинным волосам, втоптаным в расквашенную землю. Максим не мог сказать, была ли она красивой — от лица убитой не осталось ничего, — но ему почему-то казалось, что девушка эта была красавицей: он помнил лица своих учениц, с восторгом смотревших на Просвещающего. И эта девушка тоже смотрела на Святого Мака и не знала, что ее ждет уже в самом скором времени...

Пророков и святых всегда распинали и побивали камнями, думал Максим, глядя на растерзанные останки, так было во все времена и, наверное, во всех обитаемых мирах. И не только пророков: люди охотнее всего — всегда и везде — убивали тех, кто пытался им доказать, что они люди, что они могут и должны жить лучше, чище и красивее, доказать это собственным примером. И вот именно за это пророков и их учеников и последователей убивали, убивали с невероятной тупой жестокостью, чтобы убедить самих себя в том, что сказок не бывает, и что серое болото — это единственная среда обитания человека, по чьему-то капризу наделенного беспокойным разумом. Толпа ведь шла на Город Просвещения не в беспамятстве (иначе в ней было бы не двадцать тысяч человек, а сто), она шла сознательно, а пси-поле — оно всего лишь подтолкнуло эту толпу, сняв последнее табу. Серая топь шла убивать с большой охотой, и еще неизвестно, пошла бы она при прочих равных условиях с такой же охотой драться с себе подобными, с таким же двуногим зверем.

Прав Странник, подумал Максим, прав — нельзя здесь по-другому. Воспитывать — да, но вместе с тем нужно изымать таких вот трудновоспитуемых, так и норовящих втоптать в грязь все самое светлое, чем от рождения наделен любой человек. Изымать, чтобы они не уродовали своих детей и не продолжали плести бесконечное кольцо ненависти. Вот только по плечу ли нам, людям Земли, промысел богов и не слишком ли мы самоуверенны? Ведь даже боги, похоже, могут ошибаться — если Всевышний действительно создал людей по своему образу и подобию, то или он сделал эту свою работу из рук вон плохо, или... Или эталонный образец был очень далек от совершенства.

Глава 8

ДЕТИ ГОР, ДЕТИ ПУСТЫНЬ

Горы приближались, но, как это бывает, они казались ближе, чем есть на самом деле. Выглядели они величественно — внушительные, основательно расположившиеся, — и высота их благодаря особенностям атмосферы Саракша казалась непомерной: вершины упирались в тусклое небо и выгибали его своими каменными мышцами — неудивительно, что эти места издревле считали сакральными. Однако нашлись и те, кого эта сакральность раздражала — незыблемую плавность контура горного хребта нарушал пролом, нелепый и уродливый, как дыра от выбитого зуба, и Максим вспомнил слова дядюшки Каана: «...в ту

войну долбанули по этому хребту супербомбами». Ну да, конечно, подумал Мак, это у нас тут в порядке вещей: если что-то красиво, да еще и непонятно, да еще и трепет внушает, мы это что-то сразу бомбами — чтобы, значит, не внушало. Никакого военного смысла в атомной бомбардировке хребта не было — горцы, насколько мне известно, всегда жили особняком, практически не общались с внешним миром и уж наверняка не являли собой угрозу ядерным державам, сцепившимся в самоубийственной общеконтинентальной сваре. Кто, интересно, нанес удар по горам Зартак — имперцы или эти, из центральных держав, от которых остались одни лишь развалины да пустыни, зараженные радиацией? Хотя — какая разница, все они тут одним миром мазаны...

Встречный ветер, втекавший в открытые боковые стекла кабины, ерошил волосы. Максим наслаждался глайдером — приятно после примитивных и уродливых саракшианских машин ощутить привычную и удобную мощь земной техники. Сикорски, словно подслушав мысли Каммерера, а может, следуя своим собственным соображениям, вытребовал с Земли флаер и пару глайдеров, тщательно замаскированных под армейские колесные вездеходы-внедорожники саракшиан. В обычных условиях эти машины трудолюбиво топтали асфальт шоссе и грунт проселочных дорог рубчатыми покрышками, однако при необходимости их можно было перевести в режим полета — колеса отрывались от земли и лениво шевелились в воздухе, превращаясь в некое декоративное украшение. У отрогов Зартака, на окраинных землях, не приходилось опасаться чрезмерно любопытных и профессионально-опытных глаз, и Максим полетел, как только последние убогие поселки бывшей Империи и бывшей страны Неизвестных Отцов остались позади (держась на минимальной высоте и следуя изгибам местности — разыскивая обитателей предгорий, не стоило уходить высоко вверх).

Рада смотрела по сторонам с детским любопытством — юность ее пришлось на тяжелые послевоенные времена, и девушка почти ничего не видела, кроме столицы и центральных областей страны, унылых и далеко не живописных. И немного моря с родителями в детстве. А здесь посмотреть было на что: атомное эхо докатилось до западных отрогов хребта Зартак, но не опустошило эти места, и за прошедшие годы природа залечила раны — выросли новые леса, в которых гнездились птицы и шныряла мелкая живность, а в многочисленных ручьях и речушках (чистых, не радиоактивных) плескалась рыба. До нетронутых пандейских лесов верховьям Голубой Змеи было, конечно, далеко, но даже по ним можно было понять, каким был несчастный материк до начала ядерного безумия. И река здесь была другой — отравленной она становилась ниже по течению: там, где начинались ржавые леса и где в воды Голубой Змеи попадали активные изотопы, вымывавшиеся дождями из опаленной земли. И Максим вдруг подумал, как было бы здорово просто пожить в этих краях вдвоем с Радой хотя бы месяц, забыв обо всем, что оста лось там, позади. Не получится такая идиллия, сказал он себе, нет, не получится, а жаль...

Адаптированный глайдер легко скользил над самой землей. Дорог здесь уже не было, но машина с равнодушной легкостью оставляла позади рытвины, невысокие холмы, топкие низины, огибая плотные заросли кустов и лавируя между древесными стволами там, где они не смыкались в сплошную стену. Квазиживой организм очень естественно вписывался в этот мир, близкий к первобытному, и Максиму порой даже казалось, что машина мурлычет от удовольствия, петляя между деревьями и перепрыгивая через узкие прозрачные ручьи, тихо бормотающие что-то свое. А горы становились все ближе, их призрачная голубизна густела и наливалась синевой, в которой постепенно проступала чернота обнаженных скал.

Ближе к вечеру, когда горы уже нависли над головами, Максим почувствовал чье-то пристальное внимание. Вокруг не было видно ни души, и тем не менее ощущение чужого взгляда не проходило — за глайдером явно наблюдали. Мак остался спокоен: он был уверен, что справится с любой угрозой, да и наблюдали за ними без враждебности, а всего лишь с интересом — это чувствовалось. Нас заметили, подумал Мак, и это хорошо — было бы хуже, если бы на нас не обратили никакого внимания и нам пришлось бы наматывать круги по предгорьям в поисках горских поселений, о которых говорил Ирри Арритуаварри. Вот тебе и

контакт — тот самый, которым ты грезил три года назад, попав на обитаемый остров, — надо только немного подождать.

Ждать пришлось недолго. Глайдер, вспенивая несущим полем воду, перемахнул пруд, раздвинул носом колышущуюся завесу высоких стеблей, напоминавших земные камыши, и оказался на небольшой полянке, окаймленной сочной зеленью. И на этой поляне, скрестив на груди руки в позе спокойного ожидания, стоял человек в кожаной куртке — безоружный.

Мягко спружинив, машина опустилась на траву, снова превратившись в обычный автомобиль. Максим выключил двигатель и вышел, бросив Раде негромкое «Не волнуйся, все в порядке». Уже темнело, но он ясно видел, что перед ним горец, очень похожий на Ирри и на самого Максима — ошибиться было трудно.

— Мы ждали, — сказал незнакомец, вежливо наклоняя голову, когда Максим показал ему «ладонь птицелова». — Я покажу дорогу, Святой Мак.

* * *

Каменный лабиринт казался бесконечным. Час за часом узкие коридоры ущелий сменялись долинами, зажатými со всех сторон могучими телами утесов, по которым змеились пенные нити водопадов; едва заметные тропки, петлявшие по крутым склонам, пересекали пропасти, таившие гулкое эхо. Никаких дорог здесь не было и в помине — по этим диким горам не то что проехать, пройти было совсем не просто. Выручал глайдер — если бы не эта машина, путь к сердцу Зартака продлился бы неопределенно долго. Глайдер удерживался на гранях скал, перелетал через провалы, пересекал коварные осыпи, грозившие при первом же неосторожном движении породить грохочущую каменную лавину. Максим догадывался, что путешествие по горам окажется непростым, и хорошо знал возможности земной техники (поэтому, собственно, он и отправился на глайдере), однако заметил, что их провожатый, сидевший рядом (Рада перебралась на заднее сиденье), отнюдь не выказывал безмерного удивления при виде головоломных пируэтов глайдера, которые явно не могла выполнить ни одна саракшианская машина. Можно было предположить, что горцы просто далеки от цивилизации и не слишком сведущи в технике, но Мак подозревал, что причина индифферентности их проводника совсем другая. Несмотря на свое отшельничество, горцы были неплохо осведомлены о жизни внешнего мира, знали, что там и как, и если их не удивлял глайдер, значит... Значит, или они считают, что Святому Маку подвластна магия, или же они знают, с кем имеют дело, — без всякой мистики. Второе предположение вызывало множество вопросов, но Максим надеялся, что скоро получит на них ответы.

Однако пока ответов не было — наоборот, возникали все новые вопросы. Проводник был сдержанно молчалив — он не то чтобы уклонялся от беседы, но умудрялся отвечать так, что его ответы можно было толковать как угодно. При этом горец отнюдь не скрытничал — он всего лишь очень естественно жил в каком-то своем мире, который имел слишком мало точек пересечения с большим и суетливым миром Саракша, хорошо известным и ставшим уже привычным землянину Максиму Каммереру.

Не добавила ясности и ночевка в селении у подножья гор, куда они прибыли вчера вечером. Десяток хижин, сложенных из дикого камня, огонь очагов, смуглокожие мужчины и женщины, ненавязчиво любопытные дети, простая еда и ночлег, аура доброжелательного гостеприимства, и все — спустя час после того, как утром они покинули селение, Максиму казалось, что никакого поселка и не было и что все это ему только приснилось.

Загадочное племя, думал Мак. Откуда они взялись, так не похожие ни на один народ Саракша? Они ведь не мутанты, жертвы ядерной войны, нет — в них дремлет что-то древнее, бережно хранимое тысячелетиями. Загадочный народ... Зато теперь я знаю, как им удалось сохранить в неприкосновенности свой мир — по этим горам (он поглядел на мрачные пики, со всех сторон обступавшие глайдер) не пройдет никакая армия, не говоря уже о технике, да и летать здесь сможет только очень опытный пилот: вершины затянуты туманом, и врезаться в них проще простого.

Интересно, как они сами здесь ходят? Или легенды говорят правду, и горцы в самом деле умеют левитировать? Да нет, вряд ли — скорее всего, они (он посмотрел на проводника) просто великолепно развиты физически и прекрасно тренированы; для них эти горы — дом родной. А вот незванным пришельцам — да, тем тут приходилось несладко.

— Скажи, почтенный, — спросил Мак у проводника, огибая очередной каменный клык, — часто ли люди долин тревожили покой людей гор?

— Такое случалось нередко, — степенно ответил горец. — По нашим ущельям шагала панцирная пехота имперцев, скакала баронская конница, по склонам гор карабкались южные варвары. Они приходили и уходили, не найдя того, что искали, и оставляли своих мертвых на наших камнях.

— А чего же они искали?

— Золота, — спокойно пояснил горец, — и богатства вообще. Но они его не находили, потому что мы никогда не собирали богатств — у нас нет такого понятия. И они уходили ни с чем, а хищные птиц гор так объедались мясом погибших, что не могли летать, и мы ловили их голыми руками. Отсюда и пошло имя нашего народа — Птицеловы. А танкам Империи, которые пришли позже, здесь было не пройти, они, — он посмотрел на Максима без улыбки, — не умеют того, что умеет твоя машина. До нас трудно добраться, и главное — мы сумели стать ненужными людям долин: то, чем мы владеем, не представляло для них никакой ценности — оно им непонятно. Мы сами по себе — зачем ловить ладонью дым костра, если его нельзя положить в кошелек?

Значит, это дитя дымных костров заметило необычность глайдера, подумал Максим, заметило, однако не подало виду. Он хотел было спросить напрямик «А чем же таким вы владеете?», но удержался: что-то ему подсказывало — Святой Мак не должен задавать этот вопрос.

— А последняя война, ядерная, она тоже обошла вас стороной?

— Почти. Остался Атомный Шрам, — горец махнул рукой туда, где, как знал Максим, зиял в хребте пролом, оставленный ядерным взрывом, — но горы наши велики и крепки, их трудно разрушить. Мы пересидели огненную бурю и незримую смерть в пещерах — мы жили, пока люди долин бессмысленно убивали друг друга. И мы выжили, потому что должны были выжить, чтобы свершить Предначертанное.

Опять пророчество наподобие пандейского, подумал Максим. Щедр мой обитаемый остров на древние предания — остается надеяться, что в горах Зартака не спит в хрустальном гробу прекрасная принцесса, которую Святой Мак должен разбудить страстным поцелуем, а заодно провести с разбуженной красавицей брачную ночь. Никаких принцесс, хватит с меня местных принцесс, У меня есть Рада! А если Птицеловы будут настаивать...

Он не успел додумать эту мысль — дорога свернула в расщелину, и за кряжистой каменной глыбой, молотом нависшей над ущельем, открылась округлая зеленая долина, точнее, горное плато, огороженное зубцами остроконечных утесов.

— Сердце Зартака, — с оттенком благоговения произнес проводник, — За последние три столетия сюда ни разу не ступала нога чужеземца — ни гостя, ни пленника.

Если бы это орлиное гнездо было освещено лучами закатного солнца, это было бы очень красиво, подумал Максим К сожалению, это не Земля, это Саракш, где Мировой Свет с трудом сочится через плотную светящуюся атмосферу и где не знают дивных закатов и восходов. Здесь вообще не знают многих красивых вещей и понятий — к сожалению...

— Туда, — проводник вытянул руку, показывая направление. — Нас встречают.

* * *

Глайдер зализывал раны — квазиживой организм регенерировал шрамы, оставленные на его декоративной оболочке острыми камнями непростого пути через горы. Отдыхай, малыш, сказал ему Максим, похлопав машину по гладкому теплому боку, ты сегодня славно потрудился.

Куда идти, было понятно, — вверх по склону, там, где отчетливо были видны темные зевы пещер, горел высокий бездымный костер и стояли люди, десятка два, — однако Максим с Радой, соблюдая ритуал, неспешно последовали за проводником. В первобытных ритуалах есть своя польза, думал Мак, шагая за горцем, — еще до начала разговора можно спокойно рассмотреть тех, с кем будешь говорить. Так, пока я не вижу ничего необычного — костер, разостланные на земле шкуры (первобытная мебель), торжественность на смуглых лицах. Еда-питье — ну, это само собой, как же без тостов и прочего. А вот это у нас, надо полагать, вождь-старейшина — седой, и держится с достоинством императора. Хм, честно-то говоря, я ожидал большего. Чего именно? Не знаю — во всяком случае, не примитивного заседания возле костра у входов в пещеры — горцы все-таки, легендарное племя Птицеловов. Ладно, посмотрим, что будет дальше...

— Народ Зартака и я, Хранящий Память, — звучно произнес седовласый на хорошем имперском, когда Максим с Радой приблизились к огню, — приветствуют Святого Мака и ту, что идет с ним рядом. Люди племени Птицеловов рады, что вы приняли наше приглашение. Садитесь, гости, — он широким жестом указал на шкуры, — ваши места здесь, рядом со мной.

Максим почувствовал легкое разочарование — очередной мелкий первобытный царек, рудимент Давно минувших эпох, представляющий интерес лишь для космоантропологов, но не для профессоров. А я-то размечтался, поверил в сказку, подумал он с досадой, стараясь, однако, чтобы это детское разочарование не слишком явственно проступило на его лице. И потом, не стоит делать поспешных выводов — все еще только начинается.

— Мы рады, что нашли дорогу к вашим кострам, — ответил Мак. — Прости, что нам неведом язык племени гор.

А мех мягкий и густой, подумал он, усаживаясь вместе с Радой на звериные шкуры. Интересно было бы поохотиться на носителей этих шкур — такая охота наверняка будет не хуже пандорской охоты на тахоргов или на панцирных волков.

— То, что тебе неведом язык племени гор, — медленно проговорил вождь, — это не так важно. А знаком ли тебе этот язык, пришелец со звезд? — и старейшина произнес длинную тираду на певучем, чуть свистящем языке, абсолютно незнакомом Максиму Каммереру.

Хорошо, что я сижу, подумал Максим, а то можно было бы упасть от изумления. В-первых, «пришелец со звезд» — это значит, что Птицеловы что-то знают о земном присутствии. А уж слово «звезды» использовано прямо по старым континентальным хроникам. И во-вторых — язык, на котором заговорил вождь, не саракшианский: он не похож ни на один из известных мне языков этого мира — слишком уж нетипичная у него тональность. Эх, сюда бы хорошего структурального лингвиста, он бы разобрался что к чему.

— Нет, Хранящий Память, — ответил он с видимым сожалением, что было нетрудно, — ему действительно был жаль, — этот язык мне неведом. А чей он, вождь Птицеловов?

— Что ж, — старейшина был разочарован, — мы надеялись, что ты тот, кого мы ждали и ждем. Это язык Отцов Небес, наших прародителей, давших жизнь племени гор и обещавших вернуться, когда придет срок и мир наш окажется на грани гибели. Жаль, Святой Мак... Хотя это может означать лишь то, что ты из другого племени звездных людей. Мы знаем — обитаемых миров множество и они населены множеством народов.

Спокойно, сказал себе Максим. Потомки небесных богов — это обычная мифология, знаем мы про такое, читали. А вот абориген замкнутого мира, с поверхности которого не видно звезд, рассуждающий о множественности обитаемых миров так, словно речь идет о чем-то обыденном и само собой разумеющемся, — это уже любопытно. Очень любопытно, так что не зря я сюда приехал, и лучше мне спрятать подальше снисходительность и мысли о примитивных дикарях, рудиментах прошедших эпох.

— А где Ирри Арритуаварри? — спросил он, чтобы получить маленькую передышку и

собраться с мыслями. — Ваш посланец, приходивший к нам в Город, — я его не вижу.

— Ирри нет — он ушел к живущим в личине зверя. Он разведчик — у него своя тропа. Разве тебе, — в голосе горца прозвучала едва уловимая ирония, — не хватает собеседников? — он обвел рукой сидевших у костра. — Мы все готовы говорить и слушать, Святой Мак.

— Ирри был первым человеком вашего народа, которого я встретил, — пояснил Максим (еще и личина зверя!), — поэтому я о нем и спросил. А людей для беседы здесь достаточно, Хранитель Памяти (кажется, получилось нормально — вежливо, но с достоинством). Расскажи мне о ваших прародителях, вождь, — может быть, мне что-то известно о них.

Рассказ вождя был обстоятельным, и хотя он очень напоминал типичные легенды, широко распространенные во многих мирах, Максиму удалось извлечь из него рациональное зерно. Если отбросить мифологию, заключил он, можно предположить, что всего несколько сотен лет назад некий народ — Небесные Отцы, как называли их горцы (это наверное традиция на Саракше — Отцы, простая мезолитическая, но традиция!), — провел на Саракше генетический эксперимент, изменив дикое горное племя и создав сообщество Птицеловов — тех самых, которых он сейчас видит. Возможно, хотя мотивы неясны — зачем это было нужно? И главное — кто они такие, Отцы эти Небесные? Кто они, эти генетические экспериментаторы? В известной человечеству части Галактики нет реальных кандидатов, а сами земляне несколько сот лет назад были заняты другими делами. И тем не менее — факт налицо, вот он этот факт, сидит себе у костра и смотрит на меня золотистыми глазами, в которых светится ясный разум — который так хочется видеть в глазах учеников. А если местные, то кто? Да, вот это задача...

— И Небесные Отцы, — завершил Хранящий Память, — завещали нам зажечь огонь настоящего разума на этой планете — это и есть Предначертанное. Я все сказал, Святой Мак, теперь я хочу послушать тебя.

— Мы недавно вышли на звездные дороги, — начал Максим, взвешивая каждое слово, — и мы не знаем тех, кого вы называете Отцами Небес. Но Вселенная велика, и, может быть, ваши прародители еще вернутся. Ну, а пока — пока мы, люди Земли, готовы вам помочь, если, конечно, вы примете нашу помощь.

— Нам нужна помощь, — веско произнес старейшина, — потому что... — и вдруг перебил сам себя, обращаясь к женщине в длинном плаще, сидевшей по другую сторону костра: — Ты хочешь что-то сказать, Слышащая Тишину?

— Да. Меня зовет Мать Матерей — она хочет поговорить с той, что идет рядом со Святым Маком.

С этими словами она встала, подошла к входу в ближайшую пещеру и сделала Раде приглашающий жест рукой.

— Пойдем со мной, женщина долин, — тебя хочет видеть наша Мать Матерей.

К удивлению Максима, Рада, все это время сидевшая молча и молча слушавшая, так же молча встала и спокойно пошла к пещере.

Это еще куда, забеспокоился Мак, что им нужно от моей Рады? Помнится, Ирри, как его там, настаивал, чтобы мы приехали вдвоем..

— Не беспокойся, — произнес старейшина, заметив тревогу гостя, — с твоей спутницей не случится ничего дурного. С ней хочет поговорить наша Мать Матерей — это важно.

— О чем?

— Не все сказанное женщиной женщине надо знать мужчине, равно как и женщинам не нужно знать все, о чем говорят между собой мужчины.

Голос вождя Птицеловов звучал ровно и спокойно, однако Максим — впервые за все три года своего пребывания на Саракше — испытал довольно странное чувство. Вот ведь вопрос, кто тут из нас «пришел со звезд», подумал Максим, взглянув на неподвижное лицо старейшины в мерцании багровых отсветов пламени. Дети Неба, надо же. И я, получается,

вовсе не из племени их Отцов Небес, я тут так, случайно заблудившийся и совсем не тот, кого они ждали. Но кто же они, эти Отцы Небес? Вот тебе и дикие горцы-aborигены — интересный расклад, очень интересный... Не удивлюсь, если они и в самом деле могут читать хоть часть моих мыслей.

Он почувствовал на себе внимательный взгляд вождя и успел заметить легкую тень улыбки на его губах. А может, и умеют... Максим быстро взял себя в руки. Даже если так, то что из этого? На Земле есть ридеры, феномен известный, так по чему бы ридерам не быть и на Саракше? Вспомним дисциплину мысли, а то разбаловал тебя твой обитаемый остров, разбаловал, прямо скажем. Привык быть Святым Маком, да? То-то же, Максим Каммерер!..

— Твой народ когда-нибудь видел звезды? — спросил Максим, подчиняясь какому-то внезапному внутреннему импульсу.

— Нет, — ответил старейшина — Но мы знаем, что они есть. Там, — он поднял лицо к темному слепому небу. — И когда-нибудь мы увидим эти звезды — обязательно. Но пока наша жизнь здесь, на земле — на этой земле.

Где вы — хозяева, мысленно добавил Максим, а я всего лишь гость, и гость незванный. Вы тут в своих горах разбирались с такими гостями просто и без затей — что будет, когда вы станете хозяевами всей планеты (именно «когда», а не «если»)?

— Вам известно, что такое башни противобаллистической защиты?

— Мы знаем о Темном Голосе, — спокойно отозвался Хранящий Память. — Но нам он не опасен — мы его не слышим.

Вот это да! Птицеловы иммунны к излучению! Кем бы ни были ваши Небесные Отцы, они постарались на славу... Какой сюрприз для Рудольфа — саракшиане, не один, не десять, а целый народ, причем достаточно многочисленный и невосприимчивый к полю. И что теперь будет делать Сикорски со своей позитивной реморализацией всей планеты? Мы просто самоуверенные идиоты, растерянно подумал Максим, идиоты, считающие себя умнее всех...

— Нас мало, — все так же спокойно проговорил старейшина, — и если мы спустимся с гор, мы растворимся бесследно среди людей низин. Люди долин живут во власти тьмы, люди островов — во власти злобы, а люди песков...

— Ты говоришь о мутантах?

— Нет. Мутанты — это жалкая тень людей, умирающий упрек военному безумию. Я говорю о народах, живущих в пустынях Юга.

— Пустыни смертельно радиоактивны — как там могут жить люди?

— Они живут там. Возможно, ты сам это узнаешь, Святой Мак, и скоро.

Вождь помолчал, глядя в огонь костра, и добавил с еле уловимым оттенком грусти:

— Наш мир качается на краю пропасти, и я не знаю, сумеем ли мы его удержать. Мы надеялись на твой совет...

Что я могу им посоветовать, подумал Максим, ощущая гадкое чувство бессилия. Что мы вообще можем сделать? Мы лечим бывшую страну Неизвестных Отцов, а ведь есть еще Островная Империя, которая наверняка пополняет свои арсеналы атомными бомбами и готовит дальнобойные ракеты для запуска с белых субмарин. И что тогда? Ракеты излучением не остановишь, массаракш!

— Мы можем помочь вам техникой, — хрипло произнес он. — И можем вывезти людей с этой планеты, если случится худшее.

— Нет, — старейшина отрицательно покачал головой. — Это наш мир, нам с ним жить, нам с ним и умирать. А за предложение помощи — спасибо, Святой Мак. Может быть, она нам понадобится.

Тут из темноты пещерного свода появилась Рада в сопровождении двух горянок, и вождь ограничился тем, что крепко пожал Максиму руку — так обычно и понятно.

Максим улыбнулся ей. Что ж, «не все сказанное мужчиной мужчине надо знать женщине, равно как и мужчинам не нужно знать все, о чем говорят между собой женщины»...

Главное было сказано, и дальнейшая беседа шла легко и непринужденно — радушные хозяева встречали желанных гостей. Еда, напитки, говорили обо всем и ни о чем.

— А потом была ночь, которую Максим с Радой провели в уединенной пещере, на пещерном полоке, выстланном меховыми шкурами горных медведей и пещерных барсов, — фауна Зартака, как и сами Птицеловы, похоже, удачно пережила атомную войну. И в этом крошечном коконе хватало места только для них двоих. А может, думал Максим, вглядываясь в загадочно искрящиеся глаза Рады, и ты пришла со звезд? И уже засыпая, он поймал себя на мысли: что же такого сказали Раде? Не буду спрашивать, решил он, захочет — расскажет сама.

* * *

— Вы были правы, Максим, — Лев Абалкин подобрал небольшой камешек, бросил его в темный коридор и прислушался, как он щелкает, отскакивая от стен, — это не собаки, это разумные существа. Скорее всего, голованы сформировались как разумная раса задолго до ядерной войны, и пережили они эту войну только потому, что они разумны. А упыри — это те из киноидов, кто подвергся мутациям: радиация действует на голованов точно так же, как на любые другие биологические организмы.

Голованы, подумал Максим, название довольно меткое. Головы у хозяев подземелий Крепости и в самом деле внушительные, они кажутся непропорционально большими. Ну что ж, голованы так голованы — трудно возразить. Да, я был бы страшно рад, если бы встретил этих разумных киноидов сразу после моего появления на Саракше (а это вполне могло случиться) — установил бы с ними контакт и контачил бы себе потихоньку, не зная ни о башнях, ни о ядерной войне, ни о прочих прелестях моего обитаемого острова. И по возвращении на Землю написал бы монографию под названием «Разумные собаки с планеты Саракш», приобрел бы известность в научных кругах, и родители успокоились бы насчет моего будущего — у сына все, как у людей, — и Дженни, наверное, вышла бы за меня замуж.

А сейчас, после всего, что случилось за эти три года, я не испытываю никакого азарта — пусть с голованами возится Лев, мне они неинтересны, да. Вот только вряд ли он сможет всецело посвятить себя контакту с разумными киноидами — Лев Абалкин нужен Рудольфу Сикорски совсем для другого (для чего Экселенц и запрашивал с Земли нового сотрудника: молодого, способного и прошедшего специальную подготовку). Страннику не до собак, будь они хоть трижды разумными, — у Странника хватает проблем с людьми...

* * *

Доклад Каммерера о визите к Птицеловам Экселенц выслушал очень внимательно, пробормотал «Вот и еще один неучтенный фактор влияния...», но Максим видел, что шефа что-то беспокоит и что он, слушая его, одновременно думает о чем-то еще. Максима это не удивило — он привык, что Рудольф делает несколько дел сразу и при этом не ошибается, — однако встревоженность Странника он уловил.

— У нас очередные неприятности? — спросил он напрямик, закончив доклад.

— В Республике и у наших ближайших соседей пока спокойно, — буркнул Сикорски, — относительно спокойно. Зато айкры... Есть сведения, что они готовят войну — ядерную.

— Ракетный удар с подводных лодок — издалека, не входя в зону действия башен?

— Именно так — островитяне многому научились, и ошибок они не повторяют. Флота и дальней авиации у нас нет — перехватить подводные ракетноносцы в океане, до их выхода на стартовый рубеж, мы не сможем. Значит, или придется привлечь земные звездолеты, что не слишком желательно — принцип дозированного вмешательства, массаракш, — или...

— Или?

— Или использовать ту же методику, которую мы с успехом применяем вот уже много лет в Хонти: внедрение в Островную Империю одного или нескольких землян-прогрессоров с тем, чтобы они сыграли там роль ингибитора нежелательных процессов. Наши сведения об айкрах теперь куда более подробны, чем до вторжения, — мы подвергли ментоскопированию всех пленных офицеров и многое узнали. Империя Тысячи Островов далеко не монолитна — там сейчас идет очень жесткая борьба за власть, в ходе которой жречество консолидируется с промышленными и финансовыми кругами. Конечные цели у жрецов и у дельцов разные, но противник один: Великий Кракен и поддерживающая его каста военных аристократов. На островах назревает что-то вроде классической буржуазной революции — это когда реальная власть переходит от носителей мечей к держателям кошельков. Фанатики твердят о древней мести, тогда как прагматики отнюдь не рвутся разжигать всепланетный атомный пожар, не без основания полагая, что им самим мало не покажется. И этой ситуацией можно — и нужно — воспользоваться.

— И вы хотите послать туда меня?

— Тебя? Нет, Максим, тут нужны люди со специальной подготовкой, которой у тебя нет, да и личность ты на Саракше слишком известная — тебе будет трудно работать агентом под прикрытием. Так что оставайся Святым Маком, а с «ингибитором» я тебя сейчас познакомлю — он недавно прибыл с Земли, но успел уже побывать в лагерях военнопленных и познакомиться с айкрами.

Сикорски щелкнул клавишей стационарного коммуникатора и произнес:

— Лев, зайдите ко мне, пожалуйста.

И добавил, обращаясь к Максиму:

— Съездишь с ним за Голубую Змею — посмотришь, что он за парень, проверишь. Тебе все равно нужно там побывать — тебя хочет видеть Колдун.

— Колдун?

— Он самый. Твоя популярность, — Странник усмехнулся, — растет день ото дня, тобой интересуются самые важные персоны планеты. Не удивлюсь, если завтра тебя захочет видеть господин хонтийский президент или даже сам островной император.

— А на кого я оставляю Город Просвещения? Это же мое основное дело, Рудольф!

— У тебя есть Рада — способная девочка, очень способная. Есть оперившиеся ученики, да и мои ребята помогут. К тому же не думаю, что твой визит к чревовещателю окажется продолжительным. Но съездить надо обязательно: Колдун не из тех, кто страдает дефицитом общения или праздным любопытством. Просто так он никого звать не будет — он у нас вещь в себе, причем вещь самодостаточная. Съездишь, навестишь Колдуна, проведешь «ходовые испытания» нашего нового сотрудника, а заодно узнаешь, что там за слухи о варварах, якобы зашевелившихся в пустынях Юга. О них тебе ведь и горцы говорили, а дыма без огня, как известно... Войдите!

В человеке, появившемся на пороге кабинета, Максим сразу узнал землянина, а по стремительной текучести его движений он понял, что перед ним профессионал, профессор высокого класса — поединок с ним Максим наверняка бы проиграл, да и самому Страннику в таком поединке пришлось бы несладко.

— Знакомьтесь, товарищи, — голос Сикорски источал радушие, но глаза его оставались холодными: Странник оценивающе присматривался к новому сотруднику.

— Лев Абалкин.

— Максим Каммерер.

Мы с ним ровесники, подумал Максим, пожимая крепкую руку Абалкина, только я все еще любитель, а он уже выбрал свою стезю.

— Вы, Лев, отправитесь с Максимом в краткую командировку на Юг, — резюмировал Сикорски. — Попробуете Саракш на вкус, посмотрите, во что превратила ядерная война огромные цветущие территории, и увидите, чего нам надо избежать — это вам пригодится. А Максим...

Слова «посмотрит на вас» произнесены не были, но они подразумевались, и Абалкин

это понял.

— Когда мы отправляемся? — уточнил он, не выказывая никаких эмоций.

— Завтра утром.

...Рада весть об отъезде Максима восприняла спокойно — надо, значит, надо.

— Не волнуйся, — сказала она, — здесь все будет нормально. Мы справимся.

В том, что она справится, Максим не сомневался. А уж они — и подавно. Его Рада уже не была той Радой, которая в ужасе вжалась спиной в стену, когда на них с Маком в темной подворотне напали бандиты Крысолова. Девушка пользовалась в Городе заслуженным уважением, и вовсе не только потому, что она была тенью Святого Мака. Тень эта давно обрела самостоятельность: имя «Идущая Рядом» (так ее теперь называли) означало именно рядом, а не позади, как положено тени. Максим был и рад, и не рад этому — он гордился Радой, но чувствовал, что она постепенно отдаляется от него, и это ему не нравилось. И сейчас, после ее спокойной фразы, он ощутил легкую досаду — неужели у Рады уже не осталось. Для него более теплых слов?

— Только возвращайся скорее, — добавила Рада, словно услышав его мысли, — живой и невредимый.

— Что со мной может случиться? Я же Святой Мак — не ты ли это говорила?

— Возвращайся, я буду ждать... — просто ответила она.

* * *

Голованы так голованы, пусть будут голованы. Хм, а не к этим ли «живущим в личине зверя» отправился горец Ирри Арритуаварри? Птицеловы, несмотря на свое отшельничество, знают все, происходящее на континенте. Готовятся выполнить Предначертанное. Да, очень на то похоже... А Лев молодец — общение с киноидами он ведет легко и быстро. Если у него так пойдут дела и на островах, то, возможно, глобальной ядерной катастрофы и в самом деле удастся избежать. Но голованы голованами, а нам надо двигаться дальше — я забрался в эти гиблые места не ради контакта с разумными собаками: меня ждет Колдун.

— Пойдемте, Лев, — сказал Максим. — Уже темнеет, а до поселка мутантов в руинах нам с вами еще ехать и ехать. А ночью по этим смертоносным лесам особо не разъездишься даже на глайдере — древняя боевая автоматика по-прежнему работает, и неплохо.

— Пойдемте, — с видимым сожалением согласился Абалкин, — вы правы.

А ведь он, подумал Максим, с гораздо большим удовольствием остался бы общаться с этими разумными собаками, чем лететь в другое полушарие планеты для общения с куда менее приятными существами.

— Так вопрос не стоит, — с некоторым удивлением ответил Абалкин, когда Максим прямо спросил его об этом — Прогрессорство — это моя работа, и моя задача — острова. Я охотнее занимался бы киноидами — они мне более симпатичны, чем островитяне, — но голованы дождутся меня, а вот островитяне — нет. Так что как только мы с вами вернемся, я сделаю себе биопластику и отправлюсь на Благословенные Острова — как же иначе?

Биопластика, подумал Максим. Да, Абалкину потребуется коррекция внешности — на островитянина он, мягко говоря, не очень похож. Мы, земляне двадцать второго века, научились быть высококлассными шпионами, нас примут за своих где угодно. Биопластика, психологическая адаптация — наверно (если возникнет такая необходимость), землянина можно замаскировать даже под голована. Вопрос только в том, что это за необходимость и как она возникает...

* * *

— А что там, дальше? — спросил Абалкин, всматриваясь в жаркое марево, дрожавшее над холмами, поросшими скрюченным чахлым кустарником.

— Пустыни, — ответил Максим, — сплошные пустыни, тысячи километров

зараженных пустынь. Территория бывшей страны Неизвестных Отцов — это всего лишь часть бывшей Империи, примерно ее треть, и столица до войны была там, — он показал на юг, — километров триста отсюда. Но потом упали атомные бомбы, и от всех стран Центрального блока — и от большей части Империи — остались радиоактивные пустоши. А если острова развяжут новую ядерную войну, в пустыню превратится весь континент и, наверное, вся планета.

— Понятно, — сказал Лев.

Да, подумал Максим, логично. У голованов нет атомного оружия, и острой ненависти к людям они вроде бы не испытывают. Приоритеты расставляются сами.

— Думаю, — сказал он, — вы еще сможете пообщаться с вашими разумными киноидами — не так долго, как хотелось бы, но все-таки. Колдун — личность своеобразная, он приглашал за чем-то меня, а на вас его приглашение не распространяется. Там, куда мы едем, есть тоннели метро, и в них тоже обитают голованы. Так что пока я буду на аудиенции, вы сможете посмотреть тоннели — только, прошу вас, будьте осторожны: кроме голованов в них водится и другая живность, не столь разумная. И достаточно неприятная в общении — попросту говоря, опасная. Одни упыри чего стоят, не говоря уже о мутантах-пресмыкающихся и земноводных, каких на Саракше раньше, до войны, отродясь не было.

— Не волнуйтесь, Максим, — холодно отозвался Абалкин, — с неожиданностями я справлюсь.

Глайдер обогнул холм, впереди показались развалины, и разговор сам собой затих: оба землянина почувствовали что-то недоброе, затаившееся среди руин города, сожженного атомным огнем. Максим поднял спектролитовый обтекатель машины — злой воздух Саракша, дышащий радиацией, старой болью и смертью, остался снаружи, — а Лев активировал панель управления оружием: из гладкого корпуса глайдера выпучилась турель спаренного пулемета.

Развалины, служившие пристанищем маленькой общине мутантов, возглавляемой принцем-герцогом, выглядели так же, как и три года назад, — остатки стен, пустые оконные проемы, каменная чаша фонтана, заваленная мусором, оплавленный памятник неизвестно кому, — но что-то было не так, а что именно не так, Максим понял, увидев на земле темные пятна. Это были трупы тех самых мутантов, существ несчастных и безобидных, уродливых и в жизни и в смерти, разбросанные в беспорядке по бывшим улицам бывшего города.

Кому они помешали, успел подумать он, legionеры давно уже не совершают рейдов в эти края, а в следующую секунду из-за косо срезанной стены, наполовину вросшей в землю и только поэтому до сих пор не рухнувшей, выползла нелепая и жутковатая машина.

Она напоминала телегу, сляпанную кое-как, на скорую неумелую руку, — широченные колеса, высокие хлипкие борта с узкими щелями-бойницами, подобие водительской кабины без стекол. Двигатель у этого монстра был самый примитивный — за телегой тянулся шлейф лохматого дыма, — однако самоходная колымага не была автоматическим устройством; в ее кабине сидели люди. Что это за люди, Максим разглядеть не успел — в бойницах засверкали вспышки выстрелов, и вокруг глайдера заплескали фонтанчики сухой земли и песка, выбитые пулями. Одна из них с визгом срикошетила от спектролита обтекателя, а затем посвист пуль, частую трескотню выстрелов и шуршание земли, разрываемой попаданиями, перекрыл рокот крупнокалиберного пулемета.

Лев Абалкин умело, расчетливо и хладнокровно рубил «телегу» длинными очередями из обоих стволов. Бронебойно-зажигательные пули решетили борта; странная машина грузно осела на простреленные колеса, из кабины кто-то вывалился и застыл на земле кучей тряпья. Гулко ахнуло, и колымага выбросила клуб бурого дыма и огня — взорвался топливный бак.

— Все, — спокойно сказал Абалкин, — живых там не осталось. Можно идти смотреть, кто они такие, эти приветливые прохожие.

Что за варварское сооружение, думал Максим, разглядывая расстрелянную «телегу». Варварское? Так вот кто это такие. Наслышаны, наслышаны — легенды оказались правдой. Хотя кто бы сомневался, если уж и Птицеловы, и Колдун говорят о варварах как о реальном

народе. Жители песков — ну да, конечно: конструкция машины облегченная, борта из тонкого железа, шины широкие, похожие на поваленные набок короткие цилиндры (как раз для езды по барханам). Но с технологиями у вас туго: такое ощущение, что ваш вездеход вы собирали вручную, и не по чертежам, а по картинке, и вообще ваша повозка — кустарная самоделка, слепленная из подручного материала. И слава богу — значит, можно надеяться, что ни ракет, ни атомных бомб у вас нет, господа варвары.

Тот, кто выпал из кабины, лежал навзничь, и Максим смог его рассмотреть. Плотная кряжистая фигура, желтоватая кожа, курчавые темные волосы, узкие глаза (они остались открытыми), мелкие ощеренные зубы — варвар оказался не похожим ни на имперцев, ни на пандейцев, ни на островитян, ни тем более на горцев Зартака. Еще одна раса саракшиан, пережившая войну и не превратившаяся в карикатурное подобие людей. Поверх безрукавки, открывавшей мускулистые руки, на убитом был шипастый панцирь (чистое Средневековье!), неплохо, по всей видимости, защищавший своего владельца в рукопашной, но не спасший от крупнокалиберных пуль, разодравших его практически в клочья. В кабине, уткнувшись в рулевое колесо, лежал еще один варвар, но Максим не стал его разглядывать — у водителя было снесено пол черепа и мешал смрадный дым: «телега» лениво, но чадно горела.

Тем временем Абалкин деловито вышиб прикладом заднюю дверцу, нырнул в дым, повозился внутри — слышно было, как он пробирается, — и вернулся, неся пару старинных (не автоматических) винтовок.

— Там смотреть не на что, — сообщил он. — То ли шесть, то ли семь трупов, точнее не сказать, их всех порвало на куски. Кто они, Максим?

— Варвары. Жители песков. Я их вижу впервые, хотя много о них слышал. Вероятно, разведчики. Жаль, что не удалось взять пленного — кто его знает, может, они авангард целой армии.

— Боюсь, что с этим пленным было бы тяжело общаться, — произнес Лев с какой-то странной интонацией, — и даже просто находиться рядом с ним было бы небезопасно.

— Что вы имеете в виду?

— Они фонят так, что любой саракшианин минут через пятнадцать такого общения получит смертельную дозу. Да вы сами посмотрите, Мак.

Максим наклонился над телом варвара в панцире и кожей лица ощутил характерное жжение — труп действительно был радиоактивным.

— При таком уровне радиоактивного заражения они давно должны быть мертвецами, — задумчиво проговорил Абалкин, — а они ездят и стреляют. Интересно, не правда ли?

— Очень, — согласился Максим — Вот что, — он огляделся по сторонам, — надо бы его во что-нибудь упаковать и взять с собой: этот феномен нужно доставить Рудольфу. Никогда не слышал ни о чем подобном.

— Заверну в пленку и закину в грузовой отсек глайдера, — предложил Абалкин, — места хватит. Однако неплохо бы его прикрыть хотя бы стальным листом — сидеть не один час рядом с таким сильным источником радиации не слишком полезно даже для нас с вами. Пойду поищу в развалинах что-нибудь подходящее, в крайнем случае — дотянем до леса, там неподвижной и ползающей брони более чем достаточно. Вы делайте свое дело, Максим, с погрузкой нашего трофея я справлюсь один.

Он уверенной походкой направился к руинам, не обращая внимания на трупы мутантов, а Максим смотрел ему вслед и думал, что Лев успешно прошел «ходовые испытания». Прогрессор Абалкин, посланец Земли и проводник ее воли; совершенная боевая машина, заточенная под вполне определенную задачу и функционирующая без сбоев и без рефлексий, мучивших арканарских наблюдателей и спасателей на Сауле. Похоже, стрелять Абалкин будет не особо раздумывая. Максим Каммерер был в этом уверен. Вот тебе и вся проверка, подумал он с горечью...

— Вы опоздали, Мак, — Колдун покачал своим огромным черепом, покрытым густым жестким волосом, похожим на серебристый мех.

— Они погибли? Все? И принц-герцог?

— Не все, — Колдун говорил негромко, но в подвале был отличный резонанс, и каждое слово различалось отчетливо. — О приближении пустынных мутанты узнали еще вчера, и принц-герцог ночью увел всех, кто хотел и мог уйти. Остались только те, кому было уже все равно, жить или умирать. И они умерли — варвары убили всех, кого застали.

— И вы не смогли помешать? — резко спросил Максим, пристально глядя в глаза Колдуна: в узкие и длинные нечеловеческие глаза с вертикальным, как у змеи, зрачком — Вы ведь кое-что умеете — я помню, как вы усыпляли упырей.

— Умею, — легко согласился Колдун, — но незачем мешать. Мутанты — те, которые здесь остались, — сами выбрали свою судьбу; они могли уйти — и не ушли. Они выбрали смерть как благо.

Да, подумал Максим, бывает. Несчастные создания, не нужные даже самим себе... А я, помнится, при расставании с доктором, которого здесь зовут принцем-герцогом, клятвенно обещал никого не забыть после полной и окончательной победы и наступления всеобщего равенства и братства. И вот — опоздал...

— И главное, — продолжал Колдун, не разжимая губ маленького рта, сложенных так, словно он собирался свистнуть сквозь зубы, — во что вмешиваться? Конечный итог любого действия невозможно предугадать. Я созерцатель, а вы — нет, поэтому вам трудно меня понять. Помните наш разговор три года назад? Вы сила, Мак, вы взбудоражили этот мир и вывернули его наизнанку — почти вывернули. И как я вам говорил, сила ваша не осталась свободной — Странник, загадочный человек из вашего мира, взял вашу силу себе. Ваше стихийное возмущение порядком вещей сделалось целенаправленным, вы уже не бунтарь-одиночка — вы стали элементом системы, осуществляющей определенную задачу. Но в ходе вашей бурной разрушительно-созидательной деятельности и вы лично, и все вы, пришельцы, резко нарушили равновесие и продолжаете его нарушать, и последствия этого нарушения непредсказуемы.

— Вы пригласили меня только для того, чтобы побеседовать на философские темы? — спросил Максим, борясь с подступившим гневом.

— Не только, — Колдун шевельнулся, и слепая ночная птица, сидевшая на его плече, переступила с ноги на ногу и взъерошила перья. — Я хочу видеть, каким вы стали, Мак, и сказать вам о варварах. Вам надо их учитывать. Помните, что говорили о пустынных мутантах? Они — страшные люди, из железной проволоки, ни плакать не умеют, ни смеяться; живут в пустыне, песок жуют, песком запивают. Варвары первобытно жестоки — вы сами видели, что они здесь натворили, но вот насчет питания песком — это не просто метафора. Вы расстреляли повозку варваров и наверняка осматривали их трупы — вам ничего не показалось странным?

— Показалось, — ответил Максим, еще не понимая, куда клонит Колдун. — Тела убитых радиоактивны, причем настолько, что уровень радиации несовместим с жизнью.

— С обычной биологической жизнью, — поправил его Колдун, — а жизнь как таковая — она многообразна. Есть биоорганизмы, которые отлично переносят повышенную радиацию — например, насекомые. А есть и такие, для которых радиация — хлеб насущный.

— Вы хотите сказать...

— Варвары — это новый вид людей, они — дети войны и огромных зараженных территорий. У них кардинально изменился метаболизм. «Горячие воины» варваров могут очень долго обходиться без еды. «Песок жуют, песком запивают». Повышенный радиоактивный фон — это для них естественная среда обитания. Это новые хозяева планеты — если новая война выжжет весь континент и уничтожит все его население, они заселят пустые земли, и чем выше будет уровень радиации на атомных пепелищах, тем лучше для варваров. Один раз появившись, жизнь не хочет исчезать, она приспосабливается к любым

условиям, и появление «горячих воинов» — наглядный пример. Варвары уступают нынешним обитателям планеты по умственным способностям. Их ум — это звериная хитрость. Они грубы, жестоки, не склонны к абстрактному мышлению, используют жалкие крохи прежних технологий. Это своего рода резервный вариант Мироздания — явный регресс с точки зрения развития разума, но в то же время — явно позитивная генетическая мутация, которая позволяет выжить в изменившихся условиях, смертельных для прежних разумных обитателей Саракша. Пройдут тысячелетия, и варвары, быть может, создадут новую цивилизацию, но вот какой она будет и будет ли — не знаю. А пока у них есть примитивное феодальное общество и маленькое южное княжество Ондол. Пока маленькое — оно постепенно расширится по мере роста населения и заселения зараженных пустынь. Но крупного наступления варварских орд на север можно не опасаться — центральных пустынь «горячим воинам» хватит на десятилетия. И варвары не спешат — они ждут войны, которая подарит им новые земли, пригодные для обитания.

Ядерной войны, подумал Максим. Разумно — не такие же они и дураки, эти «горячие воины». Чистые районы им не нужны, а во встречном бою «драконы» и «вампиры» перемелют их убогие «телеги» в труху.

— Откуда вам все это известно? — спросил он.

— У меня есть помощники, — сказал Колдун.

— Насекомые, птицы, звери, летучие мыши. И сам я, как вы совершенно правильно заметили, кое-что умею. Так что учтите «варварский фактор» в расчетах. И подумайте, пожалуйста, о равновесии — хорошенько подумайте, Мак. Вам только кажется, что человек всесилен, а на самом деле это не так...

* * *

Задумавшись, Максим не заметил, как дошел от обиталища Колдуна — от подвала в дальнем конце разрушенного города — до центральной площади, где под присмотром Льва Абалкина остался глайдер. Слова Колдуна о нарушении вселенского равновесия мало тревожили Каммерера — он думал о радиоактивных пустынных колониях. Не верить Колдуну оснований не было, вид разгромленной колонии был красноречивее разговоров.

Они враждебны всем людям Саракша, думал он, враждебны только потому, что люди не могут жить там, где живут варвары, и наоборот. Двум разумным видам не ужиться на одной планете — людям надо дезактивировать зараженные территории (об этом Сикорски говорил еще три года назад), а для варваров это смерть в самом прямом смысле слова. Пока южане немногочисленны, конфликта еще можно избежать, но что будет лет через сто, когда они размножатся, а заодно, что весьма вероятно, овладеют всем техническим наследством выжженных держав? Любая разумная раса стремится расширить свой ареал обитания, и в данном случае это стремление обернется беспощадной войной на уничтожение. Час от часу не легче — теперь понятно, почему желтокожие воители открыли огонь по глайдеру, даже не поинтересовавшись, кто в нем сидит: любой чужой для них враг по определению — враг, с которым говорить не о чем. Теоретически можно разделить континент на две зоны, однако наличие на материке обширных радиоактивных пустынь неминуемо приведет к вырождению (или к перерождению) биосферы всей планеты. Так что — или-или. Вот только этого нам и не хватало, массараکش-и-массараکش! И кстати, как действует на «горячих воинов» излучение и действует ли вообще? Колдун об этом не сказал, а я не спросил.

Глайдер стоял на месте, но Абалкина возле него не было. Максим обошел машину, заглянул внутрь. Грузовой отсек ощутимо фонил — значит, Лев уже загрузил туда «феномен» и, судя по тому, что радиация была вполне терпимой, чем-то его экранировал. Но где он сам? Неужели полез в тоннели к головам? Не слишком осмотрительно, надо сказать, особенно для профессора уровня Абалкина, — а вдруг появится еще одна варварская «телега»? Может, он просто зашел в ближайший уцелевший дом, вон в тот? Хм, а домик-то знакомый...

Это был тот самый дом и та самая комната — выцветшие обои, скукожившиеся то ли от жары, то ли от старости; рассохшийся паркет, выгоревший в углу; единственное окно без стекла. И самодельный деревянный стол, за которым сидел Гай и чистил автомат, мучаясь от синдрома лучевого голодания. Бедняги Гая уже три года как нет в живых, а колченогий стол стоит себе как ни в чем не бывало — вещи обладают удивительной способностью переживать людей.

Максим подошел к столу и коснулся пальцами его шершавой поверхности. Да, стол тот самый, и табуретка, на которой сидел Гай, та же самая, и вторая табуретка стоит там же, где стояла три года назад. Здесь ничего не изменилось — ничего, — только Гай никогда уже не сядет за этот стол...

Снаружи, за окном, что-то метнулось, словно невидимая птица взмахнула крылом. Максим быстро переместился к оконному проему, готовый ко всему, и вдруг почувствовал, что в комнате кто-то есть. Он медленно повернул голову и замер.

За столом в спокойной позе сидел человек, которому неоткуда было взяться — секунду назад его не было. Максиму показалось, что это Гай — или призрак Гая? — человек был одет в армейский камуфляж, но это был не Гай, Максим понял это со второго взгляда. Незнакомец был совсем не похож на саракшианина — он больше походил на горца или на землянина. Но как он здесь оказался? Ведь комната только что была пустой! Нуль-транспортировка?

— Кто вы? — спросил Каммерер, старясь сохранять спокойствие.

Если это призрак — ну что ж, пообщаемся с призраком, Саракш и не такому научит.

— Я один из тех, кого называют Странниками, — сказал «призрак». — Никакой мистики. Я просто вошел.